

ВЕСТНИК МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

ОБРАЗОВАНИЕ • НАУКА • НОВАЯ ЭКОНОМИКА

Научный периодический журнал

ISSN 1996-7845 (Print)
ISSN 2542-2081 (Online)

Периодичность выхода — 4 раза в год

Научный периодический журнал «Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика» издается Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» с января 2006 г.

С 2009 г. публикуется ежеквартально. Каждый номер журнала является тематическим. Включен в перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (рекомендован по следующим научным специальностям: 08.00.14 — Мировая экономика (экономические науки), 13.00.08 — Теория и методика профессионального образования (педагогические науки), 23.00.04 — Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития (политические науки; с 28 декабря 2018 г.)

Миссия журнала — распространение российских и зарубежных исследований в области глобального управления, международного сотрудничества по различным направлениям социально-экономической политики, в том числе образования, науки, новой экономики; а также создание профессиональной площадки для обсуждения тенденций и прогнозов в этих сферах.

Вестник международных организаций публикует статьи и аналитические материалы российских и зарубежных авторов о деятельности многосторонних международных институтов, прежде всего «Группы восьми», «Группы двадцати», БРИКС, ОЭСР, Всемирного банка, МВФ, ВТО, ООН, и интеграционных объединений, в первую очередь Европейского союза, Евразийского экономического союза, Шанхайской организации сотрудничества и др.

Журнал рассчитан на исследователей, аналитиков, практиков в области международных отношений и мировой экономики, а также на широкий круг читателей, интересующихся политическими проблемами международных отношений и глобального развития.

Позиция редакции не обязательно совпадает с мнением авторов.

Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала и авторам статей. Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна.

Подписка

Подписка на журнал «Вестник международных организаций» осуществляется во всех почтовых отделениях связи:

Объединенный каталог «Пресса России»

<https://www.pressa-rg.ru>

Подписной индекс: 20054

Розничная продажа

В университетском книжном магазине «БукВышка»

Адрес: Москва, ул. Мясницкая, д. 20

Телефон: +7 (495) 621-49-66, 628-29-60

Научный руководитель Я.И. Кузьминов
(НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Главный редактор М.В. Ларионова
(НИУ ВШЭ, РАНХиГС, Российская Федерация)

Ответственный секретарь С.А. Васильковский
(НИУ ВШЭ, РАНХиГС, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Э. Бейкер (Королевский университет Белфаста, Великобритания)

Св. Бископ (Королевский институт международных отношений «Эгмонт», Бельгия)

Ю.А. Борко (Институт Европы РАН, Российская Федерация)

Р. Вагенаар (Университет Гренингена, Нидерланды)

Я. Ваутерс (Лёвенский католический университет, Бельгия)

Ш. Го (Шанхайский университет иностранных языков, КНР)

Л.М. Гохберг (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Дж.Дж. Киртон (Университет Торонто, Канада)

А.В. Кортунов (Российский совет по международным делам, Российская Федерация)

Дж. Найт (Университет Торонто, Канада)

Т.Г. Пархалина (Институт научной информации по общественным наукам РАН, Российская Федерация)

А.В. Соколов (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

И.Д. Фрумин (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

П. Хайнал (Университет Торонто, Канада)

В.Д. Шадриков (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Л.И. Яковсон (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

А.А. Яковлев (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

РЕДАКЦИЯ

Выпускающий редактор А.В. Заиченко

Компьютерная верстка Ю.Н. Петрина

Художник А.М. Павлов

Адрес редакции

Российская Федерация, 119017, Москва,

ул. Малая Ордынка, д. 17

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

Телефон: +7 (495) 772-95-90 *23147 и *23149

E-mail: ioj@hse.ru

Web: <http://ioj.hse.ru/>

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер ПИ № ФС 77 – 66563 от 21.07.2016

Учредитель

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

Тираж 400 экз.

© Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2021

INTERNATIONAL ORGANISATIONS RESEARCH JOURNAL

EDUCATION • SCIENCE • NEW ECONOMY

Quarterly Journal

ISSN 1996-7845 (Print)
ISSN 2542-2081 (Online)

International Organisations Research Journal (IORJ) is published by the National Research University Higher School of Economics since January 2006. It is published quarterly since 2009. Generally, each issue is dedicated to one theme. The Journal is on the list of reviewed scholarly journals approved by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of Russia for publishing key research findings of PhD and doctoral dissertations. The journal's main themes are: global governance and international affairs, world economy, international cooperation in education, science and innovation.

The journal's mission is to disseminate the findings of research on global governance, international cooperation on a wide range of social and economic policies, including in the sphere of education, science and new economics, as well as creating a professional framework for discussion of trends and prognoses in these areas.

International Organisations Research Journal publishes academic and analytical papers by Russian and international authors on activities of international multilateral institutions: G8, G20, BRICS, OECD, the World Bank, IMF, WTO, UN, and alliances including the European Union, Eurasian Economic Union, Shanghai Cooperation Organisation and others.

The journal is aimed at researchers, analysts, practitioners in international affairs and world economics and at a wide audience interested in political issues of international affairs and global development.

The editorial position does not necessarily reflect the authors views.

Copyrights are owned by authors and editorial office. The reproduction of materials without permission of the editorial office is prohibited. The reference to the materials is obligatory.

Subscription

To subscribe to the International Organisations Research Journal contact postal department:

Объединенный каталог «Пресса России»

<https://www.pressa-rf.ru>

Subscription index: **20054**

Sale

To purchase the International Organisations Research Journal contact specialized bookshop of the Higher School of Economics Publishing House.

1/20 Myasnitskaya Ulitsa, Moscow, Russian Federation

Tel: +7 (495) 621-49-66, 628-29-60

Yaroslav Kuzminov, *Scientific Advisor*, Rector, HSE, Russian Federation

Marina Larionova, *Editor-in-Chief*, Professor, HSE; Head CIIR, RANEPa, Russian Federation

Sergei Vasilkovsky, *Executive Secretary*, HSE, RANEPa, Russian Federation

EDITORIAL COUNCIL

Andrew Baker (Queen's University of Belfast, United Kingdom)

Alexander Sokolov (National Research University Higher School of Economics, Russian Federation)

Andrei Kortunov (Russian International Affairs Council, Russian Federation)

Andrei Yakovlev (National Research University Higher School of Economics, Russian Federation)

Jan Wouters (KU Leuven, Belgium)

Isac Frumin (National Research University Higher School of Economics, Russian Federation)

Jane Knight (University of Toronto, Canada)

John Kirton (University of Toronto, Canada)

Leonid Gokhberg (National Research University Higher School of Economics, Russian Federation)

Lev Yakobson (National Research University Higher School of Economics, Russian Federation)

Peter Hajnal (University of Toronto, Canada)

Robert Wagenaar (University of Groningen, Netherlands)

Shuyong Guo (Shanghai International Studies University, China)

Sven Biscop (Egmont – The Royal Institute for International Relations, Belgium)

Tatiana Parkhalina (Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Science, Russian Federation)

Vladimir Shadrikov (National Research University Higher School of Economics, Russian Federation)

Yuri Borko (Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation)

EDITORIAL STAFF

Executive editor – Anna Zaichenko

Pre-Press – Yulia Petrina

Designer – Andrey Pavlov

Address

National Research University Higher School of Economics

17 Malaya Ordynka Ulitsa, 119017, Russian Federation

Tel: +7 (495) 772-95-90 *23147 and *23149

E-mail: iorj@hse.ru

Web: <http://iorj.hse.ru/>

Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR)

Reg. No. PI № FS 77 – 66563 (21.07.2016)

Publisher

National Research University Higher School of Economics

400 copies

© National Research University
Higher School of Economics, 2021

Содержание

БРИКС в системе многостороннего сотрудничества

А.Г. Сахаров, И.В. Андропова

Вклад БРИКС в глобальные усилия по переходу к устойчивым моделям потребления и производства7

М.В. Ларионова, А.В. Шелепов

Формирующиеся механизмы регулирования цифровой экономики.
Риски и возможности для многосторонней системы глобального управления 29

Л. Джамель, А. Дербали, А. Ламучи, А. Эльнагар

Открытость торговли и конкурентоспособность:
БРИКС и страны Африки южнее Сахары.....64

А.К. Морозкина, В.Ю. Скрябина

БРИКС и партнерство в интересах устойчивого развития:
перспективы расширения торговли с наименее развитыми странами..... 85

Евразия в эпоху геоэкономических изменений

С. Фань

Существующие механизмы Шанхайской организации сотрудничества
и проблемы борьбы с нетрадиционными вызовами безопасности 107

И.М. Попова

Проблемы реализации цифровой повестки ЕАЭС..... 127

Э. Каптякова, М. Жатко, Н. Баринкова

Состояние и перспективы внешней торговли между Европейским союзом
и Центральной Азией в период геоэкономических изменений 145

Аналитические обзоры

О.А. Баженова

Статус основного союзника США вне НАТО:
характеристика, хронология, географическое распространение 162

И.А. Сафранчук, В.М. Жорнист, А.Д. Несмашный

Гегемония и мировой порядок: обзор концепции «сложной гегемонии»172

Content

BRICS in the System of International Cooperation

A. Sakharov, I. Andronova

BRICS' Contribution to the Global Transition to Sustainable Consumption
and Production Patterns7

M. Larionova, A. Shelepov

Emerging Regulation for the Digital Economy:
Challenges and Opportunities for Multilateral Global Governance 29

L. Jamel, A. Derbali, A. Lamouchi, A.K. Elnagar

Trade Openness and Competitiveness: BRICS and Sub-Saharan Africa Countries.....64

A. Morozkina, V. Skryabina

BRICS and Partnerships for Sustainable Development:
Prospects for Trade With Least Developed Countries 85

Eurasia at the Times of Geoeconomic Shifts

X. Fan

Existing Mechanisms of the Shanghai Cooperation Organization
and Their Problems Dealing With Non-traditional Security Challenges..... 107

I. Popova

The Challenges of Implementing the EAEU's Digital Agenda 127

E. Kašťáková, M. Žatko, N. Barinková

Perspectives on the Current State of Foreign Trade
Between the EU and Central Asia in a Period of Geoeconomic Change..... 145

Analytical Reviews

O. Bazhenova

The Major non-NATO Ally Status: Characteristics,
Chronology, Geographical Distribution 162

I. Safranchuk, V. Zhornist, A. Nesmashny

Hegemony and World Order: An Overview of the Concept
“Hegemony as Complexity”172

БРИКС В СИСТЕМЕ МНОГОСТОРОННЕГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Вклад БРИКС в глобальные усилия по переходу к устойчивым моделям потребления и производства^{1, 2}

А.Г. Сахаров, И.В. Андропова

Сахаров Андрей Геннадиевич – н.с. Центра исследований международных институтов Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; Российская Федерация, 119034, Москва, Пречистенская наб., д. 11; E-mail: sakharov-ag@ranepa.ru

Андропова Инна Витальевна – д.э.н., профессор, заведующая кафедрой международных экономических отношений Российского университета дружбы народов (РУДН); Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; E-mail: aiv1207@mail.ru

Рационализация производства и потребления составляет ядро проблематики устойчивого развития, так как определяет уровень антропогенного воздействия на окружающую среду, являющегося основным предметом международных климатических договоренностей. Данная тема включает не только одноименную Цель устойчивого развития (ЦУР) 12, но и отдельные аспекты ЦУР 7 и 11.

Предметом рассмотрения настоящей статьи является институциональный вклад БРИКС как сообщества ведущих производителей и потребителей природных ресурсов, а также эмитентов загрязняющих веществ, в усилия международного сообщества по достижению задач ЦУР, связанных с проблематикой рационализации моделей производства и потребления.

Кроме того, поскольку социально-экономический кризис 2020 г. рассматривается как один из факторов, препятствующих реализации Целей, в работе освещается также влияние пандемии и антикризисных мер стран БРИКС на долгосрочное стратегическое планирование в области устойчивого развития.

Ключевые слова: Цели устойчивого развития; рациональные модели производства и потребления; энергетика; климатическая политика; БРИКС; COVID-19

Для цитирования: Сахаров А.Г., Андропова И.В. (2021). Вклад БРИКС в глобальные усилия по переходу к устойчивым моделям потребления и производства // Вестник международных организаций. Т. 16. № 1. С. 7–28 (на русском и английском языках). DOI: 10.17323/1996-7845-2021-01-01

Введение

Проблематика перехода к устойчивым моделям производства и потребления играет одну из ключевых ролей в рамках Повестки дня в области устойчивого развития до 2030 г. (Повестка 2030), принятой ООН в октябре 2015 г. Данная тема в широком смысле включает не

¹ Статья поступила в редакцию в ноябре 2020 г.

² Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

только одноименную Цель устойчивого развития (ЦУР) 12, но и отдельные аспекты ЦУР 7 «Недорогая и чистая энергия» и ЦУР 11 «Устойчивые города и населенные пункты»³, связанные с потреблением ресурсов и антропогенным воздействием на климат.

Страны БРИКС входят в число крупнейших производителей и потребителей энергии (рис. 1), а также эмитентов парниковых газов (рис. 2). Немаловажным показателем является и энергетическая интенсивность ВВП. Среди 12 государств с наиболее высокими показателями энергоинтенсивности три участника БРИКС: Россия, ЮАР и КНР (рис. 3). Согласно прогнозу компании BP, к 2040 г. страны БРИКС лишь упрочат свои позиции на мировом энергетическом рынке. Так, Россия останется крупнейшим производителем и экспортером энергоресурсов, а Китай с долей 22% от мирового потребления – крупнейшим потребителем, сопоставимым со всеми странами ОЭСР [BP, 2019]. С учетом вышеперечисленных факторов, помимо реализации национальных интересов стран-членов в энергетической сфере, перед «пятеркой» стоят задачи по борьбе за чистоту окружающей среды не только на национальном уровне, но и в глобальном масштабе. Эти факторы возлагают на объединение особую ответственность за решение проблем мировой энергетики и климата, напрямую связанных с реализацией Целей устойчивого развития в части, касающейся совершенствования моделей производства и потребления. Сотрудничество и национальные меры стран «пятерки» как участников ключевых международных договоренностей, затрагивающих энергоклиматические аспекты развития, – Парижского соглашения об изменении климата и Повестки 2030, могут стать важным фактором достижения вышеозначенных целей.

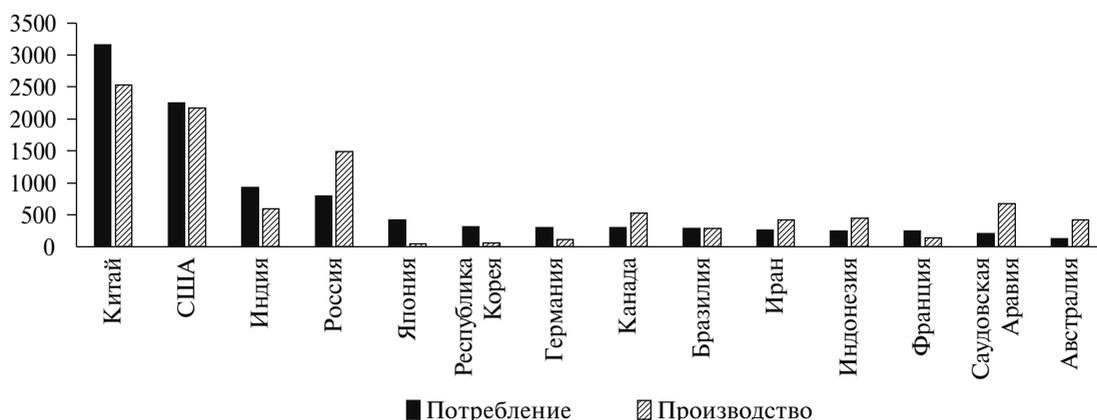

Рис. 1. Крупнейшие страны-производители и страны – потребители энергии, МТНЭ (млн т нефтяного эквивалента), сортировка по потреблению, 2018 г.

Источник: Global Energy Statistical Yearbook 2019.

Тематические направления изменения климата и развития энергетической отрасли вписаны в общий контекст усилий по переходу мировой экономики на модель устойчивого роста и являются ключевыми составляющими проблематики совершенствования моделей потребления и производства. Производство энергии занимает лидирующее место в числе источников выбросов парниковых газов – около 42%. Несмотря на обозначенные ориентиры по снижению уровня выбросов загрязняющих веществ, показатели антропогенного воздействия на климатические процессы остаются

³ Представлены в табл. 1.

на высоком уровне. Согласно данным Международного энергетического агентства (МЭА), с 1990 по 2017 г. показатель совокупных выбросов углекислоты в атмосферу увеличился с 20,5 до 32,8 тыс. Мт [IEA, n. d., a]. За тот же период отношение выбросов углекислого газа к численности населения выросло с 3,89 до 4,4 т на душу. Доля возобновляемых источников энергии в общем энергобалансе продолжает оставаться небольшой. С 2013 по 2017 г. доля возобновляемой энергетики в общем объеме мировой выработки энергии выросла с 7,4 до 8,4% (с учетом ядерной и гидроэнергетики). При этом доля угля в 2017 г. сохранилась на уровне 1998 г. – 27,6% [BP, 2018]. Инновационные возобновляемые источники энергии (без учета ядерной энергетики) составляют лишь чуть более четверти общего объема вырабатываемой возобновляемой электроэнергии, в то время как 72,6% приходится на гидроэнергетику [IEA, n. d., b]. Тем не менее по некоторым показателям наблюдается прогресс. Так, по мере внедрения энергоэффективных технологий и ввода мощностей возобновляемой энергетики, мировое сообщество постепенно движется в направлении снижения энергоёмкости глобального ВВП. После относительного застоя 2000-х годов начиная с 2011 г. наблюдалось снижение показателя выбросов углекислого газа на единицу ВВП с 0,46 до 0,42 кг [IEA, n. d., c].

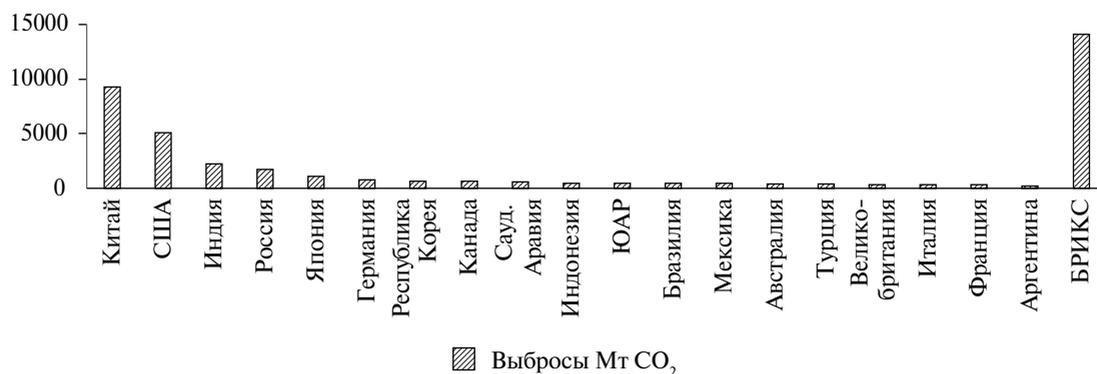

Рис. 2. Ведущие страны – эмитенты CO₂

Источник: Статистический ежегодник мировой энергетики 2019.

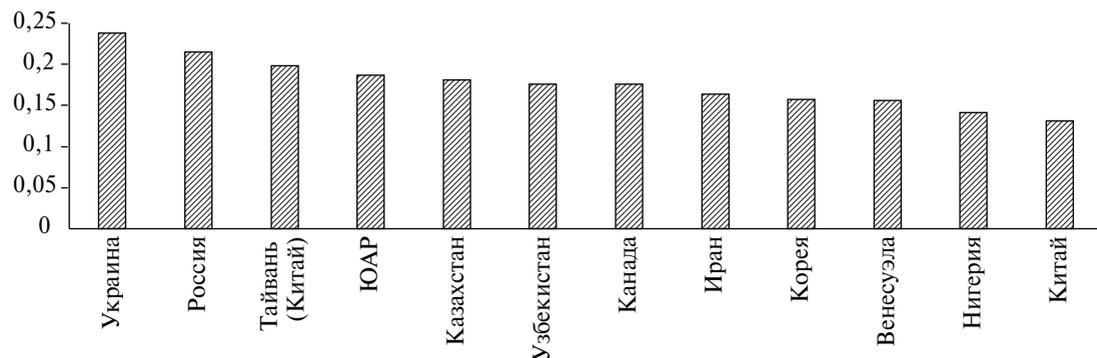

Рис. 3. Страны с наиболее высокими показателями энергоинтенсивности ВВП в мире, МТНЭ (млн т нефтяного эквивалента) на доллар США, 2018 г.

Источник: Global Energy Statistical Yearbook 2019.

Целью настоящей статьи является анализ коллективного вклада БРИКС в международные усилия по достижению задач ЦУР, связанных с проблематикой рационализации моделей производства и потребления ресурсов.

Кризис 2020 г., вызванный вспышкой и распространением коронавирусной инфекции (COVID-19) в глобальном масштабе, отразился и на энергетической отрасли. По данным Международного энергетического агентства, введение ограничений на перемещение граждан в среднем привело к сокращению спроса на энергоносители на 18–25% в отдельных странах, в зависимости от строгости принятых мер. Среднемировой спрос снизился на 3,8% в первом квартале 2020 г. [IEA, 2020]. В то же время, несмотря на позитивную динамику, продемонстрированную в первой половине 2020 г. [Ibid.], будущее возобновляемой энергетики, равно как и перспективы реализации климатических задач ЦУР в предстоящем десятилетии, вызывает вопросы в связи с выходом на первый план краткосрочных социально-экономических вызовов и необходимостью поддержки и ускоренного восстановления традиционных секторов энергетики и промышленности. Поэтому влияние пандемии и антикризисных мер правительств стран БРИКС на долгосрочное стратегическое планирование в области устойчивого развития в посткризисный период также является предметом настоящей статьи.

Повестка дня БРИКС в области энергетики и климата

Сотрудничество в сфере энергетики стало ключевым вопросом уже на первом саммите БРИК в Екатеринбурге в 2009 г., прошедшем под председательством России. Всего на первой встрече лидеров было принято пять обязательств в сфере энергетики. Изначально проблема рассматривалась через призму энергетической безопасности. Лидеры БРИК заявили о намерении усилить координацию между правительствами, национальными производителями и потребителями энергии, в том числе в странах-транзитах, с целью снижения неопределенности и волатильности на энергетических рынках. Также была выражена поддержка усилиям по диверсификации энергетического баланса стран-членов, как посредством расширения номенклатуры торговых партнеров, так и путем внедрения возобновляемых технологий. В качестве инструментов достижения последней цели были заявлены: развитие инфраструктуры, содействие росту инвестиций в энергетику, повышение энергоэффективности.

В связке с энергетической тематикой на саммите в Екатеринбурге обсуждалась проблема изменения климата. Так, внедрение энергоэффективных технологий рассматривалось лидерами как один из инструментов реагирования на глобальные экологические изменения. Обозначив готовность к конструктивному диалогу по вопросам изменения климата, страны БРИК заявили о необходимости соотносить меры экологической политики с нуждами социально-экономического развития [BRIC, 2009]. Тем самым уже на первых этапах функционирования института в рамках энергоклиматической повестки БРИКС начала складываться характерная для концепции устойчивого развития триада «экономика – социальная сфера – экология».

В 2010 г. энергетике и климату были посвящены отдельные разделы итогового заявления саммита БРИК в г. Бразилиа. Было принято девять решений по энергетической и одно по климатической проблематике. Лидеры обратили внимание на роль энергетики в повышении уровня жизни населения, указали на необходимость развития устойчивых в экологическом и социальном плане энергосистем. Таким образом, и на втором году существования БРИК в повестке дня форума прослеживались черты, характерные для концепции устойчивости. В этой связи на саммите в г. Бразилиа рассматривались вопросы диверсификации источников энергии, внедрения энерго-

эффективных и чистых энергетических технологий, создания рабочих мест в энергетической отрасли. Впервые была затронута тема сотрудничества стран БРИК в сфере трансфера энергетических технологий и компетенций.

На саммите в Бразилиа лидеры БРИК заявили о единстве позиций в отношении процесса изменения климата и намерения совместно противостоять данной угрозе. БРИК призвали все страны к объединению усилий на переговорах в рамках 16-й конференции сторон Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата и в других форматах с целью обеспечения сбалансированного и всеобъемлющего соглашения, которое обяжет стороны соблюдать положения Конвенции и Киотского протокола [BRIC, 2010, Para. 15–6].

В 2011 г. страны БРИКС, помимо вопросов развития возобновляемой энергетики, также затронули будущее атомной энергетики, сфокусировавшись на проблемах безопасности сопутствующей инфраструктуры и применяемых технологий. Лидеры приняли одно обязательство по энергетике и шесть по климатическим вопросам. Климатическая повестка в сравнении с предыдущим годом фактически не изменилась. В декларации по итогам саммита в Санье 2011 г. лидеры уделили значительное внимание проблематике устойчивости, рассматривая связку «энергетика – климат» через призму задачи перехода к качественно новой модели социально-экономического развития [BRICS, 2011, Para. 25].

В 2012–2014 гг. энергоклиматическая повестка БРИКС была фактически заморожена. В рамках заявлений лидеров за этот период было принято лишь два обязательства в сфере энергетики и пять в сфере борьбы с изменением климата. Тем не менее в 2012 г. на саммите в Дели было принято решение о координации усилий и изучении передового опыта и имеющихся технологий в сфере урбанизации и городского строительства. Лидеры приняли решение провести Форум по урбанизации и городской инфраструктуре БРИКС [BRICS, 2012], первое заседание которого состоялось в феврале 2013 г. В центре внимания форума были вопросы устойчивой урбанизации и обмена опытом между членами БРИКС в рассматриваемой сфере. Однако, несмотря на принятое на форуме решение проводить встречи ежегодно [BRICS, 2013], на сегодняшний день состоялось лишь три мероприятия (два в 2013 г. и одно в 2014 г.).

Российское председательство 2015 г. инициировало встречи на министерском уровне с целью активизации сотрудничества. В 2015 г. состоялась первая встреча министров стран БРИКС, ответственных за состояние окружающей среды. По результатам встречи была создана Рабочая группа по вопросам окружающей среды [BRICS, 2015a]. В 2015–2020 гг. такие встречи проходили ежегодно.

На первой встрече министров энергетики БРИКС в 2015 г. в Москве был утвержден Меморандум о взаимопонимании в области энергосбережения и повышения энергоэффективности. Среди достигнутых договоренностей: определение перечня «энергоэффективных и чистых технологий, в которых заинтересованы все страны БРИКС»; создание реестра существующих энергоэффективных технологий в странах БРИКС; активизация сотрудничества «государственного сектора, частных компаний и международных банков развития с целью привлечения инвестиций в энергоэффективные проекты и технологии в обозначенных областях»; утверждение перечня форм сотрудничества в сфере энергетики; создание Рабочей группы по энергосбережению и энергоэффективности [BRICS, 2015b].

Также в рамках российского председательства в 2015 г. была принята Стратегия экономического партнерства БРИКС. Одним из основных принципов Стратегии стала «поддержка устойчивого развития, уверенного, сбалансированного и инклюзивного роста, финансовой стабильности и принятие сбалансированных мер, направленных

на обеспечение социально-экономического развития и охраны окружающей среды» [BRICS, 2015c]. Среди предусмотренных мер энергетического сотрудничества, касающихся реализации задач ЦУР 7, 11 и 12, рассматриваемых в рамках настоящей статьи: оказание взаимной поддержки в целях диверсификации источников энергии; развитие энергетической инфраструктуры; содействие всеобщему доступу к энергии; повышение уровня энергоэффективности, в том числе совместная разработка энергоэффективных и более чистых энерготехнологий и обмен ими; внедрение экологически безопасных технологий производства, хранения и потребления энергоресурсов; содействие использованию возобновляемых источников энергии; повышение эффективности использования чистых источников энергии, таких как природный газ [Ibid.]. Следует отметить, что Стратегия ориентирована в первую очередь на развитие сотрудничества между странами БРИКС и не предусматривает оказания содействия третьим странам в сфере устойчивого развития.

Индийское председательство 2016 г. отметилось принятием двух обязательств в сфере борьбы с изменением климата. Кроме того, было принято обязательство по наращиванию сотрудничества в целях укрепления городского управления, повышения безопасности городов и их инклюзивности, модернизации городского транспорта, финансирования городской инфраструктуры и устойчивого городского строительства [BRICS, 2016].

На саммите в Сямэне (2017 г.) было принято шесть обязательств в энергетической и три в климатической сфере. В частности, поднимались темы повышения эффективности использования углеводородных энергоносителей, расширения использования относительно чистых (по сравнению с углем и нефтью) энергоносителей, таких как природный газ, а также гидро- и атомной энергетики. Кроме того, лидеры выразили намерение продолжать диалог по созданию Платформы по сотрудничеству в сфере энергетических исследований БРИКС. Также лидеры БРИКС призвали все страны к скорейшей реализации положений Парижского соглашения.

На встрече лидеров 2018 г. в Йоханнесбурге было принято два обязательства в сфере энергетики и три обязательства в сфере борьбы с изменением климата. Лидеры БРИКС подтвердили намерение укреплять энергетическое сотрудничество, особенно в рамках перехода к более экологически устойчивым энергетическим системам. Также было принято обязательство по диверсификации источников энергии, включая возобновляемые и низкоуглеродные, развитию инвестиций в энергетику и энергетическую инфраструктуру. Кроме того, лидеры одобрили меры по развитию «сотрудничества в сфере водных ресурсов на основе комплексного подхода к устойчивому развитию, а также в деле рассмотрения вопросов доступа к воде, защиты от наводнений, борьбы с засухой, водоснабжения и санитарии, воды и климата, систематического предотвращения и контроля за загрязнением воды, восстановлении и защите экосистем рек и озер, сохранении экосистем и управлении водными ресурсами» [BRICS, 2018a].

На встрече министров энергетики, прошедшей в июне 2018 г. в рамках южноафриканского председательства, было одобрено создание Платформы по сотрудничеству в сфере энергетических исследований БРИКС [BRICS, 2018b].

В ходе бразильского председательства 2019 г. было принято два энергетических и шесть климатических обязательств. Лидеры приняли решение «эффективно использовать» ископаемое топливо и обязались повысить долю возобновляемых источников энергии в энергетическом балансе, включая биотопливо, гидроэнергию, солнечную энергию и энергию ветра. В сфере борьбы с изменением климата страны БРИКС выразили приверженность целям Парижского соглашения, а также обязались вести борьбу с опустыниванием, восстанавливать деградировавшие земли и почвы, «стремиться

к тому, чтобы во всем мире не ухудшалось состояние земель», в соответствии с ЦУР 15.3 [BRICS, 2019].

Российское председательство в БРИКС 2020 г. было отмечено кризисом, вызванным пандемией COVID-19, в связи с чем повестка дня форума претерпела определенные изменения. Так, в коммюнике по итогам встречи министров энергетики, состоявшейся 14 октября 2020 г., отмечается необходимость коллективных усилий с целью преодоления последствий кризиса, повышения устойчивости энергетической отрасли и содействия ее инклюзивному восстановлению. Проблематика долгосрочного перехода к устойчивым энергетическим системам дополнилась и осложнилась потребностью в обеспечении краткосрочного восстановления темпов экономического роста. Министры энергетики БРИКС выразили намерение обеспечить баланс по этим двум направлениям, отметив важность достижения ЦУР 7 – обеспечение всеобщего доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии. Тем не менее подход «пятерки» к реализации климатических аспектов ЦУР можно охарактеризовать как осторожный. Страны БРИКС признают, что ископаемое топливо еще долго будет играть лидирующую роль в их национальных энергетических системах, а также отмечают, что «климатическая повестка не должна использоваться как механизм, способствующий распространению неравенства, нерыночной конкуренции, дискриминационных практик и возведению барьеров для торговли и инвестиций в сфере энергетики» [БРИКС, 2020]. В качестве более «чистого» энергоносителя традиционно рассматривается природный газ.

В то же время страны БРИКС выразили намерение расширять сотрудничество в сфере снижения воздействия энергетической отрасли на окружающую среду, в том числе в контексте развития возобновляемых источников энергии. Одобренная на встрече министров «дорожная карта» энергетического сотрудничества содержит положения по развитию взаимодействия по следующим направлениям:

- обмен технологиями;
- развитие энергоэффективности, в том числе посредством внедрения цифровых технологий, развития «интеллектуальных энергосистем», использования более эффективных энергоносителей;
- развитие возобновляемой энергетики, биотопливных технологий, повышение эффективности использования и транспортировки природного газа;
- устойчивое развитие транспортных систем за счет расширения использования природного газа, биотоплива, распространения электрического транспорта.

Примечательно, что в «дорожной карте» предусмотрено и сотрудничество в целях повышения эффективности угольной генерации, поскольку, согласно тексту документа, «все страны БРИКС будут продолжать использовать уголь», и «экологические факторы и потребности усиливают важность внедрения новых технологий в сфере добычи и более чистого использования угля» [Там же].

В целом сравнение «дорожной карты» энергетического сотрудничества с положениями Стратегии экономического партнерства позволяет заключить, что кризис 2020 г. не отразился на номенклатуре ключевых направлений сотрудничества стран БРИКС по энергоклиматической проблематике.

Сама стратегия, однако, была обновлена в период российского председательства. Новая Стратегия экономического партнерства БРИКС до 2025 г. содержит отдельный раздел, посвященный устойчивому развитию [БРИКС – Россия, 2020]. В частности, предусмотрено расширение сотрудничества в сфере борьбы с изменением климата, энергетики, инфраструктурного развития, обеспечения продовольственной безопасности и повышения качества жизни населения (в том числе борьба с бедностью, об-

разование, обеспечение равенства доходов). В новой стратегии отражены основные направления устойчивого развития, обозначенные ООН в 2015 г., за исключением различных аспектов правосудия и прав человека (ЦУР 16), однако не затронуты новые вызовы, возникшие в ходе кризиса 2020 г., связанного со вспышкой коронавирусной инфекции. Данный факт, а также относительно низкая интенсивность практического сотрудничества по исполнению предыдущей версии документа [BRICS – Russia, 2020b] ставят под вопрос перспективы реализации положений Стратегии 2025.

Влияние пандемии COVID-19 на стратегическое планирование стран БРИКС в отношении перехода к рациональным моделям потребления и производства

Глубокий экономический кризис, последовавший за вспышкой COVID-19 и ограничениями, введенными с целью ограничения трансмиссии вируса, обострил дискуссии относительно перспектив достижения ЦУР в поставленные ООН сроки, в особенности в сфере экологии. Показатели антропогенного воздействия на климатические процессы еще до кризиса фиксировались на уровне выше допустимого для реализации основных целей Парижского соглашения [UN CC, 2020]. На этапе посткризисного восстановления национальных экономик на первое место выходят интересы, имеющие более краткосрочный характер, тогда как долгосрочные задачи, такие как экологическая устойчивость, эффективность моделей производства и потребления, отходят на второй план. Пример стран БРИКС лишь подтверждает данный тезис.

Бразилия

После сильной рецессии Бразилия переживает фазу крайне низкой экономической активности. Темпы роста в стране замедлились с 4,5% (ежегодный рост с 2006 по 2010 г.) до 2,1% (в 2011–2014 гг.). В 2015 и 2016 гг. произошло значительное сокращение экономической активности, при этом ВВП снизился на 3,6 и 3,4% соответственно. Экономический кризис стал результатом падения цен на сырьевые товары и ограниченной способности страны проводить необходимые фискальные реформы на всех уровнях правительства, что подрывало доверие потребителей и инвесторов. В 2017 г. началось медленное восстановление экономической активности, при этом рост ВВП составил 1,1% в 2017 и 2018 гг. – в основном из-за слабого рынка труда, инвестиций, отложенных из-за неопределенности в отношении выборов и всеобщей забастовки водителей грузовиков, что привело к падению экономической активности в мае 2018 г. [WB, n. d.].

На этом фоне меры, принятые бразильским правительством для минимизации последствий кризиса 2020 г., главным образом касаются поддержки групп населения, затронутых пандемией COVID-19 и последствиями вынужденных ограничений. В частности, среди подобных мер: налоговые каникулы; меры торговой политики, призванные поддержать предложение критически важных товаров на внутреннем рынке; льготное кредитование малых и средних предприятий; поддержка занятости путем прямого финансирования предприятий, сохраняющих рабочие места. Непосредственно энергетической отрасли коснулись отсрочки по платежам за электроэнергию на 90 дней, принятые Агентством электроэнергетики, 100%-я скидка на оплату коммунальных услуг в течение трех месяцев для 9 млн малоимущих семей и принятые Национальным банком развития программы льготного кредитования предприятий (в том числе в транспортной

и добывающей и энергораспределительной отраслях). Также правительство одобрило выделение льготных кредитов (200 млн долл. США) энергетическим компаниям, обеспечивающим развитие энергетической инфраструктуры [Federal Government of Brazil, n. d.].

Одним из направлений политики правительства Бразилии, которое может косвенно повлиять на темпы совершенствования моделей производства в стране, является стимулирование инвестиционной активности. Опубликованный 17 августа Национальный инвестиционный план предусматривает программу действий до 2022 г., направленную на повышение уровня прозрачности регулирования, активное содействие реализации инвестиционных проектов, а также совершенствование механизмов регулирования в условиях посткризисного восстановления [Federal Government of Brazil, 2020].

В целом принятые в стране антикризисные меры носят краткосрочный характер и не ставят цели обеспечить устойчивое восстановление, по крайней мере на первом этапе преодоления последствий пандемии. Приоритетом бразильского правительства, очевидно, является социально-экономическая стабильность и сохранение приемлемого уровня благосостояния уязвимых слоев населения. Тем не менее в стране действуют Многолетние планы, являющиеся основным инструментом долгосрочного стратегического планирования. В 2019 г. был представлен план на 2020–2023 гг., содержащий несколько программ, посвященных энергетике, с конкретными целями и числовыми показателями. В план вошли следующие программы: устойчивое сельское хозяйство, ископаемое топливо, электроэнергия, нефть и газ, развитие биотопливных технологий, борьба с изменением климата. Также в плане есть программы «Сохранение и устойчивое использование биоразнообразия и природных ресурсов», «Качество городской среды», «Прикладные технологии, обеспечивающие инновации для устойчивого развития», «Ресурсы гидроэнергетики» [Federal Government of Brazil, 2019].

Россия

Антикризисные меры российского правительства также были ориентированы на решение задач, непосредственно связанных с минимизацией социально-экономических последствий кризиса. Тем не менее в качестве ключевых ориентиров для плана восстановления экономики в Министерстве экономического развития называли «ускорение технологического развития экономики и повышение производительности труда, в том числе на основе цифровизации», а также развитие несырьевого экспорта. Таким образом, изначально, наряду с решением проблем отраслей, затронутых пандемией, в план закладывались основы для стимулирования долгосрочного роста и развития экономики страны.

После нескольких итераций и доработок проект общенационального плана действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения в экономике, был одобрен 23 сентября 2020 г. на заседании правительства [Garant, 2020]. Среди целей плана нет упоминаний об экологической устойчивости или энергетической эффективности. Основной задачей политики правительства на всех этапах восстановления, о которых идет речь в документе, является поддержание и, в перспективе, выход на рост реальных доходов населения. Достигать поставленных целей планируется в том числе за счет снижения давления на бизнес в сфере экологического регулирования. Например, предложено не повышать размер ставок платы предприятий за негативное воздействие на окружающую

щую среду в 2021 г., продлить сроки проведения государственной экологической экспертизы, упростить порядок предоставления права пользования участками недр для добычи общераспространенных полезных ископаемых.

В то же время планируются и отдельные меры, в той или иной степени направленные на повышение экологической устойчивости, в частности: модернизация систем городского водоснабжения для обеспечения жилищного строительства в соответствии с требованиями национального проекта «Экология», стимулирование модернизации нефтеперерабатывающих производств, создание условий для развития производства и экспорта сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия с улучшенными экологическими характеристиками [Garant, 2020].

Таким образом, задачи устойчивого развития российской экономики не являются первоочередным ориентиром программ восстановления. Однако корректировка долгосрочных целей будет осуществляться путем внесения изменений в национальные проекты, госпрограммы и планы по реализации Указа о национальных целях развития России до 2030 г. Представленный в октябре 2020 г. проект Единого плана по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 г., содержит конкретные целевые показатели на период 2021–2024 гг. и на 2030 г. [Belousov, 2020]. Среди национальных целей, обозначенных в указе, находят отражение и приоритеты Повестки 2030 (и, в частности, ЦУР 7, 11 и 12): создание устойчивой системы обращения с твердыми коммунальными отходами, обеспечивающей сортировку отходов в объеме 100%, и снижение объема отходов, направляемых на полигоны, снижение выбросов опасных загрязняющих веществ, оказывающих наибольшее негативное воздействие на окружающую среду и здоровье человека.

Индия

Подход индийского правительства к преодолению последствий пандемии COVID-19 отражен в инициативе премьер-министра страны Н. Моди «Самодостаточная Индия» (Atmanirbhar Bharat), обнародованной 12 мая 2020 г. В рамках данной инициативы, представляющей собой план по восстановлению индийской экономики, кризис рассматривается с точки зрения возможностей для формирования долгосрочной повестки развития [National Portal of India, n. d.]. План включает пять этапов: (1) поддержку бизнеса, в том числе микро-, малых и средних предприятий; (2) поддержку малообеспеченных, в том числе мигрантов и фермеров; (3) развитие сельского хозяйства; (4) «новые горизонты роста»; (5) реформы в сфере управления и механизмы стимулирования [GoI, 2020a; b; c; d; e].

На реализацию пакета антикризисных мер планируется выделить 20 трлн индийских рупий (около 270 млрд долл. США) [GoI, 2020a]. Из них около 188 млрд рупий – на нужды модернизации энергетического сектора, в том числе развитие атомной энергетики и возобновляемых источников, и 119 млрд – на развитие устойчивого сельского хозяйства и сопутствующей сельской инфраструктуры. Среди долгосрочных приоритетов инициативы правительства также упрощение регуляторного режима в сфере инвестиций.

Несмотря на прогрессивный тон инициативы «Самодостаточная Индия», перед страной продолжают стоять социально-экономические проблемы докризисного периода, которые лишь усугубились с распространением COVID-19. В частности, на сегодняшний день около 100 млн индийцев не имеют доступа к электричеству и еще 260 млн человек зависят от твердой биомассы при приготовлении пищи. Учитывая быстрый экономический рост Индии, рост потребления на душу населения и значительное увеличение количества населенных пунктов, подключаемых к энергосети, общий спрос на

энергию, вероятно, резко возрастет в течение следующих нескольких лет. Таким образом, перед страной стоят долгосрочные цели по обеспечению энергетической безопасности и одновременно устойчивости.

В связи с этим индийское руководство не может пойти на сокращение одного из ключевых факторов загрязнения атмосферы – угольной отрасли. Так, антикризисный план правительства предусматривает либерализацию режима регулирования в данном секторе, в том числе повышение ежегодных квот выработки на 40% [GoI, 2020d].

В целом, несмотря на стратегическое видение долгосрочного устойчивого развития Индии и достигнутые успехи в деле внедрения чистых источников энергии (в настоящее время страна занимает четвертое место в мире после Китая, США и Германии по объему установленной мощности возобновляемой энергетики), в ближайшей перспективе под давлением демографического фактора страна не сможет обеспечить позитивную динамику ключевых индикаторов антропогенного воздействия на окружающую среду.

Китай

Китайская народная республика (КНР) первой столкнулась со вспышкой COVID-19, поэтому раньше других государств начала принимать специальные социально-экономические меры, направленные на преодоление последствий пандемии.

Программа борьбы с последствиями COVID-19 включала налоговые льготы для потребителей некоторых важных типов услуг (транспорт, доставка, проживание), временную отмену подоходного налога для некоторых категорий граждан [KPMG, n. d., a], льготы в отношении МСП (налоговые каникулы, снижение или отмена (компенсация) арендной платы, субсидии на НИОКР, льготное кредитование) [China Daily, 2020; KPMG, n. d., b]. Принимаемые китайским руководством меры носили в первую очередь паллиативный характер и не рассматривались как возможность для коренной модернизации моделей производства и потребления в соответствии с концепцией устойчивого развития. Функции долгосрочного планирования продолжают выполняться в рамках пятилетних планов и сопутствующих ведомственных планов и программ.

Так, в 13-м пятилетнем плане экономического и социального развития КНР на 2016–2020 гг., принятом в марте 2016 г., закреплено обязательство китайских властей по реализации Повестки 2030 [РОС, 2016а, ch. 3]. На основе положений национального пятилетнего плана были приняты собственные пятилетние планы во всех административно-территориальных образованиях провинциального уровня и муниципальных властей континентального Китая [РОС, 2016b].

Задачи в области устойчивого развития детализируются в отраслевых документах, документах провинциального уровня, а также в Национальном плане по ЦУР 2016 г. [Ibid., p. 12]. В Плане особо акцентируется координация деятельности властей, общества и бизнеса КНР. Одной из ключевых целей этого документа является обеспечение скоординированного и сбалансированного развития страны, способствующего росту качества жизни населения [РОС, 2016с].

Степень влияния пандемии COVID-19 на приоритеты долгосрочного планирования КНР станет более очевидной с принятием 14-го пятилетнего плана на 2021–2025 гг. По сообщениям китайского правительства, в нем будут в той или иной степени отражены ключевые задачи ЦУР, в том числе более эффективное использование природных ресурсов, сокращение уровня выбросов парниковых газов, оптимизация пространственного развития с учетом экологических факторов, развитие городской и сельской среды [Xinjua, 2020b]. Вероятно, что правительством будут приняты меры

для минимизации рисков возникновения эпидемиологических угроз аналогичного COVID-19 масштаба и повышения устойчивости общества и экономики к подобным явлениям.

Очевидными преградами на пути реализации долгосрочного видения руководства КНР могут стать как риски новых волн пандемии, геополитические факторы, волатильность глобальных рынков и многосторонней торговой системы в целом, так и внутренние вызовы – старение населения, обострение экологических проблем, социально-политические изменения. Тем не менее к третьему кварталу 2020 г. КНР первой из крупных экономик мира вышла на положительные темпы роста (0,9% год к году) [Xinhua, 2020a], а МВФ скорректировал прогноз относительно роста ВВП страны с 1,2 до 1,9% по итогам 2020 г. [Cooper, 2020], что свидетельствует о достаточно высоком уровне устойчивости к существующим и вероятным рискам.

ЮАР

Комплекс мер, введенных ЮАР для борьбы с пандемией COVID-19 и ее экономическими последствиями, также включал традиционные меры поддержки уязвимых слоев населения и малого бизнеса: помощь микро-, малым и средним предприятиям в погашении долговых обязательств; финансовое и материальное содействие предприятиям, производящим медицинские и продовольственные товары; финансовая помощь продовольственным магазинам; гранты сельскохозяйственным производителям; гранты МСМП в туристической сфере; налоговые льготы и льготные займы для нуждающихся предприятий; выплаты безработным гражданам [RSA, 2020a].

Пандемия коронавирусной инфекции в ЮАР наложила на традиционные для страны вызовы в социально-экономической сфере – неравенство (этническое, гендерное и экономическое), высокий уровень безработицы, проблемы миграции. В связи с этим меры поддержки населения в условиях распространения COVID-19 частично базировались на уже существовавших механизмах, таких как Employment Tax Incentive, стимулирующий работодателей трудоустраивать молодых сотрудников путем предоставления налоговых льгот. С 1 апреля 2020 г. данный механизм распространен на трудоустройство всех граждан ЮАР и беженцев [SARS, n. d.].

Однако ключевым документом долгосрочного планирования в новых социально-экономических условиях стал План восстановления экономики ЮАР (Economic Reconstruction and Recovery Plan), обнародованный 15 октября 2020 г. [SA News, 2020]. План призван скорректировать цели Национальной программы развития ЮАР до 2030 г. и предусматривает как неотложные действия по поддержке занятости и уязвимых секторов промышленности, так и долгосрочные инвестиции в развитие энергетической отрасли, обозначенной в качестве одной из приоритетных сфер. В частности, до 2022 г. планируется введение в эксплуатацию более 11800 МВт новых мощностей, более половины которых составят возобновляемые источники. Кроме того, планируются меры по развитию транспортной и логистической инфраструктуры с акцентом на обеспечении ее устойчивости и экологической нейтральности, в том числе при содействии бизнеса [RSA, 2020b].

В качестве одного из ключевых принципов Плана по реализации Плана восстановления экономики ЮАР (Implementation Plan for The South African Economic Reconstruction and Recovery Plan) обозначена необходимость решения неотложных проблем при обеспечении средне- и долгосрочной устойчивости затрагиваемых секторов [RSA, 2020c].

Выводы

На протяжении всего периода функционирования БРИКС повестка дня форума была ориентирована на активизацию диалога между странами «пятерки», что также характерно и для обсуждения тематики перехода к рациональным моделям производства и потребления. Подобный акцент БРИКС на решении проблем внутренней координации и сотрудничества позволяет избежать дублирования функций с другими глобальными объединениями, ведь основную часть задач по сотрудничеству с третьими странами члены «пятерки» способны решать, например, в рамках «Группы двадцати».

С точки зрения тематического охвата проблем рационализации потребления и производства повестка дня БРИКС лишь частично отражает приоритеты Повестки 2030, концентрируясь на энергетических аспектах и решении сопутствующих экологических задач. За рамками обсуждений «пятерки» остаются вопросы борьбы с пищевыми отходами (ЦУР 12.3), рационализации использования химических веществ (ЦУР 12.4), сокращения объема и переработки отходов (ЦУР 12.5), а также работа с частными предприятиями в сфере климатической отчетности (12.6) (табл. 1).

Таблица 1. Задачи ЦУР 7, 11 и 12, затронутые повесткой дня БРИКС

Задача ЦУР	Повестка БРИКС
7.1 К 2030 г. обеспечить всеобщий доступ к недорогому, надежному и современному энергоснабжению	2009, 2010, 2015, 2018, 2020 гг.
7.2 К 2030 г. значительно увеличить долю энергии из возобновляемых источников в мировом энергетическом балансе	2009–2012, 2017–2020 гг.
7.3 К 2030 г. удвоить глобальный показатель повышения энергоэффективности	2009–2012, 2017–2020 гг.
11.3 К 2030 г. расширить масштабы открытой для всех и экологически устойчивой урбанизации и возможности для комплексного и устойчивого планирования населенных пунктов и управления ими на основе широкого участия во всех странах	2012–2013 гг.
12.2 К 2030 г. добиться рационального освоения и эффективного использования природных ресурсов	2009–2012, 2017–2020 гг. (преимущественно в контексте энергетических ресурсов)
12.3 К 2030 г. сократить вдвое в пересчете на душу населения общемировое количество пищевых отходов на розничном и потребительском уровнях и уменьшить потери продовольствия в производственно-сбытовых цепочках, в том числе послеуборочные потери	Не затрагивалась
12.4 К 2020 г. добиться экологически рационального использования химических веществ и всех отходов на протяжении всего их жизненного цикла в соответствии с согласованными международными принципами и существенно сократить их попадание в воздух, воду и почву, чтобы свести к минимуму их негативное воздействие на здоровье людей и окружающую среду	Не затрагивалась

Задача ЦУР	Повестка БРИКС
12.5 К 2030 г. существенно уменьшить объем отходов путем принятия мер по предотвращению их образования, их сокращению, переработке и повторному использованию	Не затрагивалась
12.6 Рекомендовать компаниям, особенно крупным и транснациональным, применять устойчивые методы производства и отражать информацию о рациональном использовании ресурсов в своих отчетах	Не затрагивалась

Источник: Составлено авторами.

Стратегия экономического партнерства БРИКС 2015 г. — ключевой инструмент внутриинституционального сотрудничества до 2020 г. — обозначила приоритеты и конкретные меры по развитию взаимодействия между странами в сфере энергетики и климата. «Дорожная карта» энергетического сотрудничества БРИКС, принятая пять лет спустя, конкретизирует данную стратегию, но не дополняет ее существенно. Необходимо отметить непоследовательный и неравномерный характер сотрудничества «пятерки» в сфере энергетики — в 2013–2106 гг. энергетические обязательства отсутствовали в документах лидеров. Всего участники БРИКС провели четыре встречи министров энергетики и шесть встреч министров по вопросам окружающей среды. Для полноценной оценки по данному направлению взаимодействия необходимо дождаться осязаемых результатов сотрудничества в рамках принятой «дорожной карты».

Стратегия экономического партнерства БРИКС до 2025 г., принятая в ноябре 2020 г., ставит амбициозные цели в сфере обеспечения устойчивого развития и налаживания межгосударственного взаимодействия внутри объединения по данной проблематике. Однако, как и в случае с «дорожной картой», эффективность данного документа будет зависеть от создания конкретных механизмов сотрудничества между странами БРИКС и систематической работы в этой области, чего не наблюдалось в контексте реализации предыдущей итерации Стратегии.

В том, что касается поддержки глобальной повестки дня в рассматриваемой сфере, страны БРИКС неизменно выступали за ратификацию и исполнение Парижского соглашения по борьбе с глобальным изменением климата. Так, на встрече лидеров БРИКС на полях саммита «Группы двадцати» в Осаке в июне 2019 г. главы государств подтвердили приверженность выполнению в полном объеме Парижского соглашения; отметили «определяющую роль сотрудничества для перехода к более чистым, гибким и энергетически эффективным системам, позволяющим совмещать рост и сокращение выбросов парниковых газов, а также обеспечивать энергетическую безопасность, доступ к энергоресурсам, устойчивость и доступность энергоснабжения». С аналогичным призывом в отношении реализации ЦУР 7 выступили министры энергетики БРИКС на виртуальной встрече в октябре 2020 г.

Однако, несмотря на институциональные достижения и заявления о развитии межгосударственного сотрудничества, за прошедшее десятилетие странам БРИКС не удалось достичь одной из основных глобальных целей в сфере борьбы с изменением климата, а именно сократить уровень выбросов углекислоты в атмосферу в глобальном масштабе. Многие страны, в том числе и Россия, добились сокращения данного показателя, тем не менее совокупный объем выбросов крупнейших экономик мира в 2018 г. на 20% превысил уровень 2005 г. Наиболее значительный вклад внесли крупные развивающиеся экономики — участники БРИКС: Китай, Индия, Бразилия. Кроме того, лишь за 2018 г. был зафиксирован общемировой рост выбросов CO₂ на 2,1% после трехлетней стабилизации. В этой связи возрастает актуальность реализации задач ЦУР

по рационализации моделей производства и потребления ресурсов на национальном уровне.

Что касается отражения аспектов устойчивости в антикризисных мерах стран «пятерки», следует отметить, что по состоянию на конец 2020 г. пандемия в целом оказала незначительное воздействие на формирование национальных долгосрочных планов устойчивого развития, в том числе в отношении рационализации моделей производства и потребления. Приоритетный характер краткосрочных социально-экономических мер, таких как поддержка занятости, в условиях кризиса естественным образом отразился на принятых в первой половине 2020 г. антикризисных пакетах стран «пятерки». Однако из пяти стран БРИКС только две – ЮАР и Индия – включили меры по повышению климатической устойчивости в свои антикризисные планы. В остальных странах цели в области повышения устойчивости обозначены в специальных документах долгосрочного планирования и фактически не претерпели существенных корректировок на данном этапе кризиса. Кроме того, нужно учитывать и традиционные циклы планирования в рассматриваемых государствах, в том числе бюджетный, а также пятилетний цикл в КНР. Дальнейшее развитие эпидемиологической ситуации, строгость вынужденных ограничений и глубина их воздействия на темпы экономического роста в 2021 г. могут стать причиной изменений целевых показателей и приоритетов долгосрочного планирования стран БРИКС в сфере устойчивого развития на обозримое будущее.

Источники

Белоусов А.Р. (2020). Завершается работа над проектом единого плана по достижению национальных целей // Правительство России. 19 октября. Режим доступа: <http://government.ru/news/40640/> (дата обращения: 03.03.2021) (in Russian).

БРИК (2009). Совместное заявление лидеров стран БРИК. Екатеринбург, 16 июня. Режим доступа: https://www.ranepa.ru/images/media/brics/ruspresidency1/20090616_BRIC_summit.pdf (дата обращения: 03.03.2021).

БРИК (2010). Совместное заявление глав государств и правительств стран – участниц Второго саммита БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай). 15 апреля. Режим доступа: https://www.ranepa.ru/images/News_ciir/Project/BRICS_new_downloadings/BRAZILIA_Leaders_Declaration_2010.pdf (дата обращения: 03.03.2021).

БРИКС (2011). Декларация, принятая по итогам саммита БРИКС (г. Санья, о. Хайнань, Китай). 14 апреля. Режим доступа: https://www.ranepa.ru/images/News_ciir/Project/G20_new_downloadings/SANYA_2011_RUS.pdf (дата обращения: 03.03.2021).

БРИКС (2015а). Заявление первой официальной встречи министров окружающей среды. Москва, 22 апреля. Режим доступа: https://www.ranepa.ru/images/News_ciir/Project/BRICS_new_downloadings/BRICS_Environment_ministers_first_meeting_2015.pdf (дата обращения: 03.03.2021).

БРИКС (2015б). Меморандум о взаимопонимании в области энергосбережения и повышения энергоэффективности между министерствами и ведомствами БРИКС, отвечающими за энергетику и энергоэффективность. Режим доступа: https://www.ranepa.ru/images/media/brics/ruspresidency2/Memo_Energo_rus.pdf (дата обращения: 03.03.2021).

БРИКС (2015с). Стратегия экономического партнерства БРИКС. Режим доступа: <https://www.ranepa.ru/images/media/brics/ruspresidency2/strategia%20final.pdf> (дата обращения: 03.03.2021).

БРИКС (2016). Декларация Гоа. Гоа, 16 октября. Режим доступа: https://www.ranepa.ru/images/News_ciir/Project/BRICS_new_downloadings/Goa_declaration.pdf (дата обращения: 03.03.2021).

БРИКС (2018а). Йоханнесбургская декларация Десятого саммита БРИКС. Режим доступа: https://www.ranepa.ru/images/media/brics/sapresidency2/BRICS_2018_declaration.pdf (дата обращения: 03.03.2021).

БРИКС (2019). Декларация Бразилиа по итогам XI саммита государств – участников БРИКС. Режим доступа: https://www.ranepa.ru/images/News_ciir/Project/BRICS_new_downloadings/2019/11th_BRICS_Summit_rus.pdf (дата обращения: 03.03.2021).

БРИКС – Россия (2020а). Стратегия экономического партнерства БРИКС до 2025 г. Режим доступа: [https://www.ranepa.ru/ciir/sfery-issledovanij/briks/dokumenty-briks/briks-rossijskoe-predsdatelstvo-2020/Strategy%20for%20BRICS%20Economic%20Partnership%202025%20\(rus\).pdf](https://www.ranepa.ru/ciir/sfery-issledovanij/briks/dokumenty-briks/briks-rossijskoe-predsdatelstvo-2020/Strategy%20for%20BRICS%20Economic%20Partnership%202025%20(rus).pdf) (дата обращения: 03.03.2021).

Гарант (2020). Общенациональный план действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения в экономике (одобрен на заседании Правительства РФ 23 сентября 2020 г. (протокол N 36, раздел VII) N П13-60855 от 2 октября 2020 г.). Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74678576/> (дата обращения: 03.03.2021).

BP (2018). BP Statistical Review of World Energy. Режим доступа: <https://www.bp.com/content/dam/bp/en/corporate/pdf/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2018-full-report.pdf> (дата обращения: 03.03.2021).

BP (2019). BP Energy Outlook. Режим доступа: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/energy-outlook/bp-energy-outlook-2019.pdf> (дата обращения: 03.03.2021).

BRICS (2012). Delhi Declaration. Delhi, 29 March. Режим доступа: https://www.ranepa.ru/images/News_ciir/Project/BRICS_new_downloadings/Delhi_Declaration.pdf (дата обращения: 03.03.2021).

BRICS (2013). Second BRICS Urbanisation Forum: The Durban Declaration. Durban, 28 November. Режим доступа: <https://www.ranepa.ru/images/media/briks/sapresidency1/The%202nd%20BRICS%20Urbanisation%20Forum%20The%20Durban%20Declaration%202013.pdf> (дата обращения: 03.03.2021).

BRICS (2018b). Declaration of the Third BRICS Meeting of Energy Ministers. Johannesburg, 28 June. Режим доступа: https://www.ranepa.ru/images/media/briks/sapresidency2/BRICS_Energy_2018.pdf (дата обращения: 03.03.2021).

BRICS – Russia (2020). Implementation of the Strategy for BRICS Economic Partnership in the Period 2015–2020. Режим доступа: <https://www.ranepa.ru/ciir/sfery-issledovanij/briks/dokumenty-briks/briks-rossijskoe-predsdatelstvo-2020/Implementation%20of%20the%20BRICS%20Strategy%20of%20Economic%20Partnership%202020.pdf> (дата обращения: 03.03.2021).

China Daily (2020). New Stimulus Package to Ease COVID-19, 15 May. Режим доступа: http://english.scio.gov.cn/chinavoices/2020-05/15/content_76047285.htm (дата обращения: 03.03.2021).

Cooper A. (2020). IMF Cuts Economic Outlook for Asia as COVID-19 Devastates Growth, But China Remains a Bright Spot // Insider. 22 October. Режим доступа: <https://markets.businessinsider.com/news/stocks/imf-cuts-asia-economic-outlook-as-pandemic-rages-upgrades-china-2020-10-1029709053#:~:text=The%20IMF%20has%20cut%20its,0.7%25%20from%20a%20previous%20estimate> (дата обращения: 03.03.2021).

Federal Government of Brazil (2019). Anexo 1: Programas Finalísticos [Annex 1: Final Programs]. Режим доступа: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/Projetos/PLN/2019/Anexo/MSG396-19-Anexo%201.pdf (дата обращения: 03.03.2021) (in Portuguese).

Federal Government of Brazil (2020). Plano Nacional de Investimentos prevê ações até 2022 para retomada da economia [National Investment Plan Foresees Actions Until 2022 to Resume the Economy]. 17 August. Режим доступа: <https://www.gov.br/economia/pt-br/assuntos/noticias/2020/agosto/plano-nacional-de-investimentos-preve-aco-es-ate-2022-para-retomada-da-economia> (дата обращения: 03.03.2021) (in Portuguese).

Federal Government of Brazil (n. d.). Brazil's Policy Responses to COVID-19. <https://www.gov.br/economia/pt-br/centrais-de-conteudo/publicacoes/publicacoes-em-outros-idiomas/covid-19/covid-19-2020-04-24-brazil-policy-measures-1830-1.pdf> (дата обращения: 03.03.2021) (in Portuguese).

Government of India (GoI) (2020a). Part 1: Businesses Including MSMEs. Режим доступа: <https://cdnbbsr.s3waas.gov.in/s3850af92f8d9903e7a4e0559a98ecc857/uploads/2020/05/2020051717.pdf> (дата обращения: 03.03.2021).

Government of India (GoI) (2020b). Part 2: Poor, Including Migrants and Farmers. Режим доступа: <https://cdnbbsr.s3waas.gov.in/s3850af92f8d9903e7a4e0559a98ecc857/uploads/2020/05/2020051751.pdf> (дата обращения: 03.03.2021).

Government of India (GoI) (2020c). Part 3: Agriculture. Режим доступа: <https://cdnbbsr.s3waas.gov.in/s3850af92f8d9903e7a4e0559a98ecc857/uploads/2020/05/2020051736.pdf> (дата обращения: 03.03.2021).

Government of India (GoI) (2020d). Part 4: New Horizons of Growth. Режим доступа: <https://cdnbbsr.s3waas.gov.in/s3850af92f8d9903e7a4e0559a98ecc857/uploads/2020/05/2020051784.pdf> (дата обращения: 03.03.2021).

Government of India (GoI) (2020e). Part 5: Government Reforms and Enablers. Режим доступа: <https://cdnbbsr.s3waas.gov.in/s3850af92f8d9903e7a4e0559a98ecc857/uploads/2020/05/2020051740.pdf> (дата обращения: 03.03.2021).

International Energy Agency (IEA) (2020). Global Energy Review 2020: The Impacts of the COVID-19 Crisis on Global Demand and CO2 Emissions. Flagship Report. Режим доступа: <https://www.iea.org/reports/global-energy-review-2020> (дата обращения: 03.03.2021).

International Energy Agency (IEA) (n. d., a). Total CO2. Режим доступа: <https://www.iea.org/statistics/?country=WORLD&year=2016&category=Key%20indicators&indicator=TotCO2&mode=chart&categoryBrowse=false&dataTable=INDICATORS&showDataTable=true> (дата обращения: 03.03.2021).

International Energy Agency (IEA) (n. d., b). Share of Sources in Renewable Electricity Generation: World. Режим доступа: <https://www.iea.org/statistics/?country=WORLD&year=2016&category=Key%20indicators&indicator=ShareRenewGen&mode=chart&categoryBrowse=false&dataTable=RENEWABLES&showDataTable=true> (дата обращения: 03.03.2021).

International Energy Agency (IEA) (n. d., c). CO2 by GDP. Режим доступа: <https://www.iea.org/statistics/?country=WORLD&year=2016&category=Key%20indicators&indicator=CO2ByGDP&mode=chart&categoryBrowse=false&dataTable=INDICATORS&showDataTable=true> (дата обращения: 03.03.2021).

KPMG (n. d., a). China: Tax Developments in Response to COVID-19. Режим доступа: <https://home.kpmg/xx/en/home/insights/2020/04/china-tax-developments-in-response-to-covid-19.html> (дата обращения: 03.03.2021).

KPMG (n. d., b). China: Government and Institution Measures in Response to COVID-19. Режим доступа: <https://home.kpmg/xx/en/home/insights/2020/04/china-government-and-institution-measures-in-response-to-covid.html> (дата обращения: 03.03.2021).

National Portal of India (n. d.). Building Atmanirbhar Bharat and Overcoming COVID-19. Режим доступа: <https://www.india.gov.in/spotlight/building-atmanirbhar-bharat-overcoming-covid-19> (дата обращения: 03.03.2021).

People's Republic of China (POC) (2016a). 13th Five-Year Plan for Economic and Social Development of the People's Republic of China, 2016–2020. Режим доступа: https://en.ndrc.gov.cn/newsrelease_8232/201612/P020191101481868235378.pdf (дата обращения: 03.03.2021).

People's Republic of China (POC) (2016b). China's National Plan on Implementation of the 2030 Agenda for Sustainable Development. Режим доступа: [http://www.chinadaily.com.cn/specials/China%27sNationalPlanonimplementationofagenda\(EN\).pdf](http://www.chinadaily.com.cn/specials/China%27sNationalPlanonimplementationofagenda(EN).pdf) (дата обращения: 03.03.2021).

People's Republic of China (POC) (2016c). China's Position Paper on the Implementation of the 2030 Agenda for Sustainable Development. Режим доступа: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/2649_665393/t1357701.shtml (дата обращения: 03.03.2021).

Republic of South Africa (RSA) (2020a). Economic Relief Measures During COVID-19. Режим доступа: https://www.gov.za/sites/default/files/speech_docs/Economic%20Opportunities.pdf (дата обращения: 03.03.2021).

Republic of South Africa (RSA) (2020b). Highlights of the Economic Reconstruction and Recovery Plan. Режим доступа: https://www.gov.za/sites/default/files/gcis_documents/Economic%20Recovery%20Plan%20Publication_highlights.pdf (дата обращения: 03.03.2021).

Republic of South Africa (RSA) (2020c). Implementation Plan for the South African Economic Reconstruction and Recovery Plan. Режим доступа: https://www.gov.za/sites/default/files/gcis_document/202010/implementation-plan.pdf (дата обращения: 03.03.2021).

South African Government News Agency (SA News) (2020). President Unveils Plan to Grow SA Economy. 15 October. Режим доступа: <https://www.sanews.gov.za/south-africa/president-unveils-plan-grow-sa-economy> (дата обращения: 03.03.2021).

South African Revenue Service (SARS) (n. d.). Employment Tax Incentive (ETI). Режим доступа: <https://www.sars.gov.za/TaxTypes/PAYE/ETI/Pages/default.aspx> (дата обращения: 03.03.2021).

United Nations Climate Change (UN CC) (2020). Transformational Action Needed for Paris Agreement Targets: United in Science Report. External Press Release, 9 September. Режим доступа: <https://unfccc.int/news/transformational-action-needed-for-paris-agreement-targets-united-in-science-report#:~:text=The%20Emissions%20Gap%20Report%202019,goal%20of%20the%20Paris%20Agreement> (дата обращения: 03.03.2021).

World Bank (WB) (n. d.). The World Bank in Brazil: Overview. Режим доступа: <https://www.worldbank.org/en/country/brazil/overview> (дата обращения: 03.03.2021).

Xinhua (2020a). China's Positive Economic Growth Set to Benefit the World. 19 October. Режим доступа: http://english.www.gov.cn/news/topnews/202010/19/content_WS5f8d9894c6d0f7257693e13a.html (дата обращения: 03.03.2021).

Xinhua (2020b). China Proposes Development Target for 14th Five-Year Plan Period. 29 October. Режим доступа: http://english.www.gov.cn/news/topnews/202010/29/content_WS5f9abb2dc6d0f7257693e9e5.html (дата обращения: 03.03.2021).

BRICS' Contribution to the Global Transition to Sustainable Consumption and Production Patterns^{1, 2}

A. Sakharov, I. Andronova

Andrei Sakharov – Researcher, Centre for International Institutions Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 11 Prechistenskaya naberezhnaya, Moscow, 119034, Russian Federation; E-mail: sakharov-ag@ranepa.ru

Inna Andronova – Doctor of Economics, Professor, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); 6 Miklukho-Maklaya Ulitsa, Moscow, 117198, Russian Federation; E-mail: aiv1207@mail.ru

Abstract

The rationalization of production and consumption patterns lies at the core of sustainable development as it determines the level of anthropogenic impact on the environment, which is ultimately the subject of all international climate arrangements. This topic broadly encompasses not only sustainable development goal (SDG) 12, but also certain aspects of SDGs 7 and 11.

The role of BRICS countries (Brazil, Russia, India, China and South Africa) in promoting the concept of sustainability globally is determined by their place among the leading producers and consumers of natural resources and emitters of pollutants, as well as the parties to major global agreements in this area. This article focuses on the institutional contribution of the BRICS agenda to the international community's efforts to achieve the SDG targets related to the rationalization of resource production and consumption.

In addition, because the socio-economic crisis of 2020 caused by the COVID-19 pandemic is seen as one of the factors impeding the implementation of the goals, the article also highlights the impact of COVID-19 and the crisis response of BRICS governments on long-term strategic planning for sustainable development.

Key words: sustainable development goals; sustainable production and consumption patterns; energy; climate policy; BRICS; COVID-19

For citation: Sakharov A., Andronova I. (2021). BRICS' Contribution to the Global Transition to Sustainable Consumption and Production Patterns. *International Organisations Research Journal*, vol. 16, no 1, pp. 7–28 (in English). DOI: 10.17323/1996-7845-2021-01-01

References

Belousov A.R. (2020). Zavershayetsya rabota nad proyektom yedinogo plana po dostizheniyu natsional'nykh tseley [The Work on a Unified Plan to Achieve National Goals Is Being Completed]. Russian Government, 19 October. Available at: <http://government.ru/news/40640/> (accessed 3 March 2021) (in Russian).

BP (2018). BP Statistical Review of World Energy. Available at: <https://www.bp.com/content/dam/bp/en/corporate/pdf/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2018-full-report.pdf> (accessed 3 March 2021).

BP (2019). BP Energy Outlook. Available at: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/energy-outlook/bp-energy-outlook-2019.pdf> (accessed 3 March 2021).

BRIC (2009). BRIC (2009) Sovmestnoye zayavleniye liderov stran BRIK [Joint Statement of the BRIC Leaders]. Yekaterinburg, 16 June. Available at: https://www.ranepa.ru/images/media/brics/ruspresiden-cy1/20090616_BRIC_summit.pdf (accessed 3 March 2021) (in Russian).

BRIC (2010). Sovmestnoye zayavleniye glav gosudarstv i pravitel'stv stran – uchastnits Vtorogo sammita BRIK (Braziliya, Rossiya, Indiya, Kitay) [Joint Statement by the Heads of State and Government of the Countries

¹ The editorial board received the article in November 2020.

² The article was written on the basis of the RANEPa state assignment research programme.

Participating in the Second BRIC Summit (Brazil, Russia, India, China). Available at: https://www.ranepa.ru/images/News_ciir/Project/BRICS_new_downloadings/BRAZILIA_Leaders_Declaration_2010.pdf (accessed 3 March 2021) (in Russian).

BRICS (2011). Deklaratsiya, prinyataya po itogam sammita BRIKS (g. San'ya, Kitay, 14 aprelya 2011 goda) [Declaration Adopted at the End of the BRICS Summit (Sanya, China, April 14, 2011)]. Available at: https://www.ranepa.ru/images/News_ciir/Project/G20_new_downloadings/SANYA_2011_RUS.pdf (accessed 3 March 2021) (in Russian).

BRICS (2012). Delhi Declaration. Delhi, 29 March. Available at: https://www.ranepa.ru/images/News_ciir/Project/BRICS_new_downloadings/Delhi_Declaration.pdf (accessed 3 March 2021).

BRICS (2013). Second BRICS Urbanisation Forum: The Duran Declaration. Durban, 28 November. Available at: <https://www.ranepa.ru/images/media/brics/sapresidency1/The%202nd%20BRICS%20Urbanisation%20Forum%20The%20Durban%20Declaration%202013.pdf> (accessed 3 March 2021).

BRICS (2015a). Zayavleniye pervoy ofitsial'noy vstrechi ministrov okruzhayushchey srede stran BRIKS (22 aprelya 2015 g., Moskva) [Statement From the First Official Meeting of the BRICS Environmental Ministers (April 22, 2015, Moscow)]. Available at: https://www.ranepa.ru/images/News_ciir/Project/BRICS_new_downloadings/BRICS_Environment_ministers_first_meeting_2015.pdf (accessed 3 March 2021) (in Russian).

BRICS (2015b). Memorandum o vzaimoponimaniy v oblasti energosberezheniya i povysheniya energoeffektivnosti mezhdru ministerstvami i vedomstvami BRIKS, otvechayushchimi za energetiku i energoeffektivnost' [Memorandum of Understanding on Energy Saving and Energy Efficiency Between the Ministries and Agencies of the BRICS Responsible for Energy and Energy Efficiency]. Available at: https://www.ranepa.ru/images/media/brics/ruspresidency2/Memo_Energo_rus.pdf (accessed 3 March 2021) (in Russian).

BRICS (2015c). Strategiya ekonomicheskogo partnerstva BRIKS (Neofitsial'nyy perevod) [BRICS Economic Partnership Strategy (Unofficial Translation)]. Available at: <https://www.ranepa.ru/images/media/brics/ruspresidency2/strategia%20final.pdf> (accessed 3 March 2021) (in Russian).

BRICS (2016). Deklaratsiya Goa [Goa Declaration]. Goa, 16 October. Available at: https://www.ranepa.ru/images/News_ciir/Project/BRICS_new_downloadings/Goa_declaration.pdf (accessed 3 March 2021).

BRICS (2018a). Yokhannesburgskaya deklaratsiya Desyatogo sammita BRIKS 26 iyulya 2018 goda [Johannesburg Declaration of the Tenth BRICS Summit on 26 July]. Available at: https://www.ranepa.ru/images/media/brics/sapresidency2/BRICS_2018_declaration.pdf (accessed 3 March 2021) (in Russian).

BRICS (2018b). Declaration of the Third BRICS Meeting of Energy Ministers. Johannesburg, 28 June. Available at: https://www.ranepa.ru/images/media/brics/sapresidency2/BRICS_Energy_2018.pdf (accessed 3 March 2021).

BRICS (2019). Deklaratsiya Braziliya po itogam XI sammita gosudarstv – uchastnikov BRIKS 14 noyabrya 2019 g. [Declaration of Brasilia following the XI BRICS Summit on 14 November 2019]. Available at: https://www.ranepa.ru/images/News_ciir/Project/BRICS_new_downloadings/2019/11th_BRICS_Summit_rus.pdf (accessed 3 March 2021) (in Russian).

BRICS – Rossiya (2020). Strategiya ekonomicheskogo partnerstva BRIKS so 2025 goda [BRICS Economic Partnership Strategy Until 2025]. Available at: [https://www.ranepa.ru/ciir/sfery-issledovaniy/briks/dokumenty-briks/briks-rossijskoe-predsedatelstvo-2020/Strategy%20for%20BRICS%20Economic%20Partnership%202025%20\(rus\).pdf](https://www.ranepa.ru/ciir/sfery-issledovaniy/briks/dokumenty-briks/briks-rossijskoe-predsedatelstvo-2020/Strategy%20for%20BRICS%20Economic%20Partnership%202025%20(rus).pdf) (accessed 3 March 2021) (in Russian).

BRICS – Russia (2020). Implementation of the Strategy for BRICS Economic Partnership in the Period 2015–2020. Available at: <https://www.ranepa.ru/ciir/sfery-issledovaniy/briks/dokumenty-briks/briks-rossijskoe-predsedatelstvo-2020/Implementation%20of%20the%20BRICS%20Strategy%20of%20Economic%20Partnership%202020.pdf> (accessed 3 March 2021).

China Daily (2020). New Stimulus Package to Ease COVID-19. 15 May. Available at: http://english.scio.gov.cn/chinavoices/2020-05/15/content_76047285.htm (accessed 3 March 2021).

Cooper A. (2020). IMF Cuts Economic Outlook for Asia as COVID-19 Devastates Growth, But China Remains a Bright Spot. Insider, 22 October. Available at: <https://markets.businessinsider.com/news/stocks/imf-cuts-asia-economic-outlook-as-pandemic-rages-upgrades-china-2020-10-1029709053#:~:text=The%20IMF%20has%20cut%20its,0.7%25%20from%20a%20previous%20estimate.> (accessed 3 March 2021).

Federal Government of Brazil (2019). Anexo 1: Programas Finalísticos [Annex 1: Final Programs]. Available at: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/Projetos/PLN/2019/Anexo/MSG396-19-Anexo%20I.pdf (accessed 3 March 2021) (in Portuguese).

Federal Government of Brazil (2020). Plano Nacional de Investimentos prevê ações até 2022 para retomada da economia [National Investment Plan Foresees Actions Until 2022 to Resume the Economy]. 17 August. Available at: <https://www.gov.br/economia/pt-br/assuntos/noticias/2020/agosto/plano-nacional-de-investimentos-preve-acoes-ate-2022-para-retomada-da-economia> (accessed 3 March 2021) (in Portuguese).

Federal Government of Brazil (n. d.). Brazil's Policy Responses to COVID-19. Available at: <https://www.gov.br/economia/pt-br/centrais-de-conteudo/publicacoes/publicacoes-em-outros-idiomas/covid-19/covid-19-2020-04-24-brazil-policy-measures-1830-1.pdf> (accessed 3 March 2021) (in Portuguese).

Garant (2020). Obshchenatsional'nyy plan deystviy, obespechivayushchikh vosstanovleniye zanyatosti i dokhodov naseleniya, rost ekonomiki i dolgosrochnyye strukturnyye izmeneniya v ekonomike (odobren na zasedanii Pravitel'stva RF 23 sentyabrya 2020 g. (protokol N 36, razdel VII) N P13-60855 ot 2 oktyabrya 2020 g.) [A Nationwide Action Plan to Ensure the Restoration of Employment and Incomes of the Population, Economic Growth and Long-Term Structural Changes in the Economy (Approved at a Meeting of the Government of the Russian Federation on September 23, 2020 (Minutes N 36, Section VII) N P13-60855 of October 2, 2020)]. 27 October. Available at: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74678576/> (accessed 3 March 2021) (in Russian).

Government of India (GoI) (2020a). Part 1: Businesses Including MSMEs. Available at: <https://cdnbbsr.s3waas.gov.in/s3850af92f8d9903e7a4e0559a98ecc857/uploads/2020/05/2020051717.pdf> (accessed 3 March 2021).

Government of India (GoI) (2020b). Part 2: Poor, Including Migrants and Farmers. Available at: <https://cdnbbsr.s3waas.gov.in/s3850af92f8d9903e7a4e0559a98ecc857/uploads/2020/05/2020051751.pdf> (accessed 3 March 2021).

Government of India (GoI) (2020c). Part 3: Agriculture. Available at: <https://cdnbbsr.s3waas.gov.in/s3850af92f8d9903e7a4e0559a98ecc857/uploads/2020/05/2020051736.pdf> (accessed 3 March 2021).

Government of India (GoI) (2020d). Part 4: New Horizons of Growth. Available at: <https://cdnbbsr.s3waas.gov.in/s3850af92f8d9903e7a4e0559a98ecc857/uploads/2020/05/2020051784.pdf> (accessed 3 March 2021).

Government of India (GoI) (2020e). Part 5: Government Reforms and Enablers. Available at: <https://cdnbbsr.s3waas.gov.in/s3850af92f8d9903e7a4e0559a98ecc857/uploads/2020/05/2020051740.pdf> (accessed 3 March 2021).

International Energy Agency (IEA) (2020). Global Energy Review 2020: The Impacts of the COVID-19 Crisis on Global Demand and CO₂ Emissions. Flagship Report. Available at: <https://www.iea.org/reports/global-energy-review-2020> (accessed 3 March 2021).

International Energy Agency (IEA) (n. d., a). Total CO₂. Available at: <https://www.iea.org/statistics/?country=WORLD&year=2016&category=Key%20indicators&indicator=TotCO2&mode=chart&categoryBrowse=false&dataTable=INDICATORS&showDataTable=true> (accessed 3 March 2021).

International Energy Agency (IEA) (n. d., b). Share of Sources in Renewable Electricity Generation: World. Available at: <https://www.iea.org/statistics/?country=WORLD&year=2016&category=Key%20indicators&indicator=ShareRenewGen&mode=chart&categoryBrowse=false&dataTable=RENEWABLES&showDataTable=true> (accessed 3 March 2021).

International Energy Agency (IEA) (n. d., c). CO₂ by GDP. Available at: <https://www.iea.org/statistics/?country=WORLD&year=2016&category=Key%20indicators&indicator=CO2ByGDP&mode=chart&categoryBrowse=false&dataTable=INDICATORS&showDataTable=true> (accessed 3 March 2021).

KPMG (n. d., a). China: Tax Developments in Response to COVID-19. Available at: <https://home.kpmg/xx/en/home/insights/2020/04/china-tax-developments-in-response-to-covid-19.html> (accessed 3 March 2021).

KPMG (n. d., b). China: Government and Institution Measures in Response to COVID-19. Available at: <https://home.kpmg/xx/en/home/insights/2020/04/china-government-and-institution-measures-in-response-to-covid.html> (accessed 3 March 2021).

- National Portal of India (n. d.). Building Atmanirbhar Bharat and Overcoming COVID-19. Available at: <https://www.india.gov.in/spotlight/building-atmanirbhar-bharat-overcoming-covid-19> (accessed 3 March 2021).
- People's Republic of China (POC) (2016a). 13th Five-Year Plan for Economic and Social Development of the People's Republic of China, 2016–2020. Available at: https://en.ndrc.gov.cn/newsrelease_8232/201612/P020191101481868235378.pdf (accessed 3 March 2021).
- People's Republic of China (POC) (2016b). China's National Plan on Implementation of the 2030 Agenda for Sustainable Development. Available at: [http://www.chinadaily.com.cn/specials/China%27sNationalPlanonImplementationofagenda\(EN\).pdf](http://www.chinadaily.com.cn/specials/China%27sNationalPlanonImplementationofagenda(EN).pdf) (accessed 3 March 2021).
- People's Republic of China (POC) (2016c). China's Position Paper on the Implementation of the 2030 Agenda for Sustainable Development. Available at: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/2649_665393/t1357701.shtml (accessed 3 March 2021).
- Republic of South Africa (RSA) (2020a). Economic Relief Measures During COVID-19. Available at: https://www.gov.za/sites/default/files/speech_docs/Economic%20Opportunities.pdf (accessed 3 March 2021).
- Republic of South Africa (RSA) (2020b). Highlights of the Economic Reconstruction and Recovery Plan. Available at: https://www.gov.za/sites/default/files/gcis_documents/Economic%20Recovery%20Plan%20Publication_highlights.pdf (accessed 3 March 2021).
- Republic of South Africa (RSA) (2020c). Implementation Plan for the South African Economic Reconstruction and Recovery Plan. Available at: https://www.gov.za/sites/default/files/gcis_document/202010/implementation-plan.pdf (accessed 3 March 2021).
- South African Government News Agency (SA News) (2020). President Unveils Plan to Grow SA Economy. 15 October. Available at: <https://www.sanews.gov.za/south-africa/president-unveils-plan-grow-sa-economy> (accessed 3 March 2021).
- South African Revenue Service (SARS) (n. d.). Employment Tax Incentive (ETI). Available at: <https://www.sars.gov.za/TaxTypes/PAYE/ETI/Pages/default.aspx> (accessed 3 March 2021).
- United Nations Climate Change (UN CC) (2020). Transformational Action Needed for Paris Agreement Targets: United in Science Report. External Press Release, 9 September. Available at: <https://unfccc.int/news/transformational-action-needed-for-paris-agreement-targets-united-in-science-report#:~:text=The%20Emissions%20Gap%20Report%202019,goal%20of%20the%20Paris%20Agreement.> (accessed 3 March 2021).
- World Bank (WB) (n. d.). The World Bank in Brazil: Overview. Available at: <https://www.worldbank.org/en/country/brazil/overview> (accessed 3 March 2021).
- Xinhua (2020a). China's Positive Economic Growth Set to Benefit the World. 19 October. Available at: http://english.www.gov.cn/news/topnews/202010/19/content_WS5f8d9894c6d0f7257693e13a.html (accessed 3 March 2021).
- Xinhua (2020b). China Proposes Development Target for 14th Five-Year Plan Period. 29 October. Available at: http://english.www.gov.cn/news/topnews/202010/29/content_WS5f9abb2dc6d0f7257693e9e5.html (accessed 3 March 2021).

Формирующиеся механизмы регулирования цифровой экономики. Риски и возможности для многосторонней системы глобального управления^{1, 2}

М.В. Ларионова, А.В. Шелепов

Ларионова Марина Владимировна – д.полит.н., директор Центра исследований международных институтов (ЦИМИ) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), профессор факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; Российская Федерация, 119034, Москва, Пречистенская наб., д. 11; E-mail: larionova-mv@ganepa.ru

Шелепов Андрей Владимирович – к.э.н., с.н.с Центра исследований международных институтов Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС); Российская Федерация, 119034, Москва, Пречистенская наб., д. 11; E-mail: shelepov-av@ganepa.ru

Роль информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и высокоскоростной коммуникационной инфраструктуры, цифрового контента и цифровой экономики (ЦЭ) в целом как фактора экономического роста стремительно растет. Одновременно обостряется конкуренция за цифровые технологии и решения, влияние на нормы, стандарты и механизмы регулирования, формирование которых идет на ключевых площадках международного сотрудничества, в том числе в ООН, МСЭ, ВТО, ОЭСР, ЕС, «Группе двадцати» и БРИКС.

В статье представлен анализ текущего состояния сотрудничества по регулированию ЦЭ в рамках международных институтов. Авторами поставлена задача оценки влияния существующих и формирующихся в рамках ключевых международных институтов механизмов коллективного регулирования ЦЭ на распределение сил между субъектами международных отношений.

Эта оценка показывает, что связанные с ними выгоды и возможности влияния распределяются неравномерно. Ведущие развитые страны – члены ОЭСР и «Группы двадцати» получают значительные преимущества. Существуют риски, что новые механизмы упрочат баланс сил, закрепленный в Бреттон-Вудской системе, успешно противостоящей усилиям по ее реформированию. Однако регулирование ЦЭ пока не сформировалось как окончательно сложившийся порядок. Существует ли еще окно возможностей для того, чтобы не только реализовать поставленную во время кризиса 2008 г., но не выполненную задачу по реформе международной финансовой и экономической архитектуры, но и выстроить новую систему управления глобальной цифровой экономикой, обеспечивающую влияние стран с формирующимися рынками и развивающихся стран.

Статья структурирована следующим образом. Во введении сформулирована проблема, описаны ключевые параметры сравнительного анализа и критерии оценки влияния. В основном разделе представлены обзор и оценка влияния существующих и формирующихся механизмов коллективного регулирования ЦЭ на распределение сил между субъектами международных отношений. В заключительном разделе предложены выводы и рекомендации по повышению влияния России и развивающихся стран на формирование и функционирование соответствующих механизмов коллективного регулирования ЦЭ.

Ключевые слова: цифровая экономика; механизмы регулирования; международные институты; факторы влияния; «Группа двадцати»; ОЭСР; ООН; ЕС; ВТО; БРИКС

¹ Статья поступила в редакцию в августе 2020 г.

² Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Для цитирования: Ларионова М.В., Шелепов А.В. (2021). Формирующиеся механизмы регулирования цифровой экономики. Риски и возможности для многосторонней системы глобального управления // Вестник международных организаций. Т. 16. № 1. С. 29–63 (на русском и английском языках). DOI: 10.17323/1996-7845-2021-01-02

Введение

Значение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и высокоскоростной коммуникационной инфраструктуры, цифрового контента и цифровой экономики (ЦЭ)³ в целом как фактора экономического роста стремительно растет в постпандемическом обществе [OECD, 2020a; Pilat, 2020]. Одновременно обостряется конкуренция за цифровые технологии и решения, влияние на нормы, стандарты и механизмы регулирования. Анализ текущего состояния сотрудничества в рамках международных институтов показывает, что связанные с действующими и формирующимися инструментами и механизмами регулирования ЦЭ выгоды и возможности влияния распределяются неравномерно. Ведущие развитые страны – члены ОЭСР и «Группы двадцати» получают существенные преимущества. Однако регулирование ЦЭ пока не сформировалось как окончательно сложившийся порядок. Насколько велики риски, что новые институты упрочат баланс сил, закрепленный в Бреттон-Вудской системе, успешно противостоящей усилиям по ее реформированию? Существует ли еще окно возможностей для того, чтобы не только реализовать поставленную во время кризиса 2008 г., но и невыполненную задачу по реформе международной финансовой и экономической архитектуры, но и выстроить новую систему управления глобальной цифровой экономикой, обеспечивающую влияние стран с формирующейся рыночной экономикой и развивающихся стран? Какие коллективные действия необходимы для повышения влияния развивающихся стран на формирование и функционирование соответствующих механизмов коллективного регулирования ЦЭ?

Авторами поставлена задача провести анализ существующих и формирующихся в рамках ключевых международных институтов механизмов коллективного регулирования ЦЭ, сформировать оценку их влияния на распределение сил между субъектами международных отношений, оценить риски и предложить рекомендации, направленные на создание сбалансированной системы управления ЦЭ.

Две методологические проблемы, которые требовали решения, связаны с определением выборки документов и критериев сравнительной оценки влияния институтов.

Изначально планировалось включение в анализ всего спектра документов рассматриваемых международных институтов⁴, оказывающих влияние на международную цифровую среду и определяющих условия развития ЦЭ и международного сотрудничества, включая рекомендации, принципы, доклады, декларации, аналитические записки, «дорожные карты», решения, инициативы, рейтинги и индексы, списки наилучших практик и т.д. Однако первичный отбор и анализ продемонстрировали, что,

³ В исследовании не стояла задача определения ЦЭ и параметров ее измерения. Этому вопросу посвящено много работ, таких как фундаментальная статья [Бухт, Хикс, 2018].

⁴ В рамках исследования были изучены механизмы МСЭ, ООН, ВТО, ОЭСР, ЕС, «Группы двадцати», БРИКС, Интернет-корпорации по присвоению имен и номеров, Системы профессиональных объединений на базе Общества Интернета. В данной статье представлен анализ межгосударственных организаций. Деятельность и влияние частных корпораций рассматриваются в статье [Васильковский, Игнатов, 2020].

несмотря на безусловное наличие потенциала влияния у всех перечисленных типов инструментов, некоторые из них не могут быть отнесены к инструментам регулирования. В результате в выборку были включены действующие и формирующиеся правовые инструменты регулирования ЦЭ, анализ которых включал следующие аспекты: правовой характер; лоббисты и противоречия; срок действия; открытость для присоединения; основные положения документов (цели, задачи, принципы); сферы регулирования; механизмы реализации положений; непосредственные участники (подписанты) и акторы, опосредованно затрагиваемые документом. По каждому документу формировался вывод относительно потенциала влияния на изменение баланса сил между субъектами международных отношений и рисков для реализации задач создания благоприятных внешних условий устойчивого развития и повышения конкурентоспособности экономики России. Итоговая оценка влияния каждого института формировалась с учетом оценок для совокупности их инструментов.

Что касается критериев оценки влияния, то в работах, которые посвящены оценке влияния международных акторов, в основном рассматривается влияние государств и их взаимодействие. Большинство исследований международных институтов посвящено не оценке их влияния, а проблемам эффективности. Так, [Lindoso, Hall, 2016] исследуют различные предлагаемые в литературе подходы к оценке эффективности международных организаций и выявляют ограничения этих подходов. Лалл [Lall, 2017] использует количественные данные для обоснования вывода о том, что неэффективность международных организаций связана с их использованием странами-членами для продвижения узких национальных интересов в противоположность стремлению к более широким институциональным целям. В ряде исследований рассматриваются источники влияния международных институтов. Хельдт и Шмидтке [Heldt, Schmidtke, 2017] анализируют межинституциональные различия и динамику трех основных источников влияния — задач, сфер деятельности и ресурсов — для шести международных организаций. В последнее время все большее внимание уделяется оценке легитимности международных организаций как источника их влияния. Вопросы приобретения, поддержания и утраты легитимности с этой позиции рассмотрены в работе [Tallberg, Zürn, 2019]. В одной из фундаментальных работ [Costa, Jørgensen, 2012] анализируется влияние ключевых международных институтов (ВТО, НАТО, Совет Безопасности ООН) на ЕС, однако не предлагается методология, которая позволила бы осуществить сравнение уровня влияния между этими институтами.

Тальберг с соавторами [Tallberg et al., 2016] предлагают матрицу оценки институтов, основанную на результатах их деятельности, которая может быть использована для сравнительной оценки влияния. В рамках настоящего исследования предложенный подход был доработан. Выделены шесть параметров (факторов) влияния и характеристики каждого из них:

1. Динамика (активность) нормотворчества — количество документов, динамика их принятия в рамках циклов работы, свойственных институту, и в контексте изменений условий его деятельности.
2. Охват (затрагиваемые сферы) — количество сфер регулирования в рамках ЦЭ, напрямую затрагиваемых инструментами, и сфер регулирования, опосредованно затрагиваемых инструментами, а также степень проработанности в рамках конкретной сферы, что особенно важно для специализированных институтов.
3. Потенциал влияния на подписантов и акторов, опосредованно затрагиваемых документом, исходя из доминирующего типа документов — стандартустанавливающий, регуляторный, нормоустанавливающий.

4. Обязательность, исходя из доминирующего правового характера документов: обязательный, рекомендательный, декларативный.
5. Обеспечение исполнения – наличие и последовательность в применении механизмов мониторинга и оценки исполнения зафиксированных в документах норм или стандартов.
6. Целевая группа – количество участников и целевых групп, включая страны – члены института, другие страны и международные институты, негосударственных акторов.

Данный набор параметров позволил выполнить сравнительный анализ с учетом особенности деятельности институтов, типологии и характера используемых ими инструментов. Для каждого параметра формировалась качественная оценка по итогам анализа инструментов. Затем методом экспертной оценки определялось ее количественное значение по шкале: 0 – низкая, 0,5 – средняя, 1 – высокая. Результирующая оценка влияния для института рассчитывалась как среднее арифметическое оценок по всем шести параметрам.

Текущее состояние сотрудничества в международных организациях

ООН

Россия участвует в работе большинства ключевых международных организаций (МО), рассматривая в качестве одного из приоритетных форматов ООН, где прорабатывается российская инициатива по формированию норм, правил и принципов ответственного поведения государств в информационном пространстве. Взаимосвязь масштабных кибератак и краха критически важной инфраструктуры большинством экспертов оценивается как один из ключевых и усиливающихся глобальных рисков [WEF, 2020]. Вопросы международной информационной безопасности (МИБ) в повестке ООН как центра системы международных организаций имеют долгую и трудную историю, начало которой было положено в 1998 г. предложенным Россией проектом резолюции ГА «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности» [ГА ООН, 1999]. Созданная в 2004 г. [ГА ООН, 2002] Группа правительственных экспертов (ГПЭ) ООН по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности представила доклад по возможным мерам устранения существующих и потенциальных угроз в сфере информационной безопасности на 60-й сессии ГА ООН в 2005 г. США не поддержали проект решения по докладу в силу различий в оценках угроз МИБ, включая разногласия по вопросу отнесения к ним использования ИКТ для достижения военно-политических целей [ГА ООН, 2005]. Несмотря на противоречия, в работе пяти последующих созывов ГПЭ последовательно расширялось количество участников и круг вопросов.

К 2016 г. по итогам работы ГПЭ 4-го созыва были сформулированы подходы к выработке норм, правил и принципов ответственного поведения государств в киберпространстве и мерам укрепления доверия. Одним из камней преткновения стало обсуждение применимости норм международного права к использованию ИКТ государствами [ГА ООН, 2015a]. В результате ГПЭ 5-го состава [ГА ООН, 2015b] 2016–2017 гг. на консенсус выйти не удалось. Инициатива России, КНР и Кубы о создании принципиально нового свода международных правил и норм поведения в киберпространстве

и создания в рамках ООН специальной Рабочей группы, открытой для участия всех государств и руководствующейся в принятии решений принципами инклюзивности, была интерпретирована США как попытка обнулить весь достигнутый ГПЭ прогресс [The Guardian, 2017]. США и их союзники исходят из полной и безоговорочной применимости существующего международного права к сфере использования ИКТ. Согласно российской позиции, такой подход влечет риски неучета специфики информационной сферы (сложность установления источника компьютерной атаки, возможности использования посредников, и т.д.), произвольного использования отдельных международно-правовых норм, включая право на самооборону, реализации концепции контрмер в цифровой сфере в обход существующих механизмов, включая Совет Безопасности ООН⁵.

В результате усилий по преодолению противоречий в 2018 г. были запущены два параллельных трека: Рабочая группа открытого состава (РГОС)⁶ и Группа правительственных экспертов (ГПЭ)⁷. Задачи РГОС включают выработку норм и принципов ответственного поведения государств на основе свода из 13 правил⁸ и путей их реализации. ГПЭ поручено проводить исследование возможных совместных мер по устранению существующих и потенциальных угроз в сфере информационной безопасности, норм, правил и принципов ответственного поведения государств, мер укрепления доверия и мер по наращиванию потенциала, а также того, как международное право применяется к использованию ИКТ государствами. Несмотря на общность задач, с учетом конкуренции российского и американского подходов, существуют высокие риски стагнации процесса выработки универсальных «правил игры». Россия участвует в деятельности обеих Групп, стремится обеспечить взаимодополняющий характер переговорного процесса и сближение позиций, однако можно прогнозировать согласование документа на основе принципа наименьшего «общего знаменателя», ограничение влияния ООН в регулировании международной информационной безопасности и усиление тенденций к продвижению альтернативных российским подходам на других площадках [Henriksen, 2019].

⁵ Выступление представителя Российской Федерации в Первом комитете 72-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН В.И. Ермакова в рамках дискуссии по разделу «Другие меры разоружения и международная безопасность». Режим доступа: https://russiaun.ru/ru/news/1com_intsec2310 (дата обращения: 15.07.2020).

⁶ РГОС создана в соответствии с резолюцией ГА ООН «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности» от 5 декабря 2018 г. [ГА ООН, 2018б]. Резолюция продвигалась Россией, соавторами выступили 32 страны. В поддержку резолюции проголосовали 119 членов ООН (в основном члены БРИКС (кроме Бразилии), ШОС и другие развивающиеся страны), 46 – против, 14 – воздержались.

⁷ ГПЭ создана в соответствии с резолюцией ГА ООН «Поощрение ответственного поведения государств в киберпространстве в контексте международной безопасности» от 22 декабря 2018 г. [ГА ООН, 2018а], выдвинутой США совместно с 35 соавторами. 139 государств поддержали проект, 11 выступили против, 16 – воздержались. Среди поддержавших страны – члены ЕС и другие развитые государства.

⁸ Они в значительной степени отражают базовые российские подходы в области обеспечения международной информационной безопасности. Среди них использование ИКТ исключительно в мирных целях; юрисдикция государств над информационно-коммуникационной инфраструктурой, расположенной на их территориях; применимость к использованию ИКТ государствами основных принципов международного права, таких как государственный суверенитет, равенство государств и невмешательство во внутренние дела других государств; необходимость обоснованности и доказанности обвинений в организации и совершении противоправных действий в сфере ИКТ, выдвигаемых против государств; необходимость продолжения совместной коллективной работы с конечной целью выработки универсального свода «правил игры» в области МИБ.

Международный союз электросвязи

Международный союз электросвязи (МСЭ) как специализированное учреждение ООН в области ИКТ обладает уникальным охватом членства (193 государства, а также около 900 компаний, университетов и международных и региональных организаций), а также наибольшей международной легитимностью среди межправительственных организаций в соответствующей сфере. МСЭ устанавливает технические стандарты и международные нормы, касающиеся телекоммуникаций. Основные продукты, Рекомендации (Recommendations) – стандарты, определяющие порядок функционирования и взаимодействия сетей электросвязи, не имеют обязательной силы, если только они не приняты на страновом уровне. Но в силу высокого качества Рекомендации в значительной степени интегрированы в национальное законодательство стран – членов МСЭ. Только по сектору стандартизации электросвязи (МСЭ-Т) действует более 4 тыс. рекомендаций МСЭ-Т более чем по двадцати направлениям, включая следующие: общие принципы тарификации; системы и среда передачи, цифровые системы и сети; защита от помех; конструкция, прокладка и защита кабелей и других элементов линейно-кабельных сооружений; сети передачи данных, взаимосвязь открытых систем и безопасность; глобальная информационная инфраструктура, аспекты протокола Интернет и сети последующих поколений.

Обязательную силу для подписантов имеет Регламент международной электросвязи (РМЭ) (International Telecommunication Regulations (ITRs)) [ITU, 2012], принятый на Всемирной конференции по международной электросвязи 3–14 декабря 2012 г. (ВКМЭ-12) в Дубае взамен первого РМЭ-88, членами которого были 178 стран. На этапе обсуждения документа российская делегация предлагала расширение полномочий МСЭ по контролю за Интернетом и предоставление большего контроля над информационными потоками национальным государственным органам [ITU, 2013]. Позиция России была поддержана семью странами, включая Китай, Саудовскую Аравию, Алжир, Бахрейн, Судан, Ирак и ОАЭ. Эта коалиция представила собственную редакцию РМЭ, которая предусматривала усиление суверенного контроля над веб-адресами, наделяя государства правом регулировать доступ к сайтам, присваивать, изымать и распределять IP-адреса и доменные имена [ITU, 2012b]. Если бы предложение было принято, ICANN лишилась своих полномочий по регулированию Интернета (она осуществляет контроль по распределению доменных имен и IP-адресов согласно РМЭ-88). Попытка сформировать международный механизм управления Интернетом на основе расширения полномочий МСЭ в рамках нового РМЭ встретила жесткое сопротивление США, Канады, Великобритании и ЕС. Представитель США Терри Крамер заявил, что предложение России «подразумевает, что адресация интернет-трафика может осуществляться странами, и страна сможет решать, как направлять трафик... Мы относимся к этому предложению с беспокойством» [BBC, 2012]. Как следствие, США выступили против какого-либо упоминания Интернета в тексте РМЭ. Включение в преамбулу РМЭ фразы «этот регламент признает права доступа стран-членов к услугам международной электросвязи» было расценено как попытка расширить действие РМЭ до регулирования сети Интернет и ее содержимого и использовано США, Канадой и Великобританией как предлог для отказа от ратификации. В итоге к вступившему в силу 31 декабря 2017 г. документу присоединились 89 стран⁹.

Вероятность создания на базе МСЭ международного механизма по управлению Интернетом невелика. Влияние МСЭ в регулировании ЦЭ ограничено выработкой

⁹ США, Австралия, Канада, Япония, Индия и ряд европейских стран не подписали РМЭ-12.

рекомендаций по стандартам технологий¹⁰, которые имеют необязательный характер. Но в целом успешность работы по техническому блоку инструментов (рекомендации МСЭ-Т) выше, чем по РМЭ.

ВТО

История переговорного процесса по выработке правил и норм регулирования цифровой торговли не менее сложная, чем по МИБ. Рабочая программа по электронной коммерции (РПЭК), запущенная в 1998 г. с принятием на второй министерской конференции ВТО Декларации о глобальной электронной коммерции, была нацелена на создание комплекса международных правил и регуляторных стандартов в сфере электронной торговли, способствующих повышению прозрачности и предсказуемости рынка [Azevêdo, 2020]. Довольно быстро стали очевидны разногласия по основным «горизонтальным» направлениям: классификации содержимого электронной передачи данных; взаимосвязи вопросов электронной торговли и развития; налогово-бюджетным аспектам электронной торговли (в том числе обложение электронной торговли сборами и пошлинами); распространению действовавших норм и правил ВТО на электронную торговлю. К министерской конференции ВТО в Найроби в 2015 г. сложилась ситуация фактической заморозки процесса РПЭК.

Спорные вопросы касаются как субстантивной части, так и процедурных аспектов. Отсутствует консенсус о статусе электронных продуктов как товаров, услуг или смешанном и, соответственно, о необходимости регулирования цифровой торговли ГАТТ или ГАТС и о применении моратория на таможенные сборы в отношении электронной передачи данных (мораторий обновлялся каждые два года, одновременно продолжались дискуссии о закреплении его перманентного статуса). Группа африканских стран [WTO, 2017d], Группа наименее развитых стран [WTO, 2019c], Индия и ЮАР [WTO, 2017b] выступают против моратория, учитывая потенциальные экономические потери от его сохранения для развивающихся и наименее развитых стран и негативное воздействие на формирующиеся цифровые сектора развивающихся государств¹¹. Бангладеш предложила дифференцированный подход – беспошлинный доступ на рынки предоставляется всеми развитыми странами, а также желающими развивающимися странами в отношении всех товаров и услуг из наименее развитых стран, экспортируемых с использованием цифровых платформ [WTO, 2017b].

США и ЕС продвигают принципы, направленные на максимальную либерализацию информационно-коммуникационных сетей и торговли цифровыми услугами. США считают важным уделять внимание новым цифровым продуктам, например, в 2011 г., с учетом роста рынка мобильных приложений и облачных вычислений, они предложили выработку правил международной торговли в этих сферах, способствующих снижению трансграничных барьеров¹². Позиция США в отношении порядка регулирования трансграничной электронной торговли не поменялась со сменой администрации президента в 2017 г. Так, 12 апреля 2018 г. американская сторона выступила

¹⁰ Например, Рекомендация ИТУ-Т Y.2060 – Обзор интернета вещей. Формирование базиса для последующей стандартизации МСЭ-Т сферы интернета вещей.

¹¹ В совместном заявлении Индии и ЮАР приводится оценка ЮНКТАД о потенциальных потерях развивающихся стран от неприменения таможенных сборов в отношении трансграничной передачи данных – 10 075 млрд долл. США в 2017 г. (см. [WTO, 2018b]).

¹² Briefing note: Electronic commerce. Режим доступа: https://www.wto.org/english/thewto_e/minist_e/min11_e/brief_ecom_e.htm (дата обращения: 15.07.2020).

с предложениями по основным принципам электронной торговли в рамках процесса Совместной инициативы по электронной коммерции [WTO, 2019b].

Группа африканских стран, Группа наименее развитых стран, Индия, ЮАР, Саудовская Аравия считают, что при наличии нерешенных вопросов в текущем формате, нельзя начинать дискуссии по новым проблемам в новых форматах. С позицией по сохранению механизма РПЭК выступил и Китай, предложив обеспечить параллельный и комплементарный характер работы в рамках РПЭК и Инициативной группы по электронной коммерции, сформировавшейся по результатам Министерской конференции ВТО 2017 г. в Буэнос-Айресе [WTO, 2019a]. Предложения Бразилии содержат ряд конкретных инициатив по «оживлению» дискуссии в рамках РПЭК [WTO, 2018a]. В октябре 2017 г. Россия представила проект решения Министерской конференции ВТО, в котором предлагалось создание Рабочей группы по электронной коммерции под эгидой Генерального совета и продление моратория на введение таможенных сборов на трансграничную передачу данных [WTO, 2017c]. С аналогичной инициативой выступили Австралия, Канада, Чили, ЕС, Норвегия, Парагвай и Республика Корея [WTO, 2017a].

Министерская конференция ВТО в Буэнос-Айресе (2017) стала точкой формализации фрагментации диалога по электронной торговле ВТО. Инициативная группа членов Организации обнародовала совместное заявление по электронной коммерции, обозначив намерение осуществлять подготовку к началу переговорного процесса вне РПЭК¹³. В январе 2019 г. 78 членов ВТО¹⁴ инициировали новый переговорный процесс по порядку международного регулирования электронной торговли¹⁵. Его динамика очень высокая. За 2019–2020 гг. в базе данных ВТО зарегистрировано семь докладов о прогрессе инициативной группы, а также шестьдесят документов с предложениями и позициями государств¹⁶. Очевидно, что данная инициатива столкнется с противодействием со стороны Группы Африканских государств, в том числе ЮАР, а также Индии, Индонезии, Саудовской Аравии (из числа членов «Группы двадцати») и других развивающихся экономик. Это связано преимущественно с увязкой переговорных позиций в сфере цифровой коммерции с более широким кругом вопросов международного развития, в том числе имеющих ключевое значение в рамках Дохийского раунда (например, в сфере сельского хозяйства). Переговорный процесс, в том числе в рамках инициативной группы, осложняется также различием в подходах к регулированию цифрового сектора между США, КНР и ЕС, выражающихся в первую очередь во взглядах на степень государственного участия. Существенным ограничительным фактором остается общий кризис многосторонней торговой системы и ВТО. Фрагментация регулирования и переговорного процесса приводит к тому, что согласование правил осуществляется в рамках региональных

¹³ New initiatives on electronic commerce, investment facilitation and MSMEs. Режим доступа: https://www.wto.org/english/news_e/news17_e/minis_13dec17_e.htm (дата обращения: 15.07.2020).

¹⁴ В инициативную группу вошли, среди прочих, следующие члены «Группы двадцати»: Австралия, Аргентина, Канада, Бразилия, ЕС, Китай, Япония, Республика Корея, Мексика, Россия, Турция, США.

¹⁵ DG Azevêdo meets ministers in Davos: discussions focus on reform; progress on e-commerce. Режим доступа: https://www.wto.org/english/news_e/news19_e/dgra_25jan19_e.htm (дата обращения: 15.07.2020).

¹⁶ Joint Initiatives. Electronic Commerce. Режим доступа: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Browse/FE_B_009.aspx?TopLevel=10785#/ (дата обращения: 15.07.2020).

торговых соглашений¹⁷ и других многосторонних организаций, например, ОЭСР и «Группы двадцати»¹⁸.

ОЭСР

Анализ документов показывает растущее влияние ОЭСР в регулировании цифровой экономики. Совокупная экономическая мощь и цифровое лидерство стран – членов Организации являются важным, но далеко не единственным фактором ее растущего влияния. Существенное значение имеют репутация Организации как уникального международного экспертного форума, качество нормотворческой деятельности и интенсивное взаимодействие с партнерами (международными и региональными организациями, странами-партнерами и социальными партнерами).

Для ОЭСР характерна высокая динамика нормотворчества в регулировании ЦЭ, оперативное реагирование на изменения и новые риски и задачи, регулярная оценка релевантности документов и их пересмотр в случае появления такой необходимости. В настоящее время действует девятнадцать правовых инструментов. В целом документы имеют всеобъемлющий характер, только в явном виде включая почти тридцать сфер. До конца года планируется согласование еще одного инструмента, регулирующего налогообложение в ЦЭ [OECD/G20 Inclusive Framework on BEPS, 2020], причем его влияние будет определяться не только количеством стран-участниц¹⁹ и поддержкой «Группы двадцати»²⁰, но и масштабами экономических последствий пересмотра права на налогообложение трансграничной деятельности многонациональных компаний²¹.

История регулирования ОЭСР аспектов цифровой экономики насчитывает более четырех десятилетий. Руководство по защите конфиденциальности и трансграничных потоков личных данных 1980 г. [OECD, 2013a] стало первым документом в этой сфере, согласованным на международном уровне, и оказало значительное влияние на политику стран – членов ОЭСР и других стран. Общие задачи были подтверждены в Декларации о трансграничных потоках данных 1985 г. [OECD, 1985]. В контексте развития технологий и повышения уровня рисков в 2013 г. были приняты Рекомендации Совета относительно Руководства по защите конфиденциальности и трансграничных потоков личных данных и обновленное Руководство [OECD, 2013b]. Руководство определило базовые принципы национального применения и международного сотрудничества для реализации цели содействия свободному потоку информации в интересах усиления ис-

¹⁷ На сегодняшний день заключено 75 региональных торговых соглашений, включающих положения по электронной коммерции [Monteiro, Teh, 2017].

¹⁸ Большинство членов «двадцатки» являются членами инициативной группы. В то же время присутствие оппонентов – Индии, Индонезии и ЮАР – значительно ослабляет потенциал «Группы двадцати». Они не присоединились к Осакскому треку, запущенному на саммите «двадцатки» в июне 2019 г.

¹⁹ В многосторонних переговорах участвуют 137 юрисдикций.

²⁰ Ожидается принятие документа как общего инструмента «Группы двадцати» и ОЭСР на саммите в Эр-Рияде 21–22 ноября 2020 г.

²¹ По оценкам текущего сценария пересмотра права на налогообложение общее увеличение глобальных налоговых поступлений с доходов корпораций составит 4%, или 100 млрд долл. США ежегодно. Более половины этой суммы придется на 100 ТНК [OECD, 2020b]. Однако данный расчет сделан для варианта соглашения, которое не опирается на принцип «безопасной гавани», которым США обуславливает свою политическую поддержку многостороннего решения (см.: International community renews commitment to multilateral efforts to address tax challenges from digitalisation of the economy. Режим доступа: <http://www.oecd.org/tax/beps/international-community-renews-commitment-to-multilateral-efforts-to-address-tax-challenges-from-digitalisation-of-the-economy.htm> (дата обращения: 15.07.2020)).

пользования данных для экономического и социального развития. Рассматривая обеспечение конфиденциальности как обязательное условие снижения рисков и барьеров трансграничного использования личных данных, Руководство предусматривало укрепление сотрудничества между органами власти, ответственными за правоприменение законов по защите конфиденциальности. Соответствующие Рекомендации были приняты в 2007 г. [OECD, 2007a].

В связи с ростом потребности в развитии технологий криптографии для защиты конфиденциальности, в том числе финансовых и персональных данных, их хранения и передачи с целью развития национальных и глобальных информационных и коммуникационных сетей и технологий, а также электронной коммерции ОЭСР были согласованы Рекомендации относительно Руководства по политике шифрования [OECD, 1997]. Документ 1997 г. нацелен на формирование общих подходов в криптографической политике стран-членов; сопоставимых, интероперабельных, портативных и мобильных методов, практики и процедур криптографии. Одновременно Рекомендации создали конкурентные преимущества для усиления позиций компаний стран – членов ОЭСР на международном рынке открытой криптографии²² и возможности для продвижения своих методов, процедур и стандартов как основы для использования в международной практике.

С учетом критической роли широкополосной связи для общества и экономики, Рекомендации о развитии широкополосной связи 2004 г. [OECD, 2004] способствовали реализации в странах-членах принципов и мер политики, обеспечивающих расширение рынка широкополосных сетей и услуг, повышение эффективности и предложения инновационных продуктов, поощрение эффективного использования широкополосных услуг с целью обеспечения конкурентоспособности стран-членов.

С ростом трансграничных потоков выросла потребность в кооперации по борьбе со спамом, наносящим существенный социальный и экономический ущерб, и формировании эффективной международной основы регулирования против спама. Принятые в 2006 г. Рекомендации по трансграничному сотрудничеству в применении законодательства против спама [OECD, 2006] сохраняют свою актуальность и сейчас, поскольку проблемы защиты от спама углубляются ростом цифровой экономики и необходимостью обеспечения безопасности Интернета.

Рекомендации Совета по электронной идентификации и Руководство по электронной идентификации ОЭСР 2007 г. [OECD, 2007b] создали основу для сопоставимости политики стран-членов в сфере электронной идентификации физических и юридических лиц на национальном и трансграничном уровне. ОЭСР взяла на себя инициативу по продвижению такого сотрудничества на глобальном уровне с подключением профильных международных организаций.

В 2008 г. были приняты Рекомендации Совета по расширенному доступу и более эффективному использованию информации государственного сектора [OECD, 2008b], направленные на более активное использование такой информации для повышения производительности и эффективности экономической деятельности.

Последний по хронологии документ первого десятилетия 2000-х – Декларация для будущего цифровой экономики (Сеульская декларация 2008 г.) [OECD, 2008a],

²² В 2019 г. глобальный рынок только программного обеспечения составлял 7,5 млрд долл. США, в 2024 г. прогнозируется рост до 16,5 млрд долл. Основные игроки на этом рынке – компании США. Рынок аппаратных средств и техники оценивался в 2020 г. примерно в 296,4 млрд долл. США. Спрос на продукты и услуги криптографии с развитием цифровой экономики будет расти. Ключевыми драйверами роста являются цифровизация, развитие МСП, использующих новые продукты, и стандарты регулирования конфиденциальности данных.

пришедшая ей на смену в 2016 г. Декларация по цифровой экономике: инновации, рост и социальное процветание (Cancún Declaration) [OECD, 2016b] и Рекомендации по принципам политики в области Интернета 2011 г. [OECD, 2011] нацелены на реализацию сопоставимых подходов в управлении Интернетом, в том числе на основе добровольных кодексов поведения и механизмов подотчетности, международно признанных и определяемых рынком стандартов безопасности и лучших практик онлайн-безопасности. Документы также являются опорой для формирования многостороннего сотрудничества по выработке глобальных интероперабельных технических стандартов и создают возможности для влияния ведущих членов ОЭСР, прежде всего ЕС и США, и их компаний на процессы выработки этих стандартов и глобального многостороннего управления Интернетом.

Результатом инициативы ОЭСР по формированию и продвижению политики повышения экологической эффективности ИКТ и применения «умных» ИКТ во всех секторах экономики, улучшения координации политик и инициатив в этой сфере между странами-членами, а также на международном уровне стали Рекомендации Совета по ИКТ и окружающей среде [OECD, 2010]. Рекомендации создают преимущества для ИКТ, энергетических, транспортных и других компаний ОЭСР, производящих и применяющих «зеленые» технологии. Согласно оценке 2017 г., принятые в 2010 г. Рекомендации сохраняют свое значение.

Доверие пользователя и его защита рассматриваются ОЭСР как ключевые условия развития цифровой экономики. С учетом стремительных изменений в интернет-среде с 2017 г. по настоящее время ведется работа по пересмотру положений Рекомендации по защите детей в онлайн 2012 г., нацеленных на создание эффективных механизмов и регулирования в данной области [OECD, 2012b]. Рекомендации по защите потребителя в электронной торговле 2016 г. [OECD, 2016a] замещают первый инструмент ОЭСР в сфере защиты прав потребителей в электронной коммерции 1999 г. Их основная цель – создание среды для безопасной и надежной электронной коммерции на основе защиты потребителя, формирования инструментов управления, совершенствования регулирования, укрепления сотрудничества между органами защиты потребителя в международном и региональном пространстве на основе стандартов и инструментов ОЭСР. Рекомендации Совета ОЭСР по услугам международного мобильного роуминга 2012 г. [OECD, 2012a] должны были обеспечить защиту потребителя, справедливый уровень цены услуг мобильного роуминга и эффективную конкуренцию в инфраструктуре, сетях и приложениях.

В условиях ускорения цифровизации и связанных с ним рисков безопасности ОЭСР пересмотрела и обновила документы 2000-х годов. Рекомендации по управлению рисками цифровой безопасности для экономического и социального благополучия 2015 г. [OECD, 2015] приняты взамен Рекомендаций по безопасности информационных систем и сетей – к культуре безопасности 2002 г. Рекомендации нацелены на обеспечение цифровой безопасности экономик и общества на основе принятия национальных стратегий и создания сопряженных систем управления цифровой безопасностью в странах ОЭСР. Сотрудничество осуществляется на базе общих принципов, сопоставимых метрик оценки рисков, общих методологий, стандартов и лучших практик. Рекомендации Совета ОЭСР по цифровой безопасности критической деятельности 2019 г. [OECD, 2019d], принятые взамен Рекомендаций 2008 г. по защите критической информационной инфраструктуры, модернизируют ключевые концепции, расширяют сферу применения, учитывают накопленный опыт реализации предшествующих документов. Задачи рекомендаций – выработка оптимальной национальной политики и национального регулирования, обеспечивающих безопасность, но не препятствующих

развитию экономической деятельности, инноваций и цифровой экономики, сближение регулирования и международное сотрудничество. Взаимодействие направлено на обеспечение безопасности критической инфраструктуры стран ОЭСР, формирование международных стандартов (на основе стандартов ЕС и США) и создание глобального рынка услуг и товаров в области безопасности.

В 2019 г. приняты два знаковых документа – Рекомендации по управлению данными в сфере здравоохранения [OECD, 2019e] и Рекомендации ОЭСР по искусственному интеллекту [OECD, 2019c]. Первый документ касается, прежде всего, внутренней политики стран-членов. Его задача – сблизить подходы в управлении доступностью и использованием личных данных о здоровье в рамках национальных границ и трансграничных потоков; обеспечить безопасность, конфиденциальность, интероперабельность и эффективный обмен данными на основе общих принципов, включая коды, стандарты и терминологию в рамках Организации. Рекомендации ОЭСР по искусственному интеллекту представляются как первый межгосударственный стандарт по ИИ, призваны создать необходимую регуляторную среду и стандарты для стран ОЭСР и обеспечить их продвижение в международной среде.

Рекомендации ОЭСР не являются юридически обязательными документами, их исполнение обеспечивается политической волей участников, совокупностью механизмов мониторинга и оценки, предусмотренных и четко прописанных во всех рекомендациях и последовательно применяемых на практике для оценки и обновления. Рекомендации создают возможности закрепления и усиления влияния ведущих членов ОЭСР, прежде всего ЕС и США, причем как через рыночные механизмы, так и через соглашения с партнерами и международные институты.

«Группа двадцати»

Влияние «Группы двадцати» в регулировании цифровой экономики пока не соответствует ее потенциалу как ключевого форума экономического сотрудничества ведущих экономик мира. С 2016 г. принято одиннадцать документов как на уровне лидеров, так и на уровне министров, ответственных за цифровую экономику. Сформулировано восемьдесят конкретных обязательств, мониторинг которых показывает достаточно высокий уровень исполнения.

Первые четыре документа были согласованы в 2016 г. и приняты на уровне лидеров. Контуры инновационного роста «Группы двадцати» [Лидеры «Группы двадцати», 2016б], План действий по инновациям [Лидеры «Группы двадцати», 2016г], План действий в связи с новой индустриальной революцией [Лидеры «Группы двадцати», 2016в] и Инициатива по развитию и сотрудничеству в области цифровой экономики [Лидеры «Группы двадцати», 2016а] были предложены председательством КНР, чтобы стимулировать сотрудничество «двадцатки» в области цифровой экономики и инноваций как источников экономического роста. Учитывая потенциал новых технологий для повышения производительности и конкурентоспособности, Китай и другие развивающиеся страны заинтересованы в участии в управлении этими процессами, получении максимальных выгод от ожидаемых технологических изменений и трансформации промышленности, а также смягчения их негативных последствий. Инициатива была попыткой интеграции развивающихся стран в управление этими процессами, выравнивания возможностей влияния в сфере цифровой экономики и преодоления разрыва между ведущими индустриальными государствами и странами с формирующимися рынками и развивающимися странами.

Документы зафиксировали основополагающие принципы, направления и меры сотрудничества. В качестве механизма реализации согласованных положений была создана целевая группа «двадцатки». При поддержке ОЭСР целевая группа должна обеспечивать развитие сотрудничества, преемственность и последовательность с учетом приоритетов будущих председателей «Группы двадцати». В результате компромисса развитых и развивающихся стран положения документов, по сути, предусматривают развитие диалога в рамках «двадцатки» на основе принципов и подходов ОЭСР, которые были сформированы ведущими индустриальными государствами в соответствии с их интересами, возможностями и целями, с использованием механизмов и инструментов ОЭСР. Таким образом, уже на первом этапе документы создали возможности усиления влияния ОЭСР в результате включения инструментов и механизмов Организации в процессы сотрудничества «Группы двадцати».

«Дорожная карта» «Группы двадцати» по цифровизации [G20 Digital Economy Ministers, 2017], принятая на первой конференции министров «двадцатки», ответственных за цифровую экономику, подтвердила руководящие принципы и приоритеты, заявленные в документах 2016 г. В качестве ключевых были обозначены цели преодоления цифрового разрыва и использования потенциала цифровизации для инклюзивного экономического роста; формирования регулирования, обеспечивающего конкурентную среду и содействие привлечению частных инвестиций; поддержки развития и использования определяемых рынком и отраслью международных стандартов технологических продуктов и услуг; укрепления доверия на основе эффективной защиты прав потребителя, прав на объекты интеллектуальной собственности, транспарентности и безопасности в сфере использования ИКТ. Документы 2017 г. закрепили тенденцию на усиление влияния ОЭСР в результате включения приоритетов и норм сотрудничества Организации в тексты Декларации и «дорожной карты» через прямую отсылку к конкретным инструментам, через поручения, усиливающие роль ОЭСР, через интеграцию в текст конкретных положений из документов ОЭСР без прямой отсылки к ним.

В Декларации 2018 г. [G20 Digital Economy Ministers, 2018] вопросы регулирования цифровой экономики погружены в задачи сотрудничества в целях создания цифровой инфраструктуры для развития и роста. Кроме того, приняты Принципы цифрового правительства. Определены меры по ускоренному созданию цифровой инфраструктуры для развития и преодоления гендерного цифрового разрыва. Намечены шаги по дальнейшему совершенствованию измерения цифровой экономики.

В 2019 г. премьер-министр Японии Синдзо Абэ сформулировал в качестве приоритета председательства создание международного режима для свободного потока данных с высоким уровнем доверия. Одна из задач включала запуск «Осацкого трека» — процесса создания международных норм для эффективного использования данных как источника экономического роста при лидирующей роли «двадцатки». Однако эта цель не была реализована. Осацкая декларация лидеров «Группы двадцати» [Лидеры «Группы двадцати», 2019], посвященная вопросам цифровой экономики, сводится к решению о начале диалога об использовании потенциала данных и цифровой экономики для устойчивого роста и поддержке инициативы по выработке многостороннего соглашения по торговым аспектам электронной коммерции в рамках ВТО, сформулированной министрами торговли 78 стран — участниц ВТО в январе 2019 г. В итоге документ не изменил баланса влияния. Диалог по созданию международных норм для эффективного использования данных как источника экономического роста остался в рамках ОЭСР, а по торговым аспектам электронной коммерции — в рамках ВТО. В результате внутренних проблем между членами «двадцатки» не удалось вывести диалог

на уровень и реализовать лидерский потенциал «двадцатки» для запуска действительно амбициозной инициативы Абэ.

Совместная декларация министров «двадцатки», ответственных за цифровую экономику и за торговлю и инвестиции, выделяет два ключевых направления сотрудничества для достижения цели «реализации национальной и международной политики, направленной на получение максимальных преимуществ от цифровизации для экономики и общества» [G20 Trade and Digital Ministers, 2019]. Первое – создание условий для свободного потока данных на основе соблюдения национальных и международных правовых рамок, обеспечения их совместимости, защиты конфиденциальности, защиты данных и интеллектуальной собственности и укрепления доверия потребителей и бизнеса. Второе – создание условий для повышения доверия общественности к технологиям искусственного интеллекта и использования их потенциала для экономического роста и развития. Одобрены Принципы «Группы двадцати» в области развития искусственного интеллекта, выработанные на основе Рекомендаций ОЭСР по ИИ и приняты во внимание Рекомендации для национальной политики и международного сотрудничества для заслуживающего доверия ИИ (2-й раздел Принципов). Что касается стандартов безопасности, условий для свободного потока данных и реализации политики, стимулирующей инновации, они соответствуют духу и букве документов ОЭСР по управлению цифровой безопасностью, защите конфиденциальности и трансграничным потокам данных и цифровой экономике.

Заявление министров «Группы двадцати», ответственных за цифровую экономику, принятое в апреле 2020 г., направлено на использование потенциала цифровых технологий и решений для преодоления пандемии и восстановления экономики. «Ответ на COVID-19» [G20 Digital Economy Ministers, 2020] определил шесть приоритетов сотрудничества: развитие инфраструктуры и сетевой взаимосвязанности; безопасный обмен данными; исследования и развитие цифровых технологий для здоровья; использование цифровых технологий и решений для обеспечения возможности экономической деятельности в условиях пандемии; обеспечение безопасной и доверительной онлайн-среды; поддержка перехода ММСП на системы цифрового производства, электронной коммерции и цифровые бизнес-модели.

В июльской Декларации «Группы двадцати» о цифровой экономике 2020 г. министры подтвердили намерение усиливать сотрудничество по цифровизации для преодоления последствий пандемии, восстановления и обеспечения устойчивого и инклюзивного роста. В отличие от декларации 2019 г., министры одобрили 2-й раздел Принципов ИИ и сформулировали обязательство продвигать Принципы ИИ на их основе и в соответствии с национальными приоритетами. Прогресс по свободным потокам данных с доверием и трансграничным потокам данных менее значительный, но согласованы направления дальнейшей работы, прежде всего, обмен опытом и лучшими практиками, включая интероперабельность и механизмы трансфера и технологии повышения конфиденциальности. Одобрение «дорожной карты» продвижения к общей рамке измерения ЦЭ и трехуровневого подхода к определению ЦЭ создало основу для дальнейшего движения в сторону интероперабельности и формирования общих стандартов. В части, касающейся безопасности, достижением стало признание необходимости сотрудничества для продвижения безопасности в ЦЭ для обеспечения сильного, устойчивого и инклюзивного экономического роста. Преобразование Целевой группы по ЦЭ в Рабочую группу по ЦЭ подтвердило усиление внимания «Группы двадцати» к вопросам ЦЭ и их включение в долгосрочную повестку сотрудничества.

Однако, несмотря на широкий спектр направлений, сотрудничество по цифровизации не стало одной из основ достижения цели «двадцатки» по обеспечению сильного,

устойчивого, сбалансированного и инклюзивного роста. Не удалось реализовать задачу интеграции развивающихся стран в управление процессами формирования регулирования ЦЭ. Взаимодействие с международными организациями в Целевой группе по цифровой экономике до настоящего времени не столько усиливает потенциал влияния «двадцатки», сколько создает дополнительные возможности для самих институтов. Задача японского председательства по запуску процесса создания международных норм для эффективного использования данных как источника экономического роста при лидирующей роли «двадцатки» также не была реализована. Прослеживается тенденция формирования параметров сотрудничества членов «двадцатки» на основе принципов и подходов ОЭСР. Безусловно, нельзя утверждать, что их использование априори не отвечает интересам развивающихся стран и стран с формирующимися рынками. Но через сотрудничество в «двадцатке» по развитию и использованию определяемых рынком и отраслью международных стандартов технологических продуктов и услуг, соответствующих международным правилам, способствующих повышению функциональной совместимости и укреплению безопасности в сфере использования ИКТ, ОЭСР формирует преимущества для продвижения технологических компаний, продуктов, услуг и разработок своих ведущих стран-членов. Одновременно интеграция вопросов регулирования ЦЭ в «двадцатку» создает потенциальные возможности влияния развивающихся стран на дальнейшее формирование регулирования ЦЭ, которые они не могут обеспечить в рамках ОЭСР.

БРИКС

Цифровизация как самостоятельное направление сотрудничества появилась в повестке БРИКС в 2015 г. в ходе председательства России, по инициативе которой впервые состоялась встреча министров связи и была создана специальная рабочая группа. К 2020 г. члены БРИКС согласовали тридцать семь обязательств по вопросам развития ИКТ и цифровизации. В той или иной степени к сфере цифровизации можно отнести шесть документов «пятерки».

Программа развития и план действий стран БРИКС в области информационно-коммуникационных технологий [BRICS Working Group on ICT Cooperation, 2016], принятые в 2016 г., представляют собой попытку создания цифрового партнерства и выработки «дорожной карты» взаимодействия стран БРИКС в интересах преодоления цифрового разрыва. Документы определили ключевые направления и приоритеты сотрудничества. Однако за ними не последовала система мер по реализации Программы.

Рамочное соглашение о сотрудничестве БРИКС по вопросам электронной торговли [Russia and China, 2015] и Инициатива сотрудничества в сфере электронной торговли [BRICS CGETI, 2017], направленные на углубление взаимодействия стран БРИКС в рассматриваемой области, не ставили задачи выработки коллективной позиции БРИКС по соответствующим вопросам. Тем не менее реализация практических шагов, предусмотренных Инициативой, могла бы создать предпосылки для координации «пятерки» и продвижения общих позиций, например, в «Группе двадцати» и ВТО.

План действий по инновационному сотрудничеству БРИКС на период 2017–2020 гг. [BRICS Science, Technology and Innovation Ministers, 2017] утвердил долгосрочные приоритеты БРИКС, в том числе в области цифровых технологий. Его реализация и осуществление Рабочего плана стран БРИКС в области науки, технологий и инноваций на 2019–2022 гг. [BRICS Science, Technology and Innovation Ministers, 2019] должны способствовать ускорению разработки и внедрения странами «пятерки» инновацион-

ных решений в передовых отраслях для обеспечения устойчивого экономического развития и сокращения цифрового разрыва.

Рабочий план Партнерства БРИКС для Новой промышленной революции (PartNIR) 2019 г. [PartNIR, 2019] включает широкий набор мер, направленных на содействие развитию цифровой экономики; создание новых локомотивов роста и инфраструктуры, удовлетворяющей потребностям Новой промышленной революции; промышленной трансформации стран БРИКС. Наполнение инициативы конкретными инновационными проектами и серьезными инвестициями и создание мощной платформы инновационного развития может оказать существенную поддержку укреплению сотрудничества стран «пятерки» по вопросам цифровой экономики и сокращению цифрового разрыва в части показателей инновационной деятельности и практического внедрения цифровых технологий для долгосрочного роста. По состоянию на 2020 г. стороны пришли к согласованным решениям относительно порядка функционирования Консультативной группы Партнерства и конкретизировали его Рабочий план, однако пока эти решения не получили практического развития.

Вопросы регулирования ЦЭ в настоящее время явным образом не включены в повестку сотрудничества БРИКС, что на практике выражается в отсутствии документов, фиксирующих решения и/или коллективную позицию «пятерки». Очевидно, это связано с противоречиями, существующими между членами по вопросам безопасности в сфере использования ИКТ²³ и электронной торговли²⁴. Очевидно также, что для того, чтобы обеспечить формирование нового регулирования ЦЭ с учетом интересов БРИКС и других развивающихся стран и стран с формирующимися рынками, требуется мобилизация политической воли для преодоления противоречий и действия БРИКС как коллективного актора.

Европейский союз

ЕС усиливает свое влияние в международном регулировании ЦЭ. В 2020 г. принята новая Стратегия цифрового развития ЕС. Одной из ее четырех целей является обеспечение статуса ЕС как глобального лидера в цифровой экономике на основе разработки и продвижения цифровых стандартов и регулирования с использованием всего арсенала регуляторных, дипломатических и технологических возможностей; инструментов внешнего финансирования и содействия развитию; авторитета ЕС и стран-членов в рамках международных организаций и соглашений [European Commission, 2020].

Первая Стратегия развития цифрового рынка 2015²⁵ опиралась на три составляющие: улучшение доступа потребителей к цифровым товарам и услугам по всей Европе; создание условий для процветания цифровых сетей и инновационных услуг; максимизацию потенциала роста цифровой экономики. За пять лет утверждено более тридцати регламентов, директив и решений, большинство из которых направлено на внутреннее регулирование. Однако многие имеют последствия для внешних акторов, так как

²³ Проявляется в диалоге по МИБ в рамках ООН. В рамках Рабочей группы экспертов (РГЭ) БРИКС по вопросам безопасности в сфере использования ИКТ также нет консенсуса по подходам к созданию правовой базы сотрудничества между странами БРИКС в области обеспечения безопасности в сфере использования ИКТ. Россия предлагает разработку межправительственного соглашения БРИКС, Бразилия – разработку двусторонних соглашений между странами БРИКС.

²⁴ Проявляется в рамках ВТО (РПЭК и инициативы по выработке многостороннего соглашения по торговым аспектам электронной коммерции).

²⁵ Shaping the Digital Single Market. Режим доступа: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/policies/shaping-digital-single-market#Moredocuments> (дата обращения: 15.07.2020).

фактически устанавливают правила входа и поведения на рынке ЕС. Регулирование включает сферы налогообложения, обеспечения и развития связанности, электронной торговли, защиты потребителей, защиты и обработки данных, медиа и авторского права, кибербезопасности. Полный обзор требует отдельного рассмотрения, остановимся на нескольких показательных примерах.

Проект Директивы Совета, устанавливающей правила корпоративного налогообложения значительного цифрового присутствия [European Commission, 2018a], направлен на то, чтобы прибыль регистрировалась и облагалась налогом там, где предприятия имеют значительное взаимодействие с пользователями через цифровые каналы. Документ определяет правила установления налогооблагаемой базы для цифровых компаний, осуществляющих деятельность через границу в случае нефизического коммерческого присутствия, индикаторы «значительного цифрового присутствия»²⁶ и принципы определения налогооблагаемой прибыли на территории страны – члена ЕС. Новое регулирование касается не только учрежденных в ЕС корпоративных налогоплательщиков, но также предприятий, которые зарегистрированы или учреждены в юрисдикции, не входящей в Союз, у которой не существует договора об избежании двойного налогообложения со страной-членом значительного цифрового присутствия налогоплательщика.

Предложение по Директиве Совета об общей системе налога на цифровые услуги с доходов, полученных в результате предоставления определенных цифровых услуг [European Commission, 2018b], должно распространить налоговый режим на ту цифровую деятельность компаний, которая пока полностью отсутствует в системе сбора налогов, но приносит прибыль агентам, которые ее осуществляют²⁷. Многие члены ЕС уже находятся либо в процессе принятия налогов на цифровые услуги, либо уже приняли их, например, Австрия (5%, декабрь 2019), Франция (3%, октябрь 2019), Венгрия (7,5%, июнь 2019), Италия (3%, январь 2020), Словакия (ограниченный список цифровых услуг, 5%, март 2018) [KPMG, 2019]. Это, помимо прочего, дает Комиссии аргумент в пользу необходимости принятия единого подхода на уровне ЕС, чтобы обеспечить единообразное налогообложение цифровых услуг на территории ЕС, не допустить фрагментации единого цифрового рынка и устранить потенциал для недобросовестной конкуренции между юрисдикциями.

По обоим инициативам пока не удастся прийти к консенсусу. Крупные страны, прежде всего Германия, Франция и Испания, выступают за принятие обеих законодательных инициатив. Страны, которые специально подстраивали налоговый режим, чтобы привлечь на свою территорию представительства крупных корпораций (например, Ирландия), не хотят принятия общеевропейского налога и придерживаются позиции о необходимости вести работу в этом направлении в рамках ОЭСР. В марте 2019 г. Совет по экономическим и финансовым вопросам решил продолжать работу по достижению соглашения на уровне ОЭСР. Если к концу 2020 г. соглашение не будет достиг-

²⁶ «Значительное цифровое присутствие» считается существующим в государстве-члене в налоговом периоде, если бизнес полностью или частично состоит из поставки цифровых услуг через цифровой интерфейс и выполняется одно или несколько из следующих условий: общие доходы, полученные за текущий налоговый период в результате предоставления цифровых услуг пользователям, расположенным в государстве – члене ЕС, превышают 7 млн евро; число пользователей цифровых услуг превышает 100 тыс.; количество коммерческих контрактов на поставку любой цифровой услуги превышает 3 тыс.

²⁷ Преимущественно услуги цифровых интерфейсов с общей суммой налогооблагаемых доходов, полученных предприятием в рамках Союза в течение данного финансового года, более 50 млн евро.

нуто, ЕС продолжит внутренний процесс налоговой реформы. В таком случае страны-члены получают возможность взимать НДС с генерирующих прибыль на их территориях компаний, которые сейчас пользуются преимуществом регистрации в юрисдикциях с более благоприятным налоговым режимом. Также увеличится роль координирующей роли Комиссии в налоговой сфере. Данная мера касается крупного бизнеса (американских и китайских цифровых и интернет-гигантов Facebook, Google, Amazon, Ali-Baba) и не будет дополнительно обременять малый бизнес.

Другие примеры влияния регулирования ЕС за пределами Союза включают Регламент (ЕС) 2019/1150 о содействии справедливости и прозрачности для бизнес-пользователей услуг онлайн-посредников²⁸; Регламент (ЕС) 2016/679 о защите физических лиц в отношении обработки персональных данных и о свободном перемещении таких данных²⁹; Директиву (ЕС) 2018/1808 о внесении изменений в Директиву 2010/13 о координации определенных положений, предусмотренных законом, нормативными актами или административными действиями в государствах-членах, касающихся предоставления аудиовизуальных услуг средствами массовой информации³⁰.

Несмотря на то что ЕС не является лидером по числу высокотехнологичных компаний, Союз закрепляет нормативное лидерство и возможность экстраполировать свое законодательство на других акторов на основе других факторов. Привлекательность потребительского рынка ЕС определяет необходимость следовать его правилам. Преимуществами ЕС являются также развитая система бюрократии, которая может достаточно эффективно принимать регуляторные документы; очень сильная и развитая система права, обеспечивающая правоприменение; своего рода моральное лидерство, которое позволяет представлять требования ЕС как априори верные; значительная роль в международных организациях.

Заключение. Выводы и рекомендации

Анализ показывает, что ведущие развитые страны – члены ОЭСР, ЕС и «Группы двадцати» имеют значительные преимущества для укрепления своего влияния в рамках существующих и формирующихся коллективных механизмов регулирования ЦЭ (табл. 1).

Существуют высокие риски стагнации переговорного процесса по МИБ из-за конкурирующих подходов России и США в Рабочей группе открытого состава (РГОС) и Группе правительственных экспертов (ГПЭ) соответственно. Ассоциированные с этими рисками проблемы включают ограничение влияния ООН в регулировании МИБ

²⁸ Любая онлайн-платформа и поисковая система, которая хочет выйти на европейский рынок и работать с европейскими потребителями и бизнесом, должна соответствовать требованиям, прописанным в Регламенте [European Parliament and Council, 2019].

²⁹ Регламент устанавливает правила, касающиеся защиты физических лиц в отношении обработки персональных данных и свободного перемещения персональных данных. Его действие распространяется на любых акторов (государственных и негосударственных), которые каким-либо образом обрабатывают любые данные граждан ЕС или на территории ЕС. Компании, базирующиеся за пределами ЕС, должны применять те же правила, предлагая услуги и товары или отслеживая поведение людей в пределах ЕС. Кроме того, регламент устанавливает правила для предоставления ЕС другим странам и международным организациям данных, которые эксплицитно содержат требования защиты прав человека и правового государства. Учитывая возможные разногласия и очевидный политический аспект данного вопроса, ЕС может отказывать в обработке данных своих граждан акторам (государствам и их компаниям), которые не соответствуют требованиям ЕС [European Parliament and Council, 2016].

³⁰ Требования, изложенные в директиве, распространяются на весь аудиовизуальный контент, поступающий на территорию ЕС [European Parliament and Council, 2018].

Таблица 1. Оценка влияния международных институтов на формирование коллективных механизмов регулирования цифровой экономики

Институт	Динамика (активность) нормотворчества	Охват (загрываемые сферы)	Потенциал влияния, исходя из доминирующего типа документов	Обязательность, исходя из доминирующего правового характера документов	Обеспечение исполнения	Целевая группа	Среднее
ООН	0,5	1	0	0,5	0	0,5	0,42
МСЭ	0,5	1	1	0,5	0	0,5	0,58
ВТО	0,5	1	1	1	0,5	1	0,83
ОЭСР	1	1	1	0,5	1	1	0,92
«Группа двадцати»	1	1	0	0	0,5	1	0,58
БРИКС	0,5	0,5	0	0	0,5	1	0,42
ЕС	1	1	1	1	1	1	1

Источник: Составлено авторами.

и усиление тенденций к продвижению альтернативных российским подходам на других площадках. Есть ряд факторов, которые необходимо использовать для достижения прогресса. Участвуя в работе обеих групп, Россия могла бы приоритизировать достижение консенсуса по выработке норм ответственного поведения государства. Это означает отнесение вопросов по созданию принципиально нового свода международных правил на более дальнюю перспективу. Но такой поход соответствует принципиальной позиции России о центральной роли ООН, универсальных норм международного права и Устава ООН [МИД РФ, 2020]. Он также даст возможность сохранить влияние, удержать процесс в рамках ООН, максимально разделить вопросы безопасности, концентрировав их в ООН, и вопросы экономики, вынося их на такие площадки, как «Группа двадцати».

Возможно, если бы предложение по новому РМЭ ограничилось расширением полномочий МСЭ по управлению Интернетом и фиксировало распределение компетенций между МСЭ и ICANN, оно могло бы получить поддержку ЕС и ряда других государств, и вероятность достижения консенсуса по расширению полномочий МСЭ была бы выше. Но солидаризация с предложением по усилению суверенного контроля катализировала неприятие значительного количества стран. В результате к новой версии РМЭ присоединилось 88 стран (ср. с участниками первой версии – 188). Однако влияние Рекомендаций МСЭ по стандартам технологий по-прежнему высоко. В этой связи в МСЭ более целесообразно сосредоточить усилия на выработке рекомендаций по новым технологическим направлениям, например, интернету вещей и пятому поколению мобильных технологий развития (стандарту 5G или IMT-2020).

Работа двух независимых треков по электронной коммерции должна получить развитие в рамках 12-й Министерской конференции ВТО в Нур-Султане, проведение которой планируется на июнь 2021 г.³¹ Россия могла бы более активно действовать на

³¹ WTO members discuss Kazakhstan's offer to host 12th Ministerial Conference in June 2021. Режим доступа: https://www.wto.org/english/news_e/news20_e/gc_29may20_e.htm (дата обращения: 15.07.2020).

обоих треках, содействуя их комплементарности, а также повышению прозрачности и открытости процесса Совместного заявления по электронной коммерции (СЗЭК) для всех членов ВТО. Важно использовать близость подходов к сущностным и процедурным вопросам РПЭК для развития диалога с ЕС и КНР. Диалог с ЕС был бы также полезен и для наших двусторонних отношений. При посредничестве России БРИКС мог бы стать важной площадкой для урегулирования противоречий с Индией и ЮАР и выработки общей позиции. Одновременно необходимо усиление сотрудничества по развитию регулирования электронной коммерции в рамках ЕАЭС.

Рекомендации ОЭСР позиционируются как регуляторный, нормативный и ценностный ориентир, формируют общие стандарты стран-членов, которые затем продвигаются в международную практику через сотрудничество со странами, не входящими в Организацию, в том числе через многосторонние, региональные, двусторонние и рыночные механизмы. Влияя на международное регулирование, члены ОЭСР, прежде всего США и страны ЕС, формируют глобальный рынок услуг и товаров, соответствующих их стандартам. Таким образом, создаются возможности для компаний и технологий стран-членов, которые позиционируются как отвечающие лучшим стандартам, нормам и принципам. Основные риски для России связаны с отсутствием возможности участия в выработке и влияния на параметры новых механизмов и инструментов регулирования.

ЕС усиливает свое влияние в регулировании ЦЭ внутри Союза и за его пределами. Стратегия цифрового развития ЕС, принятая в 2020 г., предусматривает меры по дальнейшему строительству единого цифрового рынка и продвижения цифровых стандартов и регулирования ЕС в международное пространство. Учитывая значение ЕС как одного из ключевых экономических партнеров России, необходимо обеспечить мониторинг и оценку влияния новых законодательных инициатив, предпринимаемых ЕС для реализации Стратегии, на торгово-экономические отношения России и ЕС. Это особенно важно в контексте задач по развитию экспорта цифровых продуктов. Также важно использовать влияние ЕС для консолидации усилий в рамках международных организаций, где это отвечает интересам России. Например, в ОЭСР подход по налогообложению в условиях цифровой экономики, который отстаивает ЕС, отвечает интересам России. Налогообложение крупнейших корпораций, имеющих существенное цифровое присутствие и генерирующих прибыль на рынке России, позволит увеличить поступления в бюджет и не подвергать отечественные компании дополнительному налоговому бремени. Одним из приоритетов ЕС будет продвижение своих стандартов и регулирования на пространстве СНГ, включая страны – члены ЕАЭС. В этой связи необходимо, с одной стороны, развивать регулирование ЦЭ в рамках ЕАЭС с учетом лучших практик ЕС и ОЭСР, с другой стороны – попытаться выстроить сотрудничество ЕАЭС – ЕС, минимизировав одностороннее влияние ЕС на партнеров по ЕАЭС и создавая предпосылки для взаимодействия по другим направлениям.

Влияние «Группы двадцати» в регулировании цифровой экономики пока не соответствует ее потенциалу как ключевого форума экономического сотрудничества ведущих экономик мира. При этом есть веские аргументы в пользу усиления сотрудничества «двадцатки» по регулированию ЦЭ. Во-первых, координация процессов формирования механизмов коллективного регулирования ЦЭ должна быть неотъемлемой составляющей повестки «Группы двадцати» как главного форума международного экономического сотрудничества. Во-вторых, развитие ЦЭ является обязательным условием достижения основной цели «двадцатки» по обеспечению сильного, устойчивого, сбалансированного и инклюзивного роста. В-третьих, «двадцатка» имеет опыт, связанный с реформой глобального финансового регулирования.

Особенности постпандемического восстановления, сформированный фундамент сотрудничества и решения 2020 г. создают окно возможностей для выхода на новый уровень взаимодействия и усиления влияния «двадцатки» в процессах формирования коллективных механизмов регулирования ЦЭ. Это важно с учетом того, что у России нет механизмов влияния в ОЭСР, переговорные процессы в ООН и ВТО испытывают сложности, а в рамках БРИКС решения по регулированию цифровой экономики, фиксирующие коллективную позицию «пятерки» по таким вопросам, как цифровая безопасность, управление Интернетом, развитие цифровой инфраструктуры, совершенствование регулирования, пока отсутствуют.

Интеграция вопросов регулирования ЦЭ в «двадцатку» создает потенциальные возможности влияния развивающихся стран на дальнейшее формирование регулирования ЦЭ. В этой связи целесообразно подтягивать работу по ключевым направлениям регулирования ЦЭ в «двадцатку». Даже в ситуации, когда разработка этих инициатив может вестись на базе формирующихся или существующих документов ОЭСР, как, например, в случае с безопасностью критической инфраструктуры, Принципами искусственного интеллекта и Рекомендациями по защите потребителя, возможности влияния в рамках «двадцатки» для развивающихся стран и стран с формирующимися экономиками будут существенно выше. В контексте противодействия пандемиям и необходимости укрепления систем здравоохранения усиливается потребность в сотрудничестве по управлению данными³². С учетом этого, а также роли данных в ЦЭ³³, целесообразно активизировать в «Группе двадцати» диалог по выработке общих подходов к управлению данными на национальном и международном уровне, включая вопросы их наличия, доступности, целостности, возможности использования, безопасности.

Помимо обмена данными, следует вынести на «двадцатку» проблемы регулирования цифровых платформ. Они обсуждаются уже несколько лет [Dominioni, 2019]. Задача не может решаться на национальном уровне, хотя такие инициативы и предложения тоже существуют³⁴. Есть опыт [European Parliament and Council, 2019], планы³⁵ и предложения [Strowel and Vergote, 2016] по регулированию на региональном уровне. ОЭСР в настоящее время изучает возможности и влияние платформ на экономику и общество [OECD, 2019a] и обсуждает подходы к их регулированию, прежде всего в части налогообложения [OECD, 2019f, p. 12]³⁶.

Снизить риски легитимации сформированных ОЭСР норм и стандартов через «Группу двадцати» может создание Совета цифровой стабильности как института, от-

³² Намеченные направления сотрудничества включают согласование принципов, обеспечивающих конфиденциальность, доверие, доступность и возможность обмена данными; совершенствование национальной политики; наращивание возможностей использования данных и обмена ими между секторами и странами [OECD, 2019a].

³³ Прогресс в цифровой трансформации экономики и общества в значительной степени зависит от качества и возможности использования данных. По оценкам ОЭСР, доступ и обмен данными могут давать прирост от 0,1 до 1,5% ВВП в случае данных государственного сектора, и от 1 до 2,5% ВВП в случае включения данных частного сектора [OECD, 2019b].

³⁴ Например, для США см.: [Kimmelman, 2019; Feld, 2019; Stigler Center and Chicago Booth, 2019]. Для Великобритании – [Digital Competition Expert Panel, 2019].

³⁵ Regulation of digital platforms: launch of a European working group. Режим доступа: <https://www.gouvernement.fr/en/regulation-of-digital-platforms-launch-of-a-european-working-group> (дата обращения: 15.07.2020).

³⁶ Public comments received on the draft Model Rules for Reporting for Platform Operators with respect to Sellers in the Sharing and Gig Economy. Режим доступа: <http://www.oecd.org/tax/exchange-of-tax-information/public-comments-received-on-the-draft-model-rules-for-reporting-for-platform-operators-with-respect-to-sellers-in-the-sharing-and-gig-economy.htm> (дата обращения: 15.07.2020).

ветственного за разработку, координацию и мониторинг реализации регулирования ЦЭ с участием ключевых организаций и приглашенных стран. По аналогии с Советом финансовой стабильности его можно назвать Совет цифровой стабильности (Digital Stability Board) [Fay, 2019]. Предлагаемый механизм может помочь избежать кризиса, связанного со слабостью международной системы регулирования, как это случилось в 2008 г. Одновременно такая площадка позволит странам с формирующимися экономиками и развивающимся странам полноценно участвовать в формировании механизмов регулирования ЦЭ.

Источники

Бухт Р., Хикс Р. (2018). Определение, концепция и измерение цифровой экономики // Вестник международных организаций. Т. 13. № 2. С. 143–172 (на русском и английском языках). DOI: 10.17323/1996-7845-2018-02-07.

Васильковский С.А., Игнатов А.А. (2020). Концепция цифрового суверенитета и роль негосударственных институтов в системе регулирования Интернета // Вестник международных организаций. Т. 15. № 4.

ГА ООН (1999). Резолюция 53/70. Режим доступа: <https://undocs.org/ru/A/RES/53/70> (дата обращения: 15.07.2020).

ГА ООН (2002). Резолюция 56/19. Режим доступа: <https://undocs.org/ru/A/RES/56/19> (дата обращения: 15.07.2020).

ГА ООН (2005). Группа правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности. Доклад Генерального секретаря. Режим доступа: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/60/202> (дата обращения: 15.07.2020).

ГА ООН (2015а). Группа правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности. Записка Генерального секретаря. Режим доступа: <https://undocs.org/ru/A/70/174> (дата обращения: 15.07.2020).

ГА ООН (2015б). Резолюция 70/237. Режим доступа: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/237> (дата обращения: 15.07.2020).

ГА ООН (2018а). Резолюция 73/266. Режим доступа: <https://undocs.org/ru/A/RES/73/266> (дата обращения: 15.07.2020).

ГА ООН (2018б). Резолюция 73/27. Режим доступа: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/73/27&Lang=R (дата обращения: 15.07.2020).

Лидеры «Группы двадцати» (2016а). Инициатива «Группы двадцати» по развитию и сотрудничеству в области цифровой экономики. Режим доступа: <https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2016Hangzhou/Инициатива%20цифр.pdf> (дата обращения: 15.07.2020).

Лидеры «Группы двадцати» (2016б). Контурсы инновационного роста «Группы двадцати». Режим доступа: <https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2016Hangzhou/Контурсы.pdf> (дата обращения: 15.07.2020).

Лидеры «Группы двадцати» (2016в). План действий «Группы двадцати» в связи с новой промышленной революцией. Режим доступа: <https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2016Hangzhou/План%20действий%20индустриал.pdf> (дата обращения: 15.07.2020).

Лидеры «Группы двадцати» (2016г). План действий «Группы двадцати» по инновациям 2016 г. Режим доступа: <https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2016Hangzhou/План%20действий%20инновации.pdf> (дата обращения: 15.07.2020).

Лидеры «Группы двадцати» (2019). Осакая декларация по вопросам цифровой экономики. Режим доступа: https://www.ranepa.ru/images/News_ciir/Project/G20_new_downloadings/OSAKA_DECLARATION_ON_DIGITAL_ECONOMY_rus.pdf (дата обращения: 15.07.2020).

Лидеры «Группы двадцати» (2020). Экстренный саммит лидеров «Группы двадцати». Заявление по новой коронавирусной инфекции COVID-19. Режим доступа: <https://www.ranepa.ru/ciir/saudovskoe>

predsedatelstvo-2020/G20_Extraordinary%20G20%20Leaders%20Summit_Statement_RUS.pdf (дата обращения: 15.07.2020).

МИД РФ (2020). Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность Российской Федерации в 2019 г. Режим доступа: <https://www.mid.ru/documents/10180/4105169/%D0%9E%D0%91%D0%97%D0%9E%D0%A0+2019.docx/5ea5f13c-881a-45a8-9f61-831241e70e93> (дата обращения: 15.07.2020).

BBC (2012). Russia backtracks on internet governance proposals. 11 December. Режим доступа: <https://www.bbc.com/news/20676293> (дата обращения: 15.07.2020).

BRICS CGETI (2017). BRICS E-commerce Cooperation Initiative. Режим доступа: [https://www.ranepa.ru/images/media/brics/china2016/BRICS%20E-commerce%20Cooperation%20Initiative_final%20\(2\).pdf](https://www.ranepa.ru/images/media/brics/china2016/BRICS%20E-commerce%20Cooperation%20Initiative_final%20(2).pdf) (дата обращения: 15.07.2020).

BRICS Science, Technology and Innovation Ministers (2017). BRICS Action Plan for Innovation Cooperation (2017-2020). Режим доступа: <https://www.ranepa.ru/images/media/brics/china2016/BRICS%20Action%20Plan%20for%20Innovation%20Cooperation.pdf> (дата обращения: 15.07.2020).

BRICS Science, Technology and Innovation Ministers (2019). BRICS Science, Technology and Innovation Work Plan 2019-2022. Режим доступа: https://www.ranepa.ru/images/News_ciir/Project/BRICS_new_downloadings/2019/STI_WORKING_PLAN_2019-2022.pdf (дата обращения: 15.07.2020).

BRICS Working Group on ICT Cooperation (2016). ICT Development Agenda and Action Plan. Режим доступа: <https://www.ranepa.ru/images/media/brics/indianpresidency2/11-11-2016%20BRICS%20ICT%20Development%20Agenda%20&%20Action%20plan.pdf> (дата обращения: 15.07.2020).

Costa O., Jørgensen K. (2012). The Influence of International Institutions on the EU: A Framework for Analysis. DOI: 10.1057/9780230369894_1.

Digital Competition Expert Panel (2019). Unlocking digital competition. Report. Режим доступа: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/785547/unlocking_digital_competition_furman_review_web.pdf (дата обращения: 15.07.2020).

Dominioni S. (2019). Digital Economic Powers and Digital Political Rulers. Режим доступа: <https://www.ispionline.it/en/pubblicazione/digital-economic-powers-and-digital-political-rulers-24187> (дата обращения: 15.07.2020).

European Commission (2018a). Proposal for a Council Directive laying down rules relating to the corporate taxation of a significant digital presence. Режим доступа: https://ec.europa.eu/taxation_customs/sites/taxation/files/proposal_significant_digital_presence_21032018_en.pdf (дата обращения: 15.07.2020).

European Commission (2018b). Proposal for a Council Directive on the common system of a digital services tax on revenues resulting from the provision of certain digital services. Режим доступа: https://ec.europa.eu/taxation_customs/sites/taxation/files/proposal_common_system_digital_services_tax_21032018_en.pdf (дата обращения: 15.07.2020).

European Commission (2020). Shaping Europe's Digital Future. Режим доступа: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/communication-shaping-europes-digital-future-feb2020_en_4.pdf (дата обращения: 15.07.2020).

European Parliament and Council (2016). Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation). Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj> (дата обращения: 15.07.2020).

European Parliament and Council (2018). Directive (EU) 2018/1808 of the European Parliament and of the Council of 14 November 2018 amending Directive 2010/13/EU on the coordination of certain provisions laid down by law, regulation or administrative action in Member States concerning the provision of audiovisual media services (Audiovisual Media Services Directive) in view of changing market realities. Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2018/1808/oj> (дата обращения: 15.07.2020).

European Parliament and Council (2019). Regulation (EU) 2019/1150 of the European Parliament and of the Council of 20 June 2019 on promoting fairness and transparency for business users of online intermediation services. Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32019R1150> (дата обращения: 15.07.2020).

- Fay R. (2019). Digital Platforms Require a Global Governance Framework. Режим доступа: <https://www.cigionline.org/articles/digital-platforms-require-global-governance-framework> (дата обращения: 15.07.2020).
- Feld H. (2019). The Case for the Digital Platform Act: Market Structure and Regulation of Digital Platforms. Режим доступа: https://www.publicknowledge.org/assets/uploads/documents/Case_for_the_Digital_Platform_Act_Harold_Feld_2019.pdf (дата обращения: 15.07.2020).
- G20 Digital Economy Ministers (2017). G20 Digital Economy Ministerial Conference. Режим доступа: <https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2017hamburg/g20-digital-economy-ministerial-declaration-english-version.pdf> (дата обращения: 15.07.2020).
- G20 Digital Economy Ministers (2018). G20 Digital Economy Ministerial Declaration. Режим доступа: https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2018buenosaires/g20_detf_ministerial_declaration_salta.pdf (дата обращения: 15.07.2020).
- G20 Digital Economy Ministers (2020). COVID-19 Response Statement. Режим доступа: https://www.ranepa.ru/ciir/saudovskoe-predsedatelstvo-2020/G20%20DETF%20COVID-19%20Ministerial%20Statement_EN.pdf (дата обращения: 15.07.2020).
- G20 Trade and Digital Ministers (2019). G20 Ministerial Statement on Trade and Digital Economy. Режим доступа: https://www.ranepa.ru/images/News_ciir/Project/Ministerial_Statement_on_Trade_and_Digital_Economy.pdf (дата обращения: 15.07.2020).
- Heldt E., Schmidtke H. (2017). Measuring the Empowerment of International Organizations: The Evolution of Financial and Staff Capabilities // *Global Policy*. No 8. P. 51–61. Режим доступа: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1111/1758-5899.12449> (дата обращения: 15.07.2020).
- Henriksen A. (2019). The end of the road for the UN GGE process: The future regulation of cyberspace // *Journal of Cybersecurity*. Vol. 5. Iss. 1. Туу009. Режим доступа: <https://academic.oup.com/cybersecurity/article/5/1/туу009/5298865> (дата обращения: 15.07.2020).
- ITU (2012). Final Acts of the World Conference on International Telecommunications (Dubai, 2012). Режим доступа: <https://www.itu.int/en/wcit-12/Documents/final-acts-wcit-12.pdf> (дата обращения: 15.07.2020).
- Kimmelman G. (2019). The Right Way to Regulate Digital Platforms. Режим доступа: <https://shorenstein-center.org/the-right-way-to-regulate-digital-platforms/>
- KPMG (2019). Taxation of the digitalized economy. Режим доступа: <https://tax.kpmg.us/content/dam/tax/en/pdfs/2019/digitalized-economy-taxation-developments-summary.pdf> (дата обращения: 15.07.2020).
- Lall R. (2017). Beyond Institutional Design: Explaining the Performance of International Organizations // *International Organization*. 71 (2). P. 245–280. doi:10.1017/S0020818317000066.
- Lindoso V., Hall N. (2016). Assessing the effectiveness of multilateral organizations. BSG-WP-2016/013, April. Режим доступа: https://www.bsg.ox.ac.uk/sites/default/files/2018-05/2016-04_Hall_Lindoso-Multilateral_Effectiveness.pdf (дата обращения: 15.07.2020).
- Monteiro J.-A., The R. (2017). Provisions on Electronic Commerce in Regional Trade Agreements. Режим доступа: https://www.wto.org/english/res_e/reser_e/ersd201711_e.htm (дата обращения: 15.07.2020).
- OECD (1985). Declaration on Transborder Data Flows. Режим доступа: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0216> (дата обращения: 15.07.2020).
- OECD (1997). Recommendation of the Council concerning Guidelines for Cryptography Policy. Режим доступа: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0289> (дата обращения: 15.07.2020).
- OECD (2004). Recommendation of the Council on Broadband Development. Режим доступа: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0322> (дата обращения: 15.07.2020).
- OECD (2006). Recommendation of the Council on Cross-Border Co-operation in the Enforcement of Laws against Spam. Режим доступа: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0344> (дата обращения: 15.07.2020).
- OECD (2007a). Recommendation of the Council on Cross-border Co-operation in the Enforcement of Laws Protecting Privacy. Режим доступа: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0352> (дата обращения: 15.07.2020).

- OECD (2007b). Recommendation of the Council on Electronic Authentication. Режим доступа: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0353> (дата обращения: 15.07.2020).
- OECD (2008a). Declaration for the Future of the Internet Economy (The Seoul Declaration). Режим доступа: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0366> (дата обращения: 15.07.2020).
- OECD (2008b). Recommendation of the Council for Enhanced Access and More Effective Use of Public Sector Information. Режим доступа: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0362> (дата обращения: 15.07.2020).
- OECD (2010). Recommendation of the Council on Information and Communication Technologies and the Environment. Режим доступа: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0380> (дата обращения: 15.07.2020).
- OECD (2011). Recommendation of the Council on Principles for Internet Policy Making. Режим доступа: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0387> (дата обращения: 15.07.2020).
- OECD (2012a). Recommendation of the Council on International Mobile Roaming Services. Режим доступа: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0388> (дата обращения: 15.07.2020).
- OECD (2012b). Recommendation of the Council on the Protection of Children Online. Режим доступа: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0389> (дата обращения: 15.07.2020).
- OECD (2013a). Recommendation of the Council concerning Guidelines Governing the Protection of Privacy and Transborder Flows of Personal Data. Режим доступа: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0188> (дата обращения: 15.07.2020).
- OECD (2013b). The OECD Privacy Framework. Режим доступа: https://www.oecd.org/sti/ieconomy/oecd_privacy_framework.pdf (дата обращения: 15.07.2020).
- OECD (2015). Recommendation of the Council on Digital Security Risk Management for Economic and Social Prosperity. Режим доступа: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0415> (дата обращения: 15.07.2020).
- OECD (2016a). Consumer Protection in E-commerce. OECD Recommendation. Режим доступа: <https://www.oecd.org/sti/consumer/ECcommerce-Recommendation-2016.pdf> (дата обращения: 15.07.2020).
- OECD (2016b). Declaration on the Digital Economy: Innovation, Growth and Social Prosperity (Cancún Declaration). Режим доступа: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0426> (дата обращения: 15.07.2020).
- OECD (2019a). An Introduction to Online Platforms and Their Role in the Digital Transformation. Режим доступа: https://www.oecd-ilibrary.org/science-and-technology/an-introduction-to-online-platforms-and-their-role-in-the-digital-transformation_53e5f593-en;jsessionid=XNP36WHdzLdM2vJO0c2M6jYa.ip-10-240-5-42 (дата обращения: 15.07.2020).
- OECD (2019b). Enhancing Access to and Sharing of Data. Режим доступа: <https://www.oecd.org/going-digital/enhancing-access-to-and-sharing-of-data.pdf> (дата обращения: 15.07.2020).
- OECD (2019c). Recommendation of the Council on Artificial Intelligence. Режим доступа: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449> (дата обращения: 15.07.2020).
- OECD (2019d). Recommendation of the Council on Digital Security of Critical Activities. Режим доступа: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0456> (дата обращения: 15.07.2020).
- OECD (2019e). Recommendation of the Council on Health Data Governance. Режим доступа: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0433> (дата обращения: 15.07.2020).
- OECD (2019f). The Role of Digital Platforms in the Collection of VAT/GST on Online Sales. Режим доступа: <https://doi.org/10.1787/e0e2dd2d-en> (дата обращения: 15.07.2020).
- OECD (2020a). Policy options to support digitalization of business models during COVID-19: Annex. Режим доступа: <http://www.oecd.org/sti/policy-options-to-support-digitalization-of-business-models-during-covid-19-annex.pdf> (дата обращения: 15.09.2020).
- OECD (2020b). Tax challenges arising from the digitalisation of the economy. Update on the economic analysis & impact assessment. Webcast. Режим доступа: <https://www.oecd.org/tax/beeps/presentation-economic-analysis-impact-assessment-webcast-february-2020.pdf> (дата обращения: 15.07.2020).

OECD/G20 Inclusive Framework on BEPS (2020). Statement by the OECD/G20 Inclusive Framework on BEPS on the Two-Pillar Approach to Address the Tax Challenges Arising from the Digitalisation of the Economy. Режим доступа: <http://www.oecd.org/tax/beps/statement-by-the-oecd-g20-inclusive-framework-on-beps-january-2020.pdf> (дата обращения: 15.07.2020).

PartNIR (2019). Work Plan for the BRICS Partnership on New Industrial Revolution. Режим доступа: https://www.ranepa.ru/ciir/sfery-issledovaniy/briks/dokumenty-briks/briks-brazilskoe-predsedatelstvo-2019/20190917_PARTNIR_WORK_PLAN.pdf (дата обращения: 15.07.2020).

Russia and China (2015). Framework for BRICS E-commerce Cooperation. Режим доступа: <https://www.ranepa.ru/ciir/sfery-issledovaniy/briks/dokumenty-briks/Ecommerce-cooperation.pdf> (дата обращения: 15.07.2020).

Stigler Center for the Study of the Economy and the State (Stigler Center) and The University of Chicago Booth School of Business (Booth School) (2019). Report, Committee for the Study of Digital Platforms, Market Structure and Antitrust Subcommittee. Draft of 15 May. Режим доступа: <https://research.chicagobooth.edu/-/media/research/stigler/pdfs/market-structure---report-as-of-15-may-2019.pdf?la=en&hash=B2F11FB118904F2AD701B78FA24F08CFF1C0F58F> (дата обращения: 15.07.2020).

Strowel A., Wouter V. (2016). Digital Platforms: To Regulate or Not To Regulate? Режим доступа: https://ec.europa.eu/information_society/newsroom/image/document/2016-7/uclouvain_et_universit_saint_louis_14044.pdf (дата обращения: 15.07.2020).

Tallberg J., Sommerer T., Squatrito T., Lundgren M. (2016). The performance of international organizations: a policy output approach // *Journal of European Public Policy*. 23:7. P. 1077–1096. DOI: 10.1080/13501763.2016.1162834.

Tallberg J., Zürn, M. (2019). The legitimacy and legitimation of international organizations: introduction and framework // *Review of International Organizations*. No. 14. P. 581–606. DOI:10.1007/s11558-018-9330-7. Режим доступа: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/s11558-018-9330-7.pdf> (дата обращения: 15.07.2020).

The Guardian (2017). Dispute along cold war lines led to collapse of UN cyberwarfare talks, 23 August. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2017/aug/23/un-cyberwarfare-negotiations-collapsed-in-june-it-emerges> (дата обращения: 15.07.2020).

WTO (2017a). Work Programme on E-Commerce. Communication from Australia, Canada, Chile, the European Union, the Republic of Korea, Norway and Paraguay. Режим доступа: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S009-DP.aspx?language=E&CatalogueIdList=239579,239541,239472,239464,239336,239275,239266,239269,239278,238899&CurrentCatalogueIdIndex=3&FullTextHash=&HasEnglishRecord=True&HasFrenchRecord=True&HasSpanishRecord=true (дата обращения: 15.07.2020).

WTO (2017b). Work Programme on Electronic Commerce. Communication from Bangladesh, Panama and Singapore. Режим доступа: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S009-Html.aspx?Id=240761&BoxNumber=3&DocumentPartNumber=1&Language=E&HasEnglishRecord=True&HasFrenchRecord=True&HasSpanishRecord=True&Window=L&PreviewContext=DP&FullTextHash=371857150# (дата обращения: 15.07.2020).

WTO (2017c). Work Programme on E-Commerce. Communication from the Russian Federation. Режим доступа: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S009-DP.aspx?language=E&CatalogueIdList=239336,239275,239266,239269,239278,238899,238906&CurrentCatalogueIdIndex=3&FullTextHash=371857150&HasEnglishRecord=True&HasFrenchRecord=True&HasSpanishRecord=True (дата обращения: 15.07.2020).

WTO (2017d). The Work Programme on Electronic Commerce. Statement by the African Group. Режим доступа: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S009-DP.aspx?language=E&CatalogueIdList=239609,239579,239541,239472,239464,239336,239275,239266,239269,239278&CurrentCatalogueIdIndex=0&FullTextHash=&HasEnglishRecord=True&HasFrenchRecord=False&HasSpanishRecord=False (дата обращения: 15.07.2020).

WTO (2018a). Exploratory work on electronic commerce. Non-paper from Brazil. Режим доступа: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/Jobs/GC/176.pdf&Open=True> (дата обращения: 15.07.2020).

WTO (2018b). Work Programme on Electronic Commerce. Moratorium on customs duties on electronic transmissions: need for a re-think. Communication from India and South Africa. Режим доступа: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/GC/W747.pdf&Open=True> (дата обращения: 15.07.2020).

WTO (2019a). Joint statement on electronic commerce. Communication from China. Режим доступа: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/INF/ECOM/19.pdf&Open=True> (дата обращения: 15.07.2020).

WTO (2019b). Joint statement on electronic commerce initiative. Communication from the United States. Режим доступа: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/INF/ECOM/5.pdf&Open=True> (дата обращения: 15.07.2020).

WTO (2019c). Work Programme and Moratorium on Electronic Commerce. Communication from Chad on behalf of the LDC Group. Режим доступа: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/GC/W787.pdf> (дата обращения: 15.07.2020).

Emerging Regulation for the Digital Economy: Challenges and Opportunities for Multilateral Global Governance^{1,2}

M. Larionova, A. Shelepov

Marina Larionova – PhD, Head, Centre for International Institutions Research (CIIR), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Professor, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University Higher School of Economics; 11 Prechistenskaya naberezhnaya, Moscow, 119034, Russian Federation; E-mail: larionova-mv@ranepa.ru

Andrey Shelepov – Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Centre for International Institutions Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 11 Prechistenskaya naberezhnaya, 119034, Moscow, Russian Federation; E-mail: shelepov-av@ranepa.ru

Abstract

The role of information and communications technology (ICT), high-speed communication infrastructure, digital content and the digital economy is expected to grow in the post-pandemic society. Simultaneously, competition for digital technologies and solutions and the contest to influence norms, standards and regulatory mechanisms is escalating. The new regulatory mechanisms and approaches are concurrently being shaped in the key international institutions, including the United Nations (UN), the International Telecommunication Union (ITU), the World Trade Organization (WTO), the Organisation for Economic Co-Operation and Development (OECD), the European Union (EU), the Group of 20 (G20) and the BRICS group of Brazil, Russia, India, China and South Africa.

This article presents analysis of the current cooperation on issues of digital economy regulation within the main international institutions. The study aims to assess the influence of the existing and emerging regulatory mechanisms on the balance of power between the key international actors.

This assessment of the emerging mechanisms' impact on the balance of power among international actors indicates that advantages and leverage capabilities accruing from them are distributed unevenly. The advanced members of the OECD and the G20 gain significant advantages, and there is a risk that the new mechanisms will consolidate the balance of power embodied by the Bretton Woods system, which has successfully resisted decades-long endeavors for its reform.

However, regulation of the digital economy is not yet built as an established order. A window of opportunity was opened in 2020, not only to implement the G20's 2008 pledge to reform the international financial and economic architecture, but also to build a new digital economy governance system, ensuring that emerging markets and developing countries have a voice in decision-making commensurate with their weight in the global economy.

The article is structured in three parts. The introduction presents the research questions and objectives and describes the parameters of comparative analysis and influence assessment criteria. The second section reviews the emerging mechanisms and instruments and reflects on their influence on the balance of power. The third section puts forward conclusions and recommendations for enhancing the influence of emerging markets and developing countries on the shaping and functioning of the emerging digital economy's regulatory mechanisms.

Key words: digital economy; regulatory mechanisms; international institutions; factors of influence; G20; OECD; UN; EU; WTO; BRICS

For citation: Larionova M., Shelepov A. (2021). Emerging Regulation for the Digital Economy: Challenges and Opportunities for Multilateral Global Governance. *International Organisations Research Journal*, vol. 16, no 1, pp. 29–63 (in English). DOI: 10.17323/1996-7845-2021-01-02

¹ The editorial board received the article in August 2020.

² The article was written on the basis of the RANEPA state assignment research programme.

References

- Azevêdo R. (2020). *Speech: Joint Statement on E-Commerce*. Davos, 24 January. World Trade Organization. Available at: https://www.wto.org/english/news_e/spra_e/spra300_e.htm (accessed 15 June 2020).
- BBC (2012). *Russia Backtracks on Internet Governance Proposals*. 11 December. Available at: <https://www.bbc.com/news/20676293> (accessed 15 July 2020).
- Bowcott O. (2017). Dispute Along Cold War Lines Led to Collapse of UN Cyberwarfare Talks. *The Guardian*, 23 August. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2017/aug/23/un-cyberwarfare-negotiations-collapsed-in-june-it-emerges> (accessed 15 July 2020).
- BRICS Contact Group on Economic and Trade Issues (CGETI) (2017). BRICS E-Commerce Cooperation Initiative. Available at: [https://www.ranepa.ru/images/media/brics/china2016/BRICS%20E-commerce%20Cooperation%20Initiative_final%20\(2\).pdf](https://www.ranepa.ru/images/media/brics/china2016/BRICS%20E-commerce%20Cooperation%20Initiative_final%20(2).pdf) (accessed 15 July 2020).
- BRICS Science, Technology and Innovation (STI) Ministers (2017). BRICS Action Plan for Innovation Cooperation (2017–2020). Available at: <https://www.ranepa.ru/images/media/brics/china2016/BRICS%20Action%20Plan%20for%20Innovation%20Cooperation.pdf> (accessed 15 July 2020).
- BRICS Science, Technology and Innovation (STI) Ministers (2019). BRICS Science, Technology and Innovation Work Plan 2019–2022. Available at: https://www.ranepa.ru/images/News_ciir/Project/BRICS_new_downloadings/2019/STI_WORKING_PLAN_2019-2022.pdf (accessed 15 July 2020).
- BRICS Working Group on ICT Cooperation (2016). ICT Development Agenda and Action Plan. Available at: <https://www.ranepa.ru/images/media/brics/indianpresidency2/11-11-2016%20BRICS%20ICT%20Development%20Agenda%20&%20Action%20plan.pdf> (accessed 15 July 2020).
- Bucht R., Hicks R. (2018). Opredeleniye, kontseptsiya i izmereniye tsifrovoy ekonomiki [Definition, Concept and Measurement of the Digital Economy]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy*, vol 13, no 2, pp. 143–72. Available at: <http://doi.org/10.17323/1996-7845-2018-02-07> (in Russian).
- Costa O., Jørgensen K. (2012). The Influence of International Institutions on the EU: A Framework for Analysis. *The Influence of International Institutions on the EU* (O. Costa, K. Jørgensen (eds)). London: Palgrave Macmillan. Available at: http://www.doi.org/10.1057/9780230369894_1.
- Digital Competition Expert Panel (2019). Unlocking Digital Competition: Report. Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/785547/unlocking_digital_competition_furman_review_web.pdf (accessed 15 July 2020).
- Dominioni S. (2019). Digital Economic Powers and Digital Political Rulers. Commentary, 17 October. Italian Institute for International Studies. Available at: <https://www.ispionline.it/en/publicazione/digital-economic-powers-and-digital-political-rulers-24187> (accessed 15 July 2020).
- Ermakova V.I. (2017). Vystupleniye predstavatelya Rossiyskoy Federatsii v Pervom komitete 72-y sessii General'noy Assamblei OON V.I. Yermakova v ramkakh diskussii po razdelu “Drugiy mery razoruzheniya i mezhdunarodnaya bezopasnost”. Rezhim dostupa [Speech by the Representative of the Russian Federation in the First Committee of the 72nd session of the UN General Assembly V.I. Ermakova in the Framework of the Discussion on the Section “Other Measures of Disarmament and International Security”]. 23 October. Available at: https://russiaun.ru/ru/news/1com_intsec2310 (accessed 15 June 2020) (in Russian).
- European Commission (EC) (2018a). Proposal for a Council Directive Laying Down Rules Relating to the Corporate Taxation of a Significant Digital Presence. COM (2018) 147 Final. Available at: https://ec.europa.eu/taxation_customs/sites/taxation/files/proposal_significant_digital_presence_21032018_en.pdf (accessed 15 July 2020).
- European Commission (EC) (2018b). Proposal for a Council Directive on the Common System of a Digital Services Tax on Revenues Resulting From the Provision of Certain Digital Services. COM (2018) 148 Final. Available at: https://ec.europa.eu/taxation_customs/sites/taxation/files/proposal_common_system_digital_services_tax_21032018_en.pdf (accessed 15 July 2020).
- European Commission (EC) (2020). Shaping Europe’s Digital Future. Available at: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/communication-shaping-europes-digital-future-feb2020_en_4.pdf (accessed 15 July 2020).

European Commission (EC) (n. d.). Shaping the Digital Single Market. Available at: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/shaping-digital-single-market#Moredocuments> (accessed 15 June 2020).

European Parliament and Council (2016). Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the Protection of Natural Persons With Regard to the Processing of Personal Data and on the Free Movement of Such Data, and Repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation). Available at: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj> (accessed 15 July 2020).

European Parliament and Council (2018). Directive (EU) 2018/1808 of the European Parliament and of the Council of 14 November 2018 Amending Directive 2010/13/EU on the Coordination of Certain Provisions Laid Down by Law, Regulation or Administrative Action in Member States Concerning the Provision of Audiovisual Media Services (Audiovisual Media Services Directive) in View of Changing Market Realities. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2018/1808/oj> (accessed 15 July 2020).

European Parliament and Council (2019). Regulation (EU) 2019/1150 of the European Parliament and of the Council of 20 June 2019 on Promoting Fairness and Transparency for Business Users of Online Intermediation Services. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32019R1150> (accessed 15 July 2020).

Fay R. (2019). Digital Platforms Require a Global Governance Framework. Centre for International Governance and Innovation. Available at: <https://www.cigionline.org/articles/digital-platforms-require-global-governance-framework> (accessed 15 July 2020).

Feld H. (2019). The Case for the Digital Platform Act: Market Structure and Regulation of Digital Platforms. Roosevelt Institute/Public Knowledge. Available at: https://www.publicknowledge.org/assets/uploads/documents/Case_for_the_Digital_Platform_Act_Harold_Feld_2019.pdf (accessed 15 July 2020).

Government of France (2020). Regulation of Digital Platforms: Launch of a European Working Group. 25 February. Available at: <https://www.gouvernement.fr/en/regulation-of-digital-platforms-launch-of-a-european-working-group> (accessed 15 June 2020). Group of 20 (G20) Digital Economy Ministers (2017) G20 Digital Economy Ministerial Conference. Düsseldorf, 6–7 April. Available at: <https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2017hamburg/g20-digital-economy-ministerial-declaration-english-version.pdf> (accessed 15 July 2020).

Group of 20 (G20) Digital Economy Ministers (2018). G20 Digital Economy Ministerial Declaration. Salta, 24 August. Available at: https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2018buenosaires/g20_detf_ministerial_declaration_salta.pdf (accessed 15 July 2020).

Group of 20 (G20) Digital Economy Ministers (2020). Extraordinary G20 Digital Economy Ministerial Meeting: COVID-19 Response Statement. Virtual Meeting, 30 April. Available at: <http://www.g20.utoronto.ca/2020/2020-g20-digital-0430.html> (accessed 15 July 2020).

Group of 20 (G20) Leaders (2016). Plan deystviy “Gruppy dvadtsati” po innovatsiyam 2016 goda [2016 G20 Innovation Action Plan]. Available at: <https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2016Hangzhou/План%20действий%20инновации.pdf> (accessed 15 July 2020) (in Russian).

Group of 20 (G20) Leaders (2016b). Kontury innovatsionnogo rosta “Gruppy dvadtsati” [Contours of G20 Innovative Growth]. Available at: <https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2016Hangzhou/Контурьы.pdf> (accessed 15 July 2020) (in Russian).

Group of 20 (G20) Leaders (2016c). Plan deystviy “Gruppy dvadtsati” v svyazi s novoy industrial'noy revolyutsiyey [G20 Action Plan for the New Industrial Revolution]. Available at: <https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2016Hangzhou/План%20действий%20индустриал.pdf> (accessed 15 July 2020) (in Russian).

Group of 20 (G20) Leaders (2016a). Initsiativa “Gruppy dvadtsati” po razvitiyu i sotrudnichestvu v oblasti tsifrovoy ekonomiki [G20 Digital Economy Development and Cooperation Initiative]. Available at: <https://www.ranepa.ru/images/media/g20/2016Hangzhou/Инициатива%20цифр.pdf> (accessed 15 July 2020) (in Russian).

Group of 20 (G20) Leaders (2019). Osakskaya deklaratsiya po voprosam tsifrovoy ekonomiki [Osaka Declaration on the Digital Economy]. Osaka, 29 June. Available at: https://www.ranepa.ru/images/News_ciir/Project/G20_new_downloadings/OSAKA_DECLARATION_ON_DIGITAL_ECONOMY_rus.pdf (accessed 15 July 2020) (in Russian).

- Group of 20 (G20) Leaders (2020). Ekstrennyy sammit liderov "Gruppy dvadtsati". Zayavleniye po novoy koronavirusnoy infektsii COVID-19 [Emergency G20 Leaders' Summit: Statement on the Novel Coronavirus Infection COVID-19]. Virtual Meeting, 26 March. Available at: https://www.ranepa.ru/ciir/saoudovskoe-predsedatelstvo-2020/G20_Extraordinary%20G20%20Leaders'%20Summit_Statement_RUS.pdf (accessed 15 July 2020) (in Russian).
- Group of 20 (G20) Trade and Digital Ministers (2019). G20 Ministerial Statement on Trade and Digital Economy. Tsukuba City, 8–9 June. Available at: https://www.ranepa.ru/images/News_ciir/Project/Ministerial_Statement_on_Trade_and_Digital_Economy.pdf (accessed 15 July 2020).
- Heldt E., Schmidtke H. (2017). Measuring the Empowerment of International Organizations: The Evolution of Financial and Staff Capabilities. *Global Policy*, vol. 8, supplement 5, pp. 51–61. Available at: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1111/1758-5899.12449> (accessed 15 July 2020).
- Henriksen A. (2019) The End of the Road for the UN GGE Process: The Future Regulation of Cyberspace. *Journal of Cybersecurity*, vol. 5, no 1, Tyy009. Available at: <https://doi.org/10.1093/cybsec/tyy009>.
- International Telecommunication Union (ITU) (2012a). Final Acts: World Conference on International Telecommunications. Dubai, 3–4 December. Available at: <https://www.itu.int/en/wcit-12/Documents/final-acts-wcit-12.pdf> (accessed 15 July 2020).
- International Telecommunication Union (ITU) (2012b). Proposals for the Work of the Conference. ITU-SG WCIT12 Contribution 47. Available at: <https://www.itu.int/md/S12-WCIT12-C-0047/en> (accessed 15 June 2020).
- International Telecommunication Union (ITU) (2013). Proposals for the Work of the Conference. ITU-SG WCIT12 Contribution 27. Available at: <https://www.itu.int/md/S12-WCIT12-C-0027/en> (accessed 15 June 2020).
- Kimmelman G. (2019). The Right Way to Regulate Digital Platforms. 18 September. Shorenstein Center on Media, Politics and Public Policy. Available at: <https://shorensteincenter.org/the-right-way-to-regulate-digital-platforms/> (accessed 6 March 2021).
- KPMG (2019) Taxation of the Digitalized Economy: Developments Summary. Available at: <https://tax.kpmg.us/content/dam/tax/en/pdfs/2019/digitalized-economy-taxation-developments-summary.pdf> (accessed 15 July 2020).
- Lall R. (2017). Beyond Institutional Design: Explaining the Performance of International Organizations. *International Organization*, vol. 71, no 2, pp. 245–80. Available at: <https://doi.org/10.1017/S0020818317000066>.
- Lindoso V., Hall N. (2016). Assessing the Effectiveness of Multilateral Organizations. BSG Working Paper Series WP-2016/013, Blavatnik School of Government. Available at: https://www.bsg.ox.ac.uk/sites/default/files/2018-05/2016-04_Hall_Lindoso-Multilateral_Effectiveness.pdf (accessed 15 July 2020).
- Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (2020). Vneshnepoliticheskaya i diplomaticheskaya deyatel'nost' Rossiyskoy Federatsii v 2019 godu [Foreign Policy and Diplomatic Activity of the Russian Federation in 2019]. Available at: <https://www.mid.ru/documents/10180/4105169/%D0%9E%D0%91%D0%97%D0%9E%D0%A0+2019.docx/5ea5f13c-881a-45a8-9f61-831241e70e93> (accessed 15 July 2020) (in Russian).
- Monteiro J.-A., Teh R. (2017). Provisions on Electronic Commerce in Regional Trade Agreements. Working Paper No ERSD-2017-11, World Trade Organization. Available at: https://www.wto.org/english/res_e/reser_e/ersd201711_e.htm (accessed 15 July 2020).
- Organisation for Economic Co-Operation and Development (OECD) (1985). Declaration on Transborder Data Flows. Available at: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0216> (accessed 15 July 2020).
- Organisation for Economic Co-Operation and Development (OECD) (1997). Recommendation of the Council Concerning Guidelines for Cryptography Policy. Available at: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0289> (accessed 15 July 2020).
- Organisation for Economic Co-Operation and Development (OECD) (2004). Recommendation of the Council on Broadband Connectivity. Available at: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0322> (accessed 15 July 2020).

Organisation for Economic Co-Operation and Development (OECD) (2006). Recommendation of the Council on Cross-Border Co-Operation in the Enforcement of Laws Against Spam. Available at: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0344> (accessed 15 July 2020).

Organisation for Economic Co-Operation and Development (OECD) (2007a). Recommendation of the Council on Cross-Border Co-Operation in the Enforcement of Laws Protecting Privacy. Available at: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0352> (accessed 15 July 2020).

Organisation for Economic Co-Operation and Development (OECD) (2007b). Recommendation of the Council on Electronic Authentication. Available at: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0353> (accessed 15 July 2020).

Organisation for Economic Co-Operation and Development (OECD) (2008a). Declaration for the Future of the Internet Economy (Seoul Declaration). Available at: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0366> (accessed 15 July 2020).

Organisation for Economic Co-Operation and Development (OECD) (2008b). Recommendation of the Council for Enhanced Access and More Effective Use of Public Sector Information. Available at: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0362> (accessed 15 July 2020).

Organisation for Economic Co-Operation and Development (OECD) (2010). Recommendation of the Council on Information and Communication Technologies and the Environment. Available at: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0380> (accessed 15 July 2020).

Organisation for Economic Co-Operation and Development (OECD) (2011). Recommendation of the Council on Principles for Internet Policy Making. Available at: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0387> (accessed 15 July 2020).

Organisation for Economic Co-Operation and Development (OECD) (2012a). Recommendation of the Council on International Mobile Roaming Services. Available at: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0388> (accessed 15 July 2020).

Organisation for Economic Co-Operation and Development (OECD) (2012b). Recommendation of the Council on the Protection of Children Online. Available at: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0389> (accessed 15 July 2020).

Organisation for Economic Co-Operation and Development (OECD) (2013a). Recommendation of the Council Concerning Guidelines Governing the Protection of Privacy and Transborder Flows of Personal Data. Available at: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0188> (accessed 15 July 2020).

Organisation for Economic Co-Operation and Development (OECD) (2013b). The OECD Privacy Framework. Available at: https://www.oecd.org/sti/ieconomy/oecd_privacy_framework.pdf (accessed 15 July 2020).

Organisation for Economic Co-Operation and Development (OECD) (2015). Recommendation of the Council on Digital Security Risk Management for Economic and Social Prosperity. Available at: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0415> (accessed 15 July 2020).

Organisation for Economic Co-Operation and Development (OECD) (2016a). Consumer Protection in E-Commerce: OECD Recommendation. Available at: <https://www.oecd.org/sti/consumer/ECommerce-Recommendation-2016.pdf> (accessed 15 July 2020).

Organisation for Economic Co-Operation and Development (OECD) (2016b). Declaration on the Digital Economy: Innovation, Growth and Social Prosperity (Cancún Declaration). Available at: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0426> (accessed 15 July 2020).

Organisation for Economic Co-Operation and Development (OECD) (2019a). An Introduction to Online Platforms and Their Role in the Digital Transformation. Available at: https://www.oecd-ilibrary.org/science-and-technology/an-introduction-to-online-platforms-and-their-role-in-the-digital-transformation_53e5f593-en;jsessionid=XNP36WHdzLdM2vJO0c2M6jYa.ip-10-240-5-42 (accessed 15 July 2020).

Organisation for Economic Co-Operation and Development (OECD) (2019b). Enhancing Access to and Sharing of Data. Available at: <https://www.oecd.org/going-digital/enhancing-access-to-and-sharing-of-data.pdf> (accessed 15 July 2020).

Organisation for Economic Co-Operation and Development (OECD) (2019c). Recommendation of the Council on Artificial Intelligence. Available at: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449> (accessed 15 July 2020).

Organisation for Economic Co-Operation and Development (OECD) (2019d). Recommendation of the Council on Digital Security of Critical Activities. Available at: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0456> (accessed 15 July 2020).

Organisation for Economic Co-Operation and Development (OECD) (2019e). Recommendation of the Council on Health Data Governance. Available at: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0433> (accessed 15 July 2020).

Organisation for Economic Co-Operation and Development (OECD) (2019f). The Role of Digital Platforms in the Collection of VAT/GST on Online Sales. Available at: <https://doi.org/10.1787/e0e2dd2d-en> (accessed 15 July 2020).

Organisation for Economic Co-Operation and Development (OECD) (2020a). Policy Options to Support Digitalization of Business Models During COVID-19: Annex. Available at: <http://www.oecd.org/sti/policy-options-to-support-digitalization-of-business-models-during-covid-19-annex.pdf> (accessed 15.09.2020).

Organisation for Economic Co-Operation and Development (OECD) (2020b). Tax Challenges Arising From the Digitalisation of the Economy: Update on the Economic Analysis & Impact Assessment. Webcast, 13 February. Available at: <https://www.oecd.org/tax/beps/presentation-economic-analysis-impact-assessment-webcast-february-2020.pdf> (accessed 15 July 2020).

Organisation for Economic Co-Operation and Development (OECD) (2020c). International Community Renews Commitment to Multilateral Efforts to Address Tax Challenges From Digitalisation of the Economy. 31 January. Available at: <http://www.oecd.org/tax/beps/international-community-renews-commitment-to-multilateral-efforts-to-address-tax-challenges-from-digitalisation-of-the-economy.htm> (accessed 15 June 2020).

Organisation for Economic Co-Operation and Development (OECD) (2020d). Public Comments Received on the Draft Model Rules for Reporting for Platform Operators With Respect to Sellers in the Sharing and Gig Economy. 15 April. Available at: <http://www.oecd.org/tax/exchange-of-tax-information/public-comments-received-on-the-draft-model-rules-for-reporting-for-platform-operators-with-respect-to-sellers-in-the-sharing-and-gig-economy.htm> (accessed 15 June 2020).

Organisation for Economic Co-Operation and Development (OECD) / Group of 20 (G20) (2020). Statement by the OECD/G20 Inclusive Framework on BEPS on the Two-Pillar Approach to Address the Tax Challenges Arising From the Digitalisation of the Economy. Available at: <http://www.oecd.org/tax/beps/statement-by-the-oecd-g20-inclusive-framework-on-beps-january-2020.pdf> (accessed 15 July 2020).

PartNIR (2019). Work Plan for the BRICS Partnership on New Industrial Revolution. Available at: https://www.ranepa.ru/ciir/sfery-issledovaniy/briks/dokumenty-briks/briks-brazilskoe-predsedatelstvo-2019/20190917_PARTNIR_WORK_PLAN.pdf (accessed 15 July 2020).

Pilat D. (2020). How G20 Countries are Accelerating Digital Transformation During the COVID-19 Crisis. OECD Innovation Blog, 7 August. Available at: <https://oecd-innovation-blog.com/2020/08/07/g20-covid-19-digital-transformation-business-policy/> (accessed 15 September 2020).

Russia/China (2015). Framework for BRICS E-Commerce Cooperation. Available at: <https://www.ranepa.ru/ciir/sfery-issledovaniy/briks/dokumenty-briks/Ecommerce-cooperation.pdf> (accessed 15 July 2020).

Stigler Center for the Study of the Economy and the State (Stigler Center) / The University of Chicago Booth School of Business (Booth School) (2019). Committee for the Study of Digital Platforms, Market Structure and Antitrust Subcommittee. Draft Report of 15 May. Available at: <https://research.chicagobooth.edu/-/media/research/stigler/pdfs/market-structure---report-as-of-15-may-2019.pdf?la=en&hash=B2F11FB118904F2AD701B78FA24F08CFF1C0F58F> (accessed 15 July 2020).

Strowel A., Wouter V. (2016). Digital Platforms: To Regulate or Not to Regulate? Available at: https://ec.europa.eu/information_society/newsroom/image/document/2016-7/uclouvain_et_universit_saint_louis_14044.pdf (accessed 15 July 2020).

Tallberg J., Sommerer T., Squatrito T., Lundgren M. (2016). The Performance of International Organizations: A Policy Output Approach. *Journal of European Public Policy*, vol. 23, no 7, pp. 1077–96. Available at: <http://doi.org/10.1080/13501763.2016.1162834>.

Tallberg J., Zürn M. (2019). The Legitimacy and Legitimation of International Organizations: Introduction and Framework. *Review of International Organizations*, no 14, pp. 581–606. Available at: <https://doi.org/10.1007/s11558-018-9330-7>.

United Nations (UN) (1999). Dostizheniya v sfere informatizatsii i telekommunikatsii v kontekste mezhdunarodnoy bezopasnosti [Developments in the Field of Information and Telecommunications in the Context of International Security]. UN General Assembly Resolution A/Res/53/70. Available at: <https://undocs.org/ru/A/RES/53/70> (accessed 15 July 2020) (in Russian).

United Nations (UN) (2002). Dostizheniya v sfere informatizatsii i telekommunikatsii v kontekste mezhdunarodnoy bezopasnosti [Developments in the Field of Information and Telecommunications in the Context of International Security]. UN General Assembly Resolution A/RES/56/19. Available at: <https://undocs.org/ru/A/RES/56/19> (accessed 15 July 2020) (in Russian).

United Nations (UN) (2005). Gruppya pravitel'stvennykh ekspertov po dostizheniyam v sfere informatizatsii i telekommunikatsiy v kontekste mezhdunarodnoy bezopasnosti. Doklad General'nogo sekretarya [Group of Governmental Experts on Advances in Informatization and Telecommunications in the Context of International Security. Report of the Secretary-General]. Available at: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/60/202> (accessed 15 July 2020) (in Russian).

United Nations (UN) (2015b). Dostizheniya v sfere informatizatsii i telekommunikatsii v kontekste mezhdunarodnoy bezopasnosti [Developments in the Field of Information and Telecommunications in the Context of International Security]. UN General Assembly Resolution A/Res/70/237. Available at: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/237> (accessed 15 July 2020) (in Russian).

United Nations (UN) (2015a). Gruppya pravitel'stvennykh ekspertov po dostizheniyam v sfere informatizatsii i telekommunikatsiy v kontekste mezhdunarodnoy bezopasnosti. Zapiska General'nogo sekretarya [Group of Governmental Experts on Advances in Informatization and Telecommunications in the Context of International Security. Note by the Secretary-General]. Available at: <https://undocs.org/ru/A/70/174> (accessed 15 July 2020) (in Russian).

United Nations (UN) (2018b). Dostizheniya v sfere informatizatsii i telekommunikatsii v kontekste mezhdunarodnoy bezopasnosti [Developments in the Field of Information and Telecommunications in the Context of International Security]. UN General Assembly Resolution A/Res/73/27. Available at: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/73/27&Lang=R (accessed 15 July 2020) (in Russian).

United Nations (UN) (2018a). Pooshchreniye otvetstvennogo povedeniya gosudarstv v kiberprostranstve v kontekste mezhdunarodnoy bezopasnosti [Advancing Responsible State Behaviour in Cyberspace in the Context of International Security]. UN General Assembly Resolution A/Res/73/266. Available at: <https://undocs.org/ru/A/RES/73/266> (accessed 15 July 2020) (in Russian).

Vasilkovsky S.A., Ignatov A.A (2020). Kontseptsiya tsifrovogo suvereniteta i rol' negosudarstvennykh institutov v sisteme regulirovaniya Interneta [The Concept of Digital Sovereignty and the Role of Non-State Institutions in the Internet Regulation System]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy*, vol. 15, no 4, pp. 196–203. Available at <http://doi.org/10.17323/1996-7845-2020-04-10> (in Russian).

World Economic Forum (WEF) (2020). Burning Planet: Climate Fires and Political Flame Wars Rage. News Release, 15 January. Available at: <https://www.weforum.org/press/2020/01/burning-planet-climate-fires-and-political-flame-wars-rage> (accessed 15 July 2020).

World Trade Organization (WTO) (2017a). Work Programme on E-Commerce: Communication From Australia, Canada, Chile, the European Union, the Republic of Korea, Norway and Paraguay. Available at: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S009-DP.aspx?language=E&CatalogueIdList=239579,239541,239472,239464,239336,239275,239266,239269,239278,238899&CurrentCatalogueIdIndex=3&FullTextHash=&HasEnglishRecord=True&HasFrenchRecord=True&HasSpanishRecord=true (accessed 15 July 2020).

World Trade Organization (WTO) (2017b). Work Programme on Electronic Commerce: Communication From Bangladesh, Panama and Singapore. Available at: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S009-Html.aspx?Id=240761&BoxNumber=3&DocumentPartNumber=1&Language=E&HasE

nglishRecord=True&HasFrenchRecord=True&HasSpanishRecord=True&Window=L&PreviewContext=DP&FullTextHash=371857150# (accessed 15 July 2020).

World Trade Organization (WTO) (2017c). Work Programme on E-Commerce: Communication From the Russian Federation. Available at: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S009-DP.aspx?language=E&CatalogueIdList=239336,239275,239266,239269,239278,238899,238906&CurrentCatalogueIdIndex=3&FullTextHash=371857150&HasEnglishRecord=True&HasFrenchRecord=True&HasSpanishRecord=True (accessed 15 July 2020).

World Trade Organization (WTO) (2017d). The Work Programme on Electronic Commerce: Statement by the African Group. Available at: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S009-DP.aspx?language=E&CatalogueIdList=239609,239579,239541,239472,239464,239336,239275,239266,239269,239278&CurrentCatalogueIdIndex=0&FullTextHash=&HasEnglishRecord=True&HasFrenchRecord=False&HasSpanishRecord=False (accessed 15 July 2020).

World Trade Organization (WTO) (2017e). New Initiatives on Electronic Commerce, Investment Facilitation and MSMEs. 13 December. Available at: https://www.wto.org/english/news_e/news17_e/minis_13dec17_e.htm (accessed 15 June 2020).

World Trade Organization (WTO) (2018a). Exploratory Work on Electronic Commerce: Non-Paper From Brazil. Available at: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/Jobs/GC/176.pdf&Open=True> (accessed 15 July 2020).

World Trade Organization (WTO) (2018b). Work Programme on Electronic Commerce: Moratorium on Customs Duties on Electronic Transmissions: Need for a Re-Think. Communication From India and South Africa. Available at: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/GC/W747.pdf&Open=True> (accessed 15 July 2020).

World Trade Organization (WTO) (2019a). Joint Statement on Electronic Commerce: Communication From China. Available at: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/INF/ECOM/19.pdf&Open=True> (accessed 15 July 2020).

World Trade Organization (WTO) (2019b). Joint Statement on Electronic Commerce Initiative: Communication From the United States. Available at: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/INF/ECOM/5.pdf&Open=True> (accessed 15 July 2020).

World Trade Organization (WTO) (2019c). Work Programme and Moratorium on Electronic Commerce: Communication From Chad on Behalf of the LDC Group. Available at: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/GC/W787.pdf> (accessed 15 July 2020).

World Trade Organization (WTO) (2019d). DG Azevêdo Meets Ministers in Davos: Discussions Focus on Reform; Progress on E-Commerce. 25 January. Available at: https://www.wto.org/english/news_e/news19_e/dgra_25jan19_e.htm (accessed 15 June 2020).

World Trade Organization (WTO) (2020). WTO Members Discuss Kazakhstan's Offer to Host 12th Ministerial Conference in June 2021. 29 May. Available at: https://www.wto.org/english/news_e/news20_e/gc_29may20_e.htm (accessed 15 June 2020).

World Trade Organization (WTO) (n. d., a). Briefing Note: Electronic Commerce. Available at: https://www.wto.org/english/thewto_e/minist_e/min11_e/brief_ecom_e.htm (accessed 15 June 2020).

World Trade Organization (WTO) (n. d., b). Trade Topics: Joint Initiatives. Available at: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Browse/FE_B_009.aspx?TopLevel=10785#/ (accessed 15 June 2020).

Открытость торговли и конкурентоспособность: БРИКС и страны Африки южнее Сахары¹

Л. Джамель, А. Дербали, А. Ламучи, А. Эльнагар

Джамель Ламия — доцент кафедры экономических наук факультета финансов и экономики Колледжа делового администрирования Университета Тайба, Медина, Саудовская Аравия; E-mail: lajamel@yahoo.fr

Дербали Абделькадер — доцент кафедры финансов факультета управления, финансовых наук и технологий Общественного колледжа Университета Тайба, Медина, Саудовская Аравия; доцент кафедры финансов и бухгалтерского учета Института информатики и менеджмента Кайруанского университета, Кайруан, 3100, Тунис; E-mail: derbaliabdelkader@outlook.fr

Ламучи Али — доцент кафедры экономических наук департамента экономики и финансов Колледжа делового администрирования Университета Кассим, Расс, Саудовская Аравия; E-mail: ali_lamouchi@yahoo.fr

Эльнагар Ахмед — доцент кафедры туризма и индустрии гостеприимства факультета управления, финансовых наук и технологий Общественного колледжа Университета Тайба, Медина, Саудовская Аравия; E-mail: aelnagar@taibahu.edu.sa

Цель настоящего исследования — выделить основные элементы конкурентоспособности, способствующие расширению торговых потоков между странами БРИКС и странами Африки южнее Сахары. Для достижения поставленной цели авторы используют выборку эконометрических данных за 1995–2018 гг. Авторы применяют обобщенный метод моментов Бланделла и Бонда (1998) и тест на сверхидентификацию Саргана (1958) для подтверждения валидности отложенных переменных (их уровня и разницы как инструментов, используемых при оценивании). На основе полученных эмпирических данных авторы показывают, что факторами либерализации торговли между странами БРИКС и странами Африки южнее Сахары являются распределение природных ресурсов и динамика показателя ВВП на душу населения вовлеченных в торговлю стран. Кроме того, было установлено, что для наращивания экспорта промышленных товаров с высокой добавленной стоимостью странам Африки необходимо развивать промышленное производство.

Ключевые слова: свободная торговля; конкурентоспособность; страны БРИКС; страны Африки южнее Сахары

Для цитирования: Джамель Л., Дербали А., Ламучи А., Эльнагар А. (2021). Открытость торговли и конкурентоспособность: БРИКС и страны Африки южнее Сахары // Вестник международных организаций. Т. 16. № 1. С. 64–84 (на русском и английском языках). DOI: 10.17323/1996-7845-2021-01-03

¹ Статья поступила в редакцию в сентябре 2020 г.

Перевод статьи выполнен А.А. Игнатовым, н.с. Центра исследований международных институтов Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ЦИМИ РАНХиГС).

Введение

Конкурентоспособность той или иной страны определяется как возможность использования собственных ресурсов без негативных последствий. Ценовая конкурентоспособность определяется как возможность создавать предложение продукции по цене ниже конкурентной. В свою очередь, неценовая, или структурная, конкуренция подразумевает способность занять долю рынка за счет преимуществ помимо конкурентоспособной цены. Данным преимуществом может быть качество продукции, гарантийное и постгарантийное обслуживание и индивидуализация продукции. Обладание государством одним из этих преимуществ предопределяет его открытость на международной арене.

Концепция открытости рассматривается в обширном перечне экономической литературы. Зачастую индикаторы, которые служат для ее измерения, либо слишком специфичны, либо противоречат друг другу. Некоторые авторы используют индикаторы, которые связаны с искажениями, вызванными торговыми ограничениями: Индекс относительных ценовых диспропорций [Dollar, 1992], Индекс торговых ограничений [Anderson, Neary, 1994; Freensta, 1995], индикатор тарифной эффективности [Pritchett, 1996], часто используемый показатель открытости и сложный показатель открытости, описанный в [Squalli, Wilson, 2011] и основанный на комбинации показателей открытости и вклада внешней торговли.

Согласно [Tsegaye, 2016], в истории африканской политики отрасли *креативной экономики* (курсив наш. — *Примеч. пер.*) охватывают достаточно продолжительный период начиная с принятия Лагосского плана действий 1980 г. В работе [Cattaneo, Snowball, 2019] рассматривается пример торговой политики ЮАР в сфере предметов культуры с особым вниманием к торговле с БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР), имеющей критическое значение. Эмпирические данные показывают, что, как и в случае с малыми развивающимися экономиками, в сфере торговли культурной продукцией между ЮАР, с одной стороны, и Китаем и Индией, с другой стороны, сложился дисбаланс.

Рен и соавторы [Ren et al., 2020] в работе о продовольственной безопасности стран БРИКС рассматривают показатели волатильности и динамику роста цен на зерновые и свежие продукты. Они установили, что в отношении первых рассматриваемые показатели достаточно значительны, в то время как показатели для второй группы относительно невысоки. Рен и соавторы утверждают, что в будущем сотрудничество стран БРИКС в сфере продовольственной безопасности должно основываться на их собственных ресурсах и социальноэкономических характеристиках. Странам БРИКС следует последовательно повышать уровень взаимопонимания и сотрудничества, уделяя особое внимание научному и технологическому взаимодействию, обмену информацией, соответствующим торговым преимуществам и повышению глобальной конкурентоспособности выпускаемой продукции.

С точки зрения торговых показателей следует отметить, что страны БРИКС существенно расширили торговый обмен со странами Африки: объем торговли вырос с 17,04 до 49 млрд долл. США в период с 1995 по 2004 г., затем до 164 млрд долл. США в 2008 г. и немного снизился по итогам 2010 г. (142 млрд долл. США) [UNCTAD, 2010]. Доля стран Европейского союза в торговом балансе стран Африки южнее Сахары сократилась с 31,61% в 1995 г. до 20,99% в 2013 г., но аналогичный показатель БРИКС за тот же период вырос с 10,83 до 29,34% [Ibid.].

Африканский континент с точки зрения стран БРИКС является одновременно поставщиком сырья и рынком сбыта, а страны континента могут в перспективе выступить в поддержку реформы многосторонних институтов. Принимая во внимание

особенности развития стран Африки, а также характер их отношений со странами БРИКС, с каждой из которых они могут выстраивать особую линию поведения, сделанные выше предположения необходимо обосновать путем анализа отношений на двустороннем уровне, чтобы определить стратегии, способные обеспечить максимизацию выгод и минимизацию рисков, связанных с углублением сотрудничества стран Африки с «пятеркой». Несмотря на влияние западных стран, страны БРИКС достигли значительного прогресса в отношениях со странами Африки южнее Сахары, что заслуживает предметного рассмотрения. В настоящей статье мы рассматриваем роль конкурентоспособности стран «пятерки» в наращивании торговли с африканскими странами. Значительную роль в данном процессе играют выгоды, которые создает сотрудничество со странами БРИКС в сравнении с остальными странами-партнерами.

В настоящем исследовании мы применяем эмпирические методы для определения того, каким образом факторы конкурентоспособности могут содействовать наращиванию товарооборота между странами БРИКС и странами Африки южнее Сахары. Мы опираемся на выборку данных за 1995–2018 гг. в качестве эмпирической основы. Эмпирические данные, полученные при помощи метода Бланделла – Бонда [Blundell, Bond, 1998], позволяют сделать следующий вывод: изменения в торговой политике, наличие значительных запасов природных ресурсов и динамика показателя ВВП на душу населения участвующих в торговых обменах стран определяют предрасположенность торговых партнеров к свободному товарообмену. Кроме того, мы установили, что странам Африки следует принять дополнительные меры по развитию промышленности для расширения экспорта продукции с высокой добавленной стоимостью.

Статья построена следующим образом. Следующий раздел представляет обзор исследовательской литературы. Затем представлены методология и данные, которые мы использовали для анализа. Далее описаны полученные эмпирические результаты. Главные выводы представлены в заключительном разделе.

Обзор литературы

В данном разделе мы рассматриваем работы, посвященные, с одной стороны, проблематике воздействия ценовой конкурентоспособности на международную торговлю, а с другой – неценовой конкурентоспособности.

Ценовая конкурентоспособность как предпосылка свободной торговли

Ряд авторов рассматривают международную торговлю через призму ценовой конкурентоспособности. Общим знаменателем выступают относительные преимущества, которые позволяют странам производить и продавать товары по сравнительно низким ценам. В работе [Wood, 1994] подчеркивается, что некоторые страны обладают значительным человеческим капиталом, основанным на технологическом развитии. Упомянутая работа исследует технологический разрыв между странами как фактор международной торговли. Преимущество страны или отрасли в технологиях позволяет создавать инновационные производственные процессы и тем самым формировать сравнительные преимущества. Кроме того, увеличение производительности обеспечивает эффект экономии от масштаба.

Несмотря на то что имеющиеся исследования дают достаточно глубокое понимание воздействия открытости торговли на оценку конкурентоспособности страны, во-

прос о взаимосвязи двух переменных остается открытым и является предметом обсуждения целого ряда исследований [Dollar, Kraay, 2003; Tahir, Azid, 2015; Musila, Yiheyis, 2015].

Еще одна группа исследователей рассматривает открытость торговли как один из основных факторов, формирующих конкурентоспособность страны [Guerrieri, Melicani, 2005; Snieska, Draksaite, 2007; Staskeviciute, Tamosiuniene, 2010; Bruneckiene, Palta-naviciene, 2012; Mulatu, 2016]. Другие авторы изучают проблему взаимосвязи конкурентоспособности и показателей производительности, которые анализируются в контексте либерализации международной торговли и сохранения баланса между конкурентоспособностью и выполнением социальных обязательств [Miller, Upadhyay, 2000; Kim, 2000; Damijan et al., 2009; Paul, Marks, 2009; Liu, Nishijima, 2012; Rath, Parida, 2014].

В отношении динамики нормы прибыли следует отметить, что отсутствие хронологически последовательной статистики о деятельности компаний в большинстве стран Африки южнее Сахары значительно усложняет обоснование выдвигаемых тезисов. Информация, представленная в настоящей статье, позволяет сделать вывод о росте нормы прибыли в отдельных экономиках, включая крупнейшие экономики региона: Нигерию и ЮАР (рис. 1). Этот вывод согласуется с другими работами [De Loecker, Eeckhout, 2018; Fedderke et al., 2018; Cherif et al., 2020], авторы которых также рассматривают динамику нормы прибыли компаний в странах региона и в мире в целом. Авторы работы [Fedderke et al., 2018] использовали ставшую доступной относительно недавно статистику налогообложения компаний из ЮАР для оценки рынка промышленных товаров страны в 2010–2012 гг. Для понимания структуры рынка мы рассчитали прибыль южноафриканских компаний и показатели концентрации производящих отраслей на уровне четырех символов кода товарной номенклатуры. Анализ продемонстрировал достаточно значительные показатели прибыли и существенную концентрацию практически во всех секторах. Мы произвели оценку вычисленной прибыли и рыночной

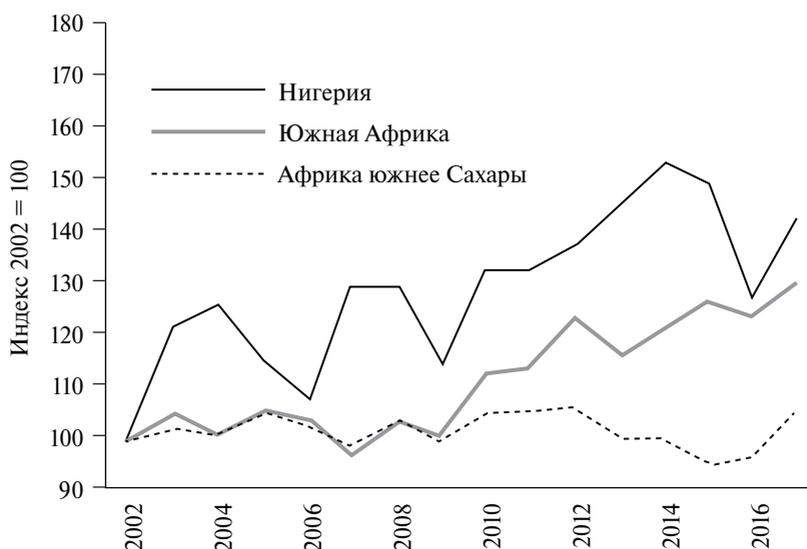

Рис. 1. Добавочная норма прибыли в странах Африки южнее Сахары, 2002–2017 гг.

Источник: Оценки Международного валютного фонда на основе данных Orbis.

Примечание. На графике показаны средние показатели для всех компаний за каждый год.

концентрации на базе первичных данных по ЮАР и сравнили их с ключевыми мировыми экономиками. Мы изучили структуру рынка с точки зрения концентрированности, размера компаний, тонкостей входа на рынок, чтобы установить факторы, объясняющие сравнительно высокую прибыль. В результате мы пришли к выводу о том, что выявленные связи достаточно неоднородны с учетом наличия значительных препятствий для входа на рынок. Кроме того, мы столкнулись с определенными трудностями при оценке связи между тремя упомянутыми параметрами. Работа [Cherif et al., 2020] показывает, что норма прибыли в странах Африки южнее Сахары является весьма значительной, а период ее спада практически в 2 раза длиннее по сравнению с другими странами с формирующейся рыночной экономикой и развивающимися странами.

Открытость торговли и неценовая конкурентоспособность

В нашем распоряжении несколько подходов, которые могут объяснить развитие торговли через компоненты неценовой конкуренции. Первый из них – подход с точки зрения несовершенной конкуренции. Он основан на двух моделях рыночной монополистической конкуренции. В работе [Chamberlin, 1937] впервые в качестве фактора неценовой конкуренции рассматривается дифференциация продукции. Кругман [Krugman, 1979] вводит в качестве фактора склонность потребителей к разнообразию. Данный подход опирается на тезисы [Chamberlin, 1937], дополняя их функцией полезности, представленной в работе [Dixit, Stiglitz, 1977]. Работа [Shaked, Sutton, 1982] берет в качестве основной гипотезы вертикальную дифференциацию продуктов, основанную на разности доходов. Ланкастер [Lancaster, 1979] считает, что каждый продукт характеризуется ожиданиями потребителя (в отношении автомобилей справедливо отметить такие параметры, как скорость движения, размер салона, безопасность, потребление топлива, уровень комфорта). Каждый потребитель имеет свое представление об идеальном продукте. Каждая разновидность продукта производится компанией, стремящейся к наращиванию собственной прибыли.

Еще один подход фокусируется на государственной торговой политике. В работе [Lambert-Racine, 2009] отмечается положительное воздействие либерализации тарифной политики, Джонсон [Johnson, 1953] придерживается подхода фиксации тарифов на оптимальном уровне, тогда как [Bagwell, Staiger, 2016; Couharde et al., 2013; Hollander, Macdissi, 2009] говорят о том, что снятие тарифных барьеров² и заключение соглашений о свободной торговле (ССТ) способствуют большей открытости экономики. В статье [Anderson, Yotov, 2016] рассматривается воздействие ССТ, заключенных в 1990-е годы. В нашей работе мы оцениваем воздействие ССТ, заключенных с 1990 по 2002 г., на торговлю промышленными товарами на уровне двух знаков товарной номенклатуры, используя гравитационную модель для объяснения двусторонней причинности. Исследование проводилось на примерах сорока стран в сочетании с агрегированным показателем для остального мира с использованием модели общего равновесия. Для одних стран показатель доходности в производящих отраслях варьировался на уровне 5%, у других он опустился ниже 0,3%. В международном измерении эффективность товарной торговли выросла на 0,9%.

² В отношении тарифных ограничений следует отметить, что с 1995 по 1998 г. страны Африки южнее Сахары уменьшили ряд тарифных позиций в 4 раза в случае с наиболее открытыми секторами (в отдельных случаях – до 6%) и наполовину во всех остальных [UNCTAD, 2000]. Кроме того, Индия и Китай также вдвое снизили средний тарифный показатель.

Сочетание конкурентоспособности и благополучия граждан содействует успеху страны на международной арене и гарантирует высокий уровень жизни населения, в то время как свободная торговля и связанные с ней факторы рассматриваются как базис формирования международной конкурентоспособности [Staskeviciute, Tamosiuniene, 2010]. Однако большинство авторов [Guerrieri, Meliciani, 2005; Snieska, Draksaite, 2007; Berger, 2008; Mulatu, 2016] сходятся в том, что возможности страны производить и воспроизводить условия, необходимые для благополучия населения, среди которых экспортный потенциал, макроэкономическая привлекательность и производительность, важнее, чем общественное благополучие. Саджи [Saji, 2017] использует марковскую модель переключения режимов для изучения возможности создания валютного союза стран БРИКС. Он демонстрирует, что значительная конвергенция наблюдается вслед за включением в посредническую деятельность центральных банков, особенно в случае обменов между Индией, Китаем и ЮАР. Кроме того, Саджи [Saji, 2020] использует регрессионную модель для оценки воздействия экономической интеграции на торговую конкурентоспособность и эффективность деятельности стран БРИКС на международном рынке. В итоге автор приходит к выводу о наличии у «пятерки» большого потенциала для дальнейшей активной интеграции и, что важно, о воздействии конкурентоспособности на привлечение прямых иностранных инвестиций и расширение экспортной торговли.

Методология исследования

В данном разделе мы рассмотрим три вопроса: модель, использованную в исследовании, оценку с использованием этого метода, а также источники данных.

Гравитационная модель: особенности и обоснование

В контексте международной торговли модель гравитационного равновесия применяется для прогнозирования объема двусторонней торговли на базе оценки экономического веса двух стран (ВВП или ВВП на душу населения) и расстояния между ними. Впервые данная модель была представлена в работе [Isard, Peck, 1954]. Базовое уравнение выглядит следующим образом:

$$C_{ij} = G \frac{M_i M_j}{D_{ij}}. \quad (1)$$

Объем торговли C между странами i и j зависит от постоянной G , расстояния между странами D и экономического веса двух стран M_i и M_j .

Согласно [Tinbergen, 1962], гравитационные модели стали довольно распространенным методом эмпирического анализа внешней торговли. Базовая идея гравитационной модели опирается на ньютоновскую теорию тяготения, основной постулат которой гласит, что два тела притягиваются друг к другу с силой, пропорциональной произведению масс этих тел и обратно пропорциональной квадрату расстояния между ними. Следовательно, исследователи, использующие гравитационную модель, видят позитивную связь между выгодами, приобретаемыми торговыми партнерами, и объемами торговых потоков, и негативную связь между объемом торговли и расстоянием между торгующими странами. Андерсон [Anderson, 1979] впервые обосновал данное утверждение в теории, а другие исследователи, в том числе [Zarzos, Lehmann, 2003], развили его.

Модель гравитационного равновесия применяется в условиях монополистической конкуренции, что подразумевает эффект экономии от масштаба и дифференциацию продукции. Анализ строится на трех базовых условиях: (i) фирма-монополист стремится к максимизации прибыли; (ii) потребители стремятся к ограниченной максимизации полезности; (iii) у участвующих в товарообмене стран сформировалась товарная специализация [Anderson, 1979; Bergstrand et al., 2013; 2015; Helliwell, 1998; Anderson, Wincoop, 2001].

Особенности модели

Хед и Майер [Head, Mayer, 2014] определяют три вариации модели гравитационного равновесия, которые могут быть сведены к двум преобразованиям.

Первое и второе преобразования

Первое преобразование, также называемое *общим*, представляет гравитационное равновесие в виде уравнений торговли

$$X_{ni} = GS_i M_n \varphi_{ni}, \quad (2)$$

где S_i – возможность торговли экспортера i во всех направлениях одновременно; M_n включает все характеристики n рынков-реципиентов; φ_{ni} ($0 \leq \varphi_{ni} \leq 1$) – коэффициент, который определяет доступность рынка страны i для партнеров n . Коэффициент объединяет торговые издержки и эластичности, определяющие их влияние на торговые потоки. Гравитационная переменная G рассматривается в качестве константы при кросс-секционном анализе. В данном виде гравитационная модель обладает двумя важными характеристиками: многополярностью и включенностью многосторонних эффектов. Второе преобразование гравитационной модели обычно называется *структурным*. Структурное преобразование включает разновидность гравитационной модели, в которой двусторонняя торговля представлена следующим образом:

$$X_{ni} = \frac{Y_i X_n}{\delta_i \Phi_n} \varphi_{ni}, \quad (3)$$

$Y_i = \sum_n X_{ni}$ означает производство, $X_n = \sum_i X_{ni}$ – общие расходы импортера, δ_i и Φ_n – параметры, отражающие многостороннюю устойчивость, определяются следующим образом:

$$\theta_n = \sum_i \frac{\varphi_{ni} Y_i}{\delta_i}, \quad (4)$$

$$\delta_i = \sum_n \frac{\varphi_{ni} Y_n}{\theta_i}. \quad (5)$$

Представленное выражение может быть проверено на сравнении с альтернативными моделями благодаря корректной оценке фиксированных эффектов относительно их теоретических значений. Следовательно, структурное гравитационное равновесие может быть оценено и на макроуровне, и на уровне отдельной компании. На макроуровне Y_i примерно соотносится с показателем производства (не добавленной стоимости) торгуемых товаров (принимая, что X_{ni} – это товарная торговля), а X_n соответствует потреблению товаров. На практике, однако, показатель ВВП выступает в качестве прокси для Y_i или X_n .

Третье преобразование, или «наивные» гравитационные уравнения

Подобные уравнения представляют двустороннюю торговлю следующим образом:

$$X_{ni} = GY_i^a Y_n^b \phi_{ni}. \tag{6}$$

Эта очень общая формулировка представляет двустороннюю торговлю пропорционально произведению размеров стран. Тем не менее некоторые исследования берут на вооружение гипотезу о единичной эластичности спроса. Работы [Rose, 2000; Gbentkom, Avom, 2005] демонстрируют, что теоретические обоснования представленного выражения устанавливают очень строгие ограничения, в частности, ϕ_{ni} принимается в качестве константы.

Согласно эмпирическим наблюдениям, исходная эконометрическая транспозиция гравитационной модели, основанной на [Tinbergen, 1962], обычно принимает следующий вид:

$$Com_{ij} = \beta_0 \frac{Y_i^{\beta_1} Y_j^{\beta_2}}{D_{ij}^{\beta_3}} \text{Exp}(\varepsilon_{ij}), \tag{7}$$

где Com_{ij} – совокупная торговля между странами i и j ; Y_i и Y_j – показатели ВВП рассматриваемых стран; D_{ij} – расстояние между ними; β_i – оцениваемый параметр, ε_{ij} – погрешность. Учитывая преобразования гравитационной модели, в рамках настоящего исследования мы используем следующую логарифмическую линейную форму:

$$\begin{aligned} \ln CTS_{ijt} = & \beta_0 + \beta_1 \ln Y_{it} + \beta_2 \ln Y_{jt} + \beta_3 \ln N_{it} + \beta_4 \ln N_{jt} + \beta_5 \ln D_{ijt} + \beta_6 \ln dY / hbt_{ijt} + \\ & + \beta_7 \ln RN_{it} + \beta_8 \ln TCR_{ijt} + \beta_9 OuvMer_i + \beta_{10} Accom_{ij} + \beta_{11} EU + \beta_{12} USA + \mu_{ijt}, \end{aligned} \tag{8}$$

где CTS^3 – это *совокупная доля торговли* (Composite Trade Share. – *Примеч. пер.*), показывающая уровень открытости торговли страны [Squalli, Wilson, 2011]. $Y_{i(j)t}$ – показатель ВВП страны i в долларах США, определяющий покупательную способность населения. Данная переменная используется для измерения воздействия доходов африканских стран и стран БРИКС на товарную торговлю стран БРИКС. Согласно [Helpman, 1987], следствием роста ВВП является большая открытость страны к международной торговле. $N_{i(j)t}$ – размер страны i , измеряемый как численность населения в период t . Ожидаемый показатель коэффициента данной переменной будет положительным или отрицательным в зависимости от эффекта поглощения или эффекта масштаба⁴. D_{ij} представляет дистанцию между странами i и j . В рамках настоящей статьи, в зависимости от доступных данных, мы принимаем за расстояние ортодромическую величину. В данном контексте столицы рассматриваемых государств принимаются в качестве двух центров торговли, между которыми прокладывается арка с использованием географических координат (долгота и широта). При прочих равных условиях подобный подход к измерению расстояния дает хорошие результаты [Avom, Mignamissi, 2013]. Переменная dY/hbt_{ijt} отражает распределение подушевого дохода между двумя странами-

³ $CTS_i = \frac{(X+M)_i}{\frac{1}{n} \sum_{j=1}^n (X+M)_j} \frac{(X+M)_i}{GDP_i}$.

⁴ Эффект поглощения: страна с большим населением экспортирует меньше, чем страна с более низким показателем численности населения. Эффект экономии от масштаба: густонаселенные страны экспортируют больше, чем страны с меньшим населением.

партнерами. Согласно [Avom, Mignamissi, 2013], данная переменная измеряется как квадрат разницы показателя подушевого дохода двух стран. $TSCR_{ijt}$ представляет реальный обменный курс на момент t в странах i и j . Данная переменная отражает ценовую конкурентоспособность экспорта и импорта стран Африки южнее Сахары и стран БРИКС. Она вычисляется путем произведения индексов цен стран-партнеров и их номинального двустороннего обменного курса. RN_{it} представляет долю природного сырья в экспорте страны i . PM_{it} отражает долю промышленных товаров в импорте страны i из страны j . $OuvMer_i$ представляет географическое положение страны i относительно моря. Данный коэффициент равен единице в случае, если страна i имеет доступ к морю, и нулю – в иных обстоятельствах. $Accom_{ij}$ фиксирует наличие или отсутствие торговых соглашений между странами Африки и членами БРИКС: значение «1» присваивается при наличии соглашения, «0» – в противном случае. Переменные EU и US схожим образом отражают наличие торговых соглашений с Европейским союзом и США. Переменная μ_{ijt} представляет статистическую погрешность.

За исключением бинарных переменных, все остальные переменные представлены в виде натурального логарифма. В конечном итоге оценочные коэффициенты рассматриваются как коэффициенты эластичности. Эластичность качественных переменных выражается в виде экспоненты оценки коэффициентов.

Метод оценки и источники данных

Далее мы подробнее рассмотрим использованный в работе метод оценки и источники данных.

Метод оценки

Согласно имеющимся исследованиям, гравитационная модель может быть подвержена трем типам искажений: искажениям, связанным с логарифмической трансформацией переменных; искажениям, обусловленным присутствием нулевых значений зависимых переменных; искажениям, связанным с гетероскедастичностью модели [Avom, Mignamissi, 2013]. В работах [Silva, Tenreyro, 2006; Silva, Tenreyro, 2010; Silva, Tenreyro, 2011] наглядно продемонстрировано, что проблема оценки торговли с использованием гравитационной модели заключается не в эндогенности переменных, а в подборе оптимального способа преодоления выявленных искажений. Исследователи предлагают стратегию преодоления несостоятельности модели, основанную на применении линейных логарифмических выражений в контексте гетероскедастичности и нулевых показателей взаимной торговли, в частности, рекомендуют применять метод максимального правдоподобия Пуассона, который, по их мнению, дает столь же надежный результат, как и метод гамма-регрессии, в силу схожести условий первого порядка⁵ [Head, Mayer, 2014].

Несколько рассмотренных нами работ были посвящены надежности различных нелинейных оценок. В эконометрической литературе по методам подсчета данных,

⁵ Отталкиваясь от более простой модели, где $X_{ij} = \text{Exp}(Z'_{ij}\beta)\epsilon_{ij}$, погрешность принимается как мультипликативная, условия первого порядка для теста Пуассона, теста методом наименьших квадратов и гамма-теста заданы следующим образом: $\sum Z_{ij}X_{ij} - \hat{X}_{ij} = 0$, $\sum Z_{ij} \ln X_{ij} - \ln \hat{X}_{ij} = 0$ и $\sum Z_{ij} \frac{X_{ij}}{\hat{X}_{ij}} - 1 = 0$.

Тест Пуассона и гамма-тест дают состоятельные оценки, вне зависимости от распределения значений ϵ [Head, Mayer, 2014].

применяемым к целым неотрицательным значениям, предлагаются различные альтернативы. В работе [De Benedictis, Taglioni, 2011] утверждается, что в случае, когда в торговых потоках преобладают нулевые коэффициенты, метод максимизации правдоподобия не должен применяться. Взамен они предлагают использовать модель отрицательного биномиального распределения с поправкой на избыток нулевых значений. С другой стороны, Хед и Майер [Head, Mayer, 2014] предостерегают от использования отрицательного биномиального распределения даже в случае достаточно значительной дисперсии зависимых переменных, так как данный метод оценки весьма чувствителен к единице измерения зависимой переменной⁶.

При подготовке настоящего исследования мы использовали метод максимизации правдоподобия в соответствии с рекомендациями в работах [Santos-Silva, Tenreyro, 2006; 2010; 2011; Avom, Mignamissi, 2014]. Для надежности при проверке достоверности полученных данных мы использовали и другие методы.

Различные источники данных

Данные, на которых основывается настоящее исследование, охватывают период с 1995 по 2018 г. Источником данных для использования в качестве переменных служит база данных ЮНКТАД. Обычные переменные, такие как ВВП и численность населения, были получены из баз данных Всемирного банка. Данные о расстояниях были получены из наработок Центра СЕРП (Centre for Forward-Looking Studies and International Information). Временные рамки исследования устанавливались в соответствии с доступными данными и согласованы с историей взаимодействия стран Африки южнее Сахары и стран – членов БРИКС.

Ряд переменных были рассчитаны нами самостоятельно. Показатели разности по доходу вычислялись с использованием данных подушевого дохода Всемирного банка. Показатель ценовой конкурентоспособности был получен в результате произведения индексов цен двух стран-партнеров, а также их номинального двустороннего обменного курса в соответствии с данными Всемирной торговой организации (ВТО) и баз данных Международного валютного фонда (МВФ). Переменные, связанные с природными ресурсами и продукцией обрабатывающей промышленности, рассчитывались с опорой на данные ЮНКТАД.

При построении модели была использована выборка стран, включающая все страны Африки южнее Сахары, за исключением ЮАР; в выборку также не были включены страны БРИКС, Европейский союз и США. Выбранный подход позволяет выявить особенности, определяющие динамику товарообмена рассматриваемых стран со странами БРИКС.

Полученные результаты и результаты проверок

В табл. 1 представлены результаты подсчетов расположенности стран Африки южнее Сахары к торговле со странами БРИКС с применением обобщенного метода моментов Бланделла и Бонда.

⁶ Распределение Пуассона основывается на пропорциональности между условной дисперсией и условным математическим ожиданием [Wooldridge, 2000]. Тем не менее в случае, когда дисперсия принимает значения выше средних («сверхдисперсия»), рациональным является применение закона отрицательного негативного распределения.

Модель 1 – базовая модель, основанная на традиционных переменных: показатель ВВП; численность населения стран-партнеров; расстояние между странами; наличие заключенных соглашений о торговле.

Модель 2 включает менее традиционные переменные: показатель ценовой конкурентоспособности, вычисленный с учетом показателей реального обменного курса и разницы в доходах на душу населения; показатель неценовой конкуренции, основанный на доле природного сырья в экспорте стран Африки южнее Сахары, численности населения данных стран и их действий на дипломатическом поприще. Оба параметра представляются достаточно важными.

В рамках теста Фишера [Fisher, 1955] нулевая гипотеза не рассматривалась (*p-value* принималась равной 0,000). Тест Саргана [Sargan, 1958] подтвердил валидность отложенных переменных уровня и разницы как инструмента расчетов. Тест Ареллано – Бонда на автокорреляцию [Arellano, Bond, 1991] не опровергает гипотезу об отсутствии в наших расчетах автокорреляции второго порядка.

В целом из данных, представленных в табл. 1, следует, что традиционные для гравитационной модели переменные имеют ожидаемые знаки коэффициентов, которые статистически значимы.

Значения коэффициента переменной *lnCTSLI* показывают, что расположенность к открытой торговле в прошлом оказывает значительное положительное воздействие на текущие показатели. Модель 2 демонстрирует, что 10%-е повышение оценочной расположенности к торговле в предшествующий год приводит к росту на 3,9% в текущем году с учетом влияния остальных показателей. Это подтверждает тезис о том, что двусторонняя торговля является частью динамического процесса.

При построении второй модели мы обнаружили, что показатели переменных согласуются с предложенной теорией. Коэффициент переменной ВВП страны-партнера демонстрирует позитивные значения, что означает, что расположенность стран Африки южнее Сахары к торговле со странами БРИКС объясняется ростом доходов в этих странах. Схожую динамику демонстрирует и ВВП стран Африки. Рост ВВП на 10% в странах БРИКС ведет к повышению показателя открытости торговли на 11%, а рост ВВП в странах Африки на 10% увеличивает открытость почти на 10,4%.

Коэффициенты демографических переменных стран-партнеров демонстрируют обратные тенденции. Положительная динамика обусловлена эффектом экономии от масштаба – чем больше население стран БРИКС, тем больше растут производство и экспорт. Положительное воздействие на страны Африки также отражает эффект экономии от масштаба. Отрицательная связь между дистанцией и открытостью также согласуется с экономической интуицией.

Коэффициент переменной, отражающей наличие торговых соглашений между странами-партнерами, демонстрирует положительные значения. Это означает, что углубление торговых связей между странами Африки и странами БРИКС объясняется положительным воздействием мер по взаимному упрощению процедур торговли. Эти результаты согласуются с экономической интуицией и подтверждают тезисы работы [Hollander, Macdissi, 2009].

Коэффициент переменной *ВВП на душу населения* (курсив наш. – *Примеч. пер.*) становится положительным на отметке в 5%. Это означает, что укрепление взаимной торговли между странами Африки и странами БРИКС объясняется схожестью уровня развития сторон со странами Юга.

На отметке 1% отрицательные значения принимают коэффициент при переменной ценовой конкурентоспособности, исчисляемой на основе реального обменного курса. Полученные результаты соответствуют положениям работ [Krugman, 1979; Dixit,

Таблица 1. Результаты расчетов с применением обобщенного метода моментов (GMM)

Переменная «Расположенность к торговле»	Модель 1. Коэффициенты	Модель 2. Коэффициенты
$\ln \text{CTS} L1$	0,455 (15,37***)	0,398 (12,62***)
$\ln \text{GDP}_i$	0,297 (3,33***)	0,842 (7,06***)
$\ln \text{GDP}_j$	1,634 (13,73***)	1,110 (5,51***)
$\ln N_i$	0,072 (0,02)	-0,116 (-1,16)
$\ln N_j$	0,171 (2,46**)	0,332 (1,92*)
$\ln D_{ij}$	-0,412 (-2,36**)	-0,531 (-2,12**)
$\ln D_{ij}/\text{hbt}_i$		0,238 (2,95**)
$\ln \text{TCR}_{ij}$		-0,285 (3,88***)
$\ln \text{RN}_i$		0,726 (3,34***)
ACCOM	0,512 (2,46**)	0,590 (3,26***)
Европейский союз		-0,133 (-2,20**)
США		-0,063 (-1,73)
Constant	17,441 (3,17***)	7,253 (2,28**)
Количество наблюдений	5430	5139
Количество двусторонних отношений	230	230
F-тест (p-value) Prob > F	0,000	0,000
Тест Саргана Prob > chi2	0,354	0,312
Тест Ареллано – Бонда_1	$Pr > z = 0,052$	$Pr > z = 0,044$
Тест Ареллано – Бонда_2	$Pr > z = 0,830$	$Pr > z = 0,743$

* Уровень значимости 10%, ** – 5%, *** – 1%.

Примечание. GDP соответствует показателю ВВП; N – размер страны; D – расстояние между страной i и страной j; Y/hbt – доход на душу населения; TCR – реальный двусторонний обменный курс между странами i и j; RN – доля природного сырья в экспорте страны; ACCOM – переменная, фиксирующая наличие между странами Африки южнее Сахары торговых соглашений со странами БРИКС.

Источник: Расчеты авторов.

Stiglitz, 1977]. Продажи товаров растут по мере снижения предлагаемой цены. Данное обстоятельство объясняет рост товарообмена между африканскими странами и странами БРИКС, поскольку продукция последних более конкурентоспособна с точки зрения стоимости в сравнении со странами Запада.

Переменная «природные ресурсы» (курсив наш. – *Примеч. пер.*) имеет положительный и статистически значимый коэффициент на уровне 1%. Это означает, что открытость к торговле между двумя группами стран объясняется преимущественно наличием природного сырья. Увеличение данного показателя на 10% приводит к росту открыто-

сти торговли со странами БРИКС на 7,3%. Наши заключения согласуются с выводами работы [Guillaumont, 1994].

Заключение

Цель настоящей статьи состояла в исследовании основных факторов, объясняющих склонность стран Африки южнее Сахары к торговле со странами БРИКС. Для достижения поставленной цели мы дополнили гравитационную модель в соответствии с рекомендациями из работ [Anderson, Wincoop, 2001; Zarzoso, Lehmann, 2003]. Для проверки гипотезы о значимости открытости к торговле для конкурентоспособности стран БРИКС и стран Африки южнее Сахары в период с 1995 по 2018 г. мы выбрали метод оценки Ареллано – Бонда [Arellano, Bond, 1991].

Полученные нами эмпирические данные показывают, что открытость стран Африки южнее Сахары к торговле со странами БРИКС обусловлена как экономическими, так и политическими факторами. Подобный тип открытости напрямую связан с динамикой показателя ВВП на душу населения в странах-партнерах, с низкой разницей в уровне доходов и в особенности с обеспеченностью стран Африки природными ресурсами и сравнительно низкой стоимостью торгуемой продукции. Схожим образом действия в сфере торговой политики, в частности, подписание торговых соглашений, оказывают положительное воздействие.

Тренды, выявленные в результате проведенного исследования, показывают, что в целом страны Африки южнее Сахары и страны БРИКС совместными усилиями развивают отношения в формате Юг – Юг, что выгодно для обеих групп. Страны БРИКС углубляют отношения со странами Африки по вполне очевидным причинам, среди которых доступ к природным ресурсам, новые рынки для инвестиций и экспорта товаров, сулящие значительную прибыль наряду с повышением веса на международной арене. Помимо общих интересов, страны БРИКС имеют индивидуальные причины быть заинтересованными в регионе к югу от Сахары.

Стратегической целью сотрудничества с БРИКС должно стать обеспечение трансформации выгод, получаемых вследствие роста цен на продукцию, в достижение целей устойчивого развития, искоренения бедности и структурных трансформаций. Страны Африки южнее Сахары должны добиваться того, чтобы выгоды от развития сотрудничества распределялись на равной основе и были доступны для всех слоев населения. Новая «гонка за Африку» должна принести пользу в первую очередь самой Африке.

Сложившаяся ситуация и прогнозы на будущее говорят о том, что странам Африки южнее Сахары предстоит выработать политику, которая позволит извлечь максимум выгод из развития сотрудничества с новыми партнерами, такими как страны БРИКС. Значительная часть населения мира живет в странах, в данный момент проходящих стадию интенсивного экономического роста. В этих условиях страны Африки могут углубить партнерство с развивающимися странами в интересах скорейшего достижения экономического процветания и искоренения бедности. Правительства стран Африки южнее Сахары играют ключевую роль в обеспечении экономического роста и должны стремиться к этому в своей деятельности. Перспективы и вызовы, описанные в статье, должны вывести на первый план следующие приоритеты: улучшение качества управления природными ресурсами, планирование экономической политики без превалирования отдельных секторов, повышение гибкости экономики и развитие социальной политики, продвижение проектов региональной интеграции, развитие специальных экономических зон, обеспечение переговорными средствами лучших условий доступа на рынки с особым вниманием к продукции с высокой добавленной стоимостью.

ИСТОЧНИКИ

- Anderson J.E. (1979). A Theoretical Foundation for the Gravity Equation // *American Economic Review*. Vol. 69. No. 1. P. 106–116. Режим доступа: <https://www.jstor.org/stable/1802501>.
- Anderson J.E., Neary P. (1994). Measuring the Restrictiveness of Trade Policy // *The World Bank Economic Review*. Vol. 8. No. 2. P. 151–169. Режим доступа: <https://www.jstor.org/stable/3989959>.
- Anderson J.E., van Wincoop E. (2001). Gravity With Gravititas: A Solution to the Border Puzzle. NBER Working Paper No. 8079. National Bureau of Economic Research. Режим доступа: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w8079/w8079.pdf (дата обращения: 19.02.2021).
- Anderson J.E., Yotov Y.V. (2016). Terms of Trade and Global Efficiency Effects of Free Trade Agreements, 1990–2002 // *Journal of International Economics*. Vol. 99. P. 279–298. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2015.10.006>.
- Arellano M., Bond S.R. (1991). Some Specification Tests for Panel Data: Monte Carlo Evidence and an Application to Employment Equations // *Review of Economic Studies*. Vol. 58. No. 2. P. 277–298. Режим доступа: <https://doi.org/10.2307/2297968>.
- Avom D., Mignamissi D. (2013). Évaluation et analyse du potentiel commercial dans la CEMAC [Assessment and Analysis of Commercial Potential in CEMAC] // *L'Actualité Économique, Revue d'Analyse Économique*. Vol. 89. No. 2. P. 115–145. Режим доступа: <https://doi.org/10.7202/1024887ar>.
- Bagwell K., Staiger R.W. (1999). An Economic Theory of GATT // *American Economic Review*. Vol. 89. No. 1. P. 215–248. Режим доступа: <https://www.doi.org/10.1257/aer.89.1.215>.
- Bergstrand J.H., Egger P., Larch M. (2013). Gravity Redux: Estimation of Gravity-Equation Coefficients, Elasticities of Substitution, and General Equilibrium Comparative Statics Under Asymmetric Bilateral Trade Costs // *Journal of International Economics*. Vol. 89. No. 1. P. 110–121. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2012.05.005>.
- Blundell R., Bond S. (1998). Initial Conditions and Moment Restrictions in Dynamic Panel Data Models // *Journal of Econometrics*. Vol. 87. No. 1. P. 115–143. Режим доступа: [https://doi.org/10.1016/S0304-4076\(98\)00009-8](https://doi.org/10.1016/S0304-4076(98)00009-8).
- Bruneckiene J., Paltanaviciene D. (2012). Measurement of Export Competitiveness of the Baltic States by Composite Index // *Inzinierine Ekonomika-Engineering Economics*. Vol. 23. No. 1. P. 49–60. Режим доступа: <https://doi.org/10.5755/j01.ee.23.1.1218>.
- Cattaneo N., Snowball J. (2019). South Africa's Trade in Cultural Goods and Services With a Focus on Cultural Trade With BRICS Partners // *International Journal of Cultural Policy*. Vol. 25. No. 5. P. 582–601. Режим доступа: <https://doi.org/10.1080/10286632.2019.1626845>.
- Chamberlin E.H. (1937). Monopolistic or Imperfect Competition? // *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 51. No. 4. P. 557–580. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/254445520_Edward_H_Chamberlin_1899_-_1967 (дата обращения: 19.02.2021).
- Cherif R., Sandesh D., Xiangming F., Jesus G.G., Miguel M., Yuanchen Y., Mustafa Y., Jung E. Y. (2020). Competition, Competitiveness and Growth in Sub-Saharan Africa. IMF Working Paper No. 20/30, International Monetary Fund. Режим доступа: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2020/02/14/Competition-Competitiveness-and-Growth-in-Sub-Saharan-Africa-49019> (дата обращения: 19.02.2021).
- Couharde C., Coulibaly I., Guerreiro D., Mignon V. (2013). Revisiting the Theory of Optimum Currency Areas: Is the CFA Franc Zone Sustainable? // *Journal of Macroeconomics*. Vol. 38. Part B. P. 428–441. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.jmacro.2013.07.011>.
- Damijan J.P., de Sousa J., Lamotte O. (2009). Does International Openness Affect Productivity of Local Firms? Evidence From Southeastern Europe // *Economics of Transition*. Vol. 17. No. 3. P. 559–586. Режим доступа: <https://doi.org/10.1111/j.1468-0351.2009.00361.x>.
- De Benedictis L., Taglioni D. (2011). The Gravity Model in International Trade // *The Trade Impact of European Union Preferential Policies: An Analysis Through Gravity Models* / L. De Benedictis, L. Salvatici (eds). Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag.

- De Loecker J., Eeckhout J. (2018). Global Market Power. NBER Working Paper Series No. 24768. National Bureau of Economic Research. Режим доступа: <https://www.doi.org/10.3386/w24768>.
- Dixit A.K., Stiglitz J.E. (1977). Monopolistic Competition and Optimum Product Diversity // *American Economic Review*. Vol. 67. No. 3. P. 297–308. Режим доступа: <https://www.jstor.org/stable/1831401>.
- Dollar D. (1992). Outward Oriented Developing Economies Really Do Grow More Rapidly: Evidence From 95 LDCs, 1976–85 // *Economic Development and Cultural Change*. Vol. 40. No. 3. P. 523–544. Режим доступа: <https://doi.org/10.1086/451959>.
- Dollar D., Краау А. (2003). Institutions, Trade, and Growth // *Journal of Monetary Economics*. Vol. 50. No. 1. P. 133–162. Режим доступа: [https://doi.org/10.1016/S0304-3932\(02\)00206-4](https://doi.org/10.1016/S0304-3932(02)00206-4).
- Fedderke J., Obikili N., Viegi N. (2018). Markups and Concentration in South African Manufacturing Sectors: An Analysis With Administrative Data // *South African Journal of Economics*. Vol. 86. No. S1. P. 120–140. Режим доступа: <https://doi.org/10.1111/saje.12175>.
- Fisher R.A. (1955) Statistical Methods and Scientific Induction // *Journal of the Royal Statistical Society. Series B*. Vol. 17. No. 1. P. 69–78. Available at: <https://www.jstor.org/stable/2983785>.
- Gbetnkom D., Avom D. (2005). Intégration par le marché: le cas de l'UEMOA [Integration Through the Market: The Case of WAEMU] // *Région et Développement*. Vol. 22. P. 85–103. Режим доступа: https://regionet-developpement.univ-tln.fr/wp-content/uploads/R22_Gbetnkom_Avom.pdf (дата обращения: 19.02.2021).
- Guerrieri P., Meliciani V. (2005). Technology and International Competitiveness: The Interdependence Between Manufacturing and Producer Services // *Structural Change and Economic Dynamics*. Vol. 16. No. 4. P. 489–502. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.strueco.2005.02.002>.
- Guillaumont P. (1994). Politique d'ouverture et croissance économique: les effets de la croissance des exportations et de l'instabilité des exportations [Openness Policy and Economic Growth: The Effects of Export Growth and Export Instability] // *Revue d'Economie du Développement*. Vol. 1. P. 91–114. Режим доступа: https://www.persee.fr/doc/recod_1245-4060_1994_num_2_1_897 (дата обращения: 19.02.2021).
- Head K., Mayer T. (2014). Gravity Equations: Toolkit, Cookbook, Workhorse // *Handbook of International Economics*. Vol. 4. No. 1. P. 131–195. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/B978-0-444-54314-1.00003-3>.
- Helpman E. (1987). Imperfect Competition and International Trade: Evidence From Fourteen Industrial Countries // *Journal of the Japanese and International Economies*. Vol. 1. No. 1. P. 62–81. Режим доступа: [https://doi.org/10.1016/0889-1583\(87\)90027-X](https://doi.org/10.1016/0889-1583(87)90027-X).
- Hollander A., Macdissi C. (2009). Les déterminants des échanges commerciaux entre la Caraïbe et les États-Unis [Determinants of Trade Between the Caribbean and the United States] // *Revue Libanaise de Gestion et d'Economie*. Vol. 2. No. 3. P. 47–85. Режим доступа: <https://core.ac.uk/download/pdf/82017353.pdf> (дата обращения: 19.02.2021).
- Isard W., Peck M.J. (1954). Location Theory and International and Interregional Trade Theory // *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 68. No. 1. P. 97–114. Режим доступа: <https://doi.org/10.2307/1881920>.
- Johnson H.G. (1953). Optimum Tariffs and Retaliation. *Review of Economic Studies*. Vol. 21. No. 2. P. 142–153. Режим доступа: <https://doi.org/10.2307/2296006>.
- Kim E. (2000). Trade Liberalization and Productivity Growth in Korean Manufacturing Industries: Price Protection, Market Power and Scale Efficiency // *Journal of Development Economics*. Vol. 62. No. 1. P. 55–83. Режим доступа: [https://doi.org/10.1016/S0304-3878\(00\)00075-4](https://doi.org/10.1016/S0304-3878(00)00075-4).
- Krugman P. (1979). A Model of Innovation, Technology Transfer, and the World Distribution of Income // *Journal of Political Economy*. Vol. 87. No. 2. P. 253–266. Режим доступа: <https://www.jstor.org/stable/1832086>.
- Lambert-Racine M. (2009). Le libre-échange et les déterminants des exportations de marchandises du Canada vers les États-Unis, 1971–2008: Rapport de recherche Université de Montréal [Free Trade and the Determinants of Canadian Merchandise Exports to the United States, 1971–2008: University of Montréal Research Report]. Режим доступа: <http://hdl.handle.net/1866/2915> (дата обращения: 19.02.2021) (in French).
- Lancaster K.J. (1966). A New Approach to Consumer Theory // *Journal of Political Economy*. Vol. 74. No. 2. P. 132–57. Режим доступа: <https://www.jstor.org/stable/1828835>.

- Liu W., Nishijima S. (2012). Productivity and Openness: Firm Level Evidence in Brazilian Manufacturing Industries // *Economic Change and Restructuring*. Vol. 46. No. 4. P. 363–384. Режим доступа: <https://www.doi.org/10.1007/s10644-012-9131-6>.
- Miller S.M., Upadhyay M.P. (2000). The Effects of Openness, Trade Orientation, and Human Capital on Total Factor Productivity // *Journal of Development Economics*. Vol. 63. No. 2. P. 399–423. Режим доступа: [https://doi.org/10.1016/S0304-3878\(00\)00112-7](https://doi.org/10.1016/S0304-3878(00)00112-7).
- Mulatu A. (2016). On the Concept of “Competitiveness” and Its Usefulness for Policy. *Structural Change and Economic Dynamics*. Vol. 36. Iss. C. P. 50–62. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.strueco.2015.11.001>.
- Musila J.W., Yiheyis Z. (2015). The Impact of Trade Openness on Growth: The Case of Kenya // *Journal of Policy Modeling*. Vol. 37. No. 2. P. 342–354. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.jpolmod.2014.12.001>.
- Paul S., Marks A. (2009). Modelling Productivity Effects of Trade Openness: A Dual Approach // *Australian Economic Papers*. Vol. 48. No. 2. P. 105–123. Режим доступа: <https://doi.org/10.1111/j.1467-8454.2009.00368.x>.
- Pritchett L. (1996). Measuring Outward Orientation in LDCs: Can It Be Done? // *Journal of Development Economics*. Vol. 49. No. 2. P. 419–447. Режим доступа: [https://doi.org/10.1016/0304-3878\(95\)00064-X](https://doi.org/10.1016/0304-3878(95)00064-X).
- Rath B.N., Parida P.C. (2014). Did Openness and Human Capital Affect Total Factor Productivity? Evidence From the South Asian Region // *Global Journal of Emerging Market Economies*. Vol. 6. No. 2. P. 103–118. Режим доступа: <https://doi.org/10.1177%2F0974910114525535>.
- Ren Y., Li Z., Wang Y., Zhang T. (2020). Development and Prospect of Food Security Cooperation in the BRICS Countries // *Sustainability*. Vol. 12. No. 5. P. 21–25. Режим доступа: <https://doi.org/10.3390/su12052125>.
- Rose A.K. (2000). One Money, One Market: Estimating the Effect of Common Currencies on Trade // *Economic Policy*. Vol. 30. P. 9–45. Режим доступа: <https://doi.org/10.3390/su12052125>.
- Saji T.G.N. (2017). Can BRICS Form a Currency Union? An Analysis Under Markov Regime-Switching Framework // *Global Business Review*. Vol. 20. No. 1. P. 1–15. Режим доступа: <https://doi.org/10.1177%2F0972150917721835>.
- Saji T.G.N. (2020). Does BRICS Partnership Really Matter in Price Competitiveness and External Sector Growth? // *Competitiveness Review*. Vol. 30. No. 5. P. 577–594. Режим доступа: <https://doi.org/10.1108/CR-08-2019-0075>.
- Santos Silva J., Tenreyro S. (2006). The Log of Gravity // *The Review of Economics and Statistics*. Vol. 88. No. 4. P. 641–658. Режим доступа: <https://www.mitpressjournals.org/doi/pdf/10.1162/rest.88.4.641>.
- Santos Silva J., Tenreyro S. (2010). On the Existence of the Maximum Likelihood Estimates in Poisson Regression // *Economics Letters*. Vol. 107. No. 2. P. 310–312. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.econlet.2010.02.020>.
- Santos Silva J., Tenreyro S. (2011). Further Simulation Evidence on the Performance of the Poisson-PML Estimator // *Economics Letters*. Vol. 112. No. 2. P. 220–222. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.econlet.2011.05.008>.
- Sargan J.D. (1958). The Estimation of Economic Relationships Using Instrumental Variables // *Econometrica*. Vol. 26. P. 393–415. Режим доступа: <https://www.jstor.org/stable/i332612>.
- Shaked A., Sutton J. (1982). Relaxing Price Competition Through Product Differentiation // *Review of Economic Studies*. Vol. 49. No. 1. P. 3–13. Режим доступа: <https://doi.org/10.2307/2297136>.
- Snieska V., Draksaitė A. (2007). The Role of Knowledge Process Outsourcing in Creating National Competitiveness in Global Economy // *Inžinerine Ekonomika-Engineering Economics*. Vol. 53. No. 3. P. 35–41.
- Squalli J., Wilson K. (2011). A New Measure of Trade Openness // *The World Economy*. Vol. 34. No. 10. P. 1745–1770. Режим доступа: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9701.2011.01404.x>.
- Tahir M., Azid T. (2015). The Relationship Between International Trade Openness and Economic Growth in the Developing Economies // *Journal of Chinese Economic and Foreign Trade Studies*. Vol. 8. No. 2. P. 123–39. Режим доступа: <https://doi.org/10.1108/JCEFTS-02-2015-0004>.
- Tinbergen J. (1962). Shaping the World Economy: Suggestion for an International Economic Policy // *The Economic Journal*. Vol. 76. No. 301. P. 92–95. Режим доступа: <https://www.jstor.org/stable/i338989>.

Tsegaye K. (2016). The Cultural Agenda of the OAU/AU Since 1963 // *Africology: The Journal of Pan African Studies*. Vol. 9. No. 7. P. 37–50. Режим доступа: <http://www.jpnafrican.org/docs/vol9No.7/9.7-6-Tsegaye.pdf> (дата обращения: 19.02.2021).

Wood A. (1994). Give Heckscher and Ohlin a Chance! // *Review of World Economics (Weltwirtschaftliches Archiv)*. Vol. 130. P. 20–49. Режим доступа: <https://doi.org/10.1007/BF02706008>.

Wooldridge J.M. (2000). A Framework for Estimating Dynamic, Unobserved Effects Panel Data Models With Possible Feedback to Future Explanatory Variables // *Economics Letters*. Vol. 68. No. 3. P. 245–250. Режим доступа: [https://doi.org/10.1016/S0165-1765\(00\)00230-5](https://doi.org/10.1016/S0165-1765(00)00230-5).

Zaroso I.M., Lehmann F.N. (2003). Augmented Gravity Model: An Empirical Application to Mercosur-European Union Trade Flows // *Journal of Applied Economics*. Vol. 6. No. 2. P. 291–316. Режим доступа: <https://doi.org/10.1080/15140326.2003.12040596>.

Trade Openness and Competitiveness: BRICS and Sub-Saharan Africa Countries¹

L. Jamel, A. Derbali, A. Lamouchi, A. Elnagar

Lamia Jamel – Assistant Professor in Economic Sciences at the Department of Finance and Economics, College of Business Administration, Taibah University, Medinah, Saudi Arabia; E-mail: ljamel@yahoo.fr

Abdelkader Derbali* – Assistant Professor in Finance at the Department of Administrative and Financial Sciences and Techniques, Community College, Taibah University, Saudi Arabia, and at the Department of Finance and Accounting, Higher Institute of Informatics and Management of Kairouan, Kairouan University, Kairouan, 3100, Tunisia; E-mail: derbaliabdelkader@outlook.fr (*Corresponding author)

Ali Lamouchi – Assistant Professor in Economic Sciences at the Department of Economics and Finance, College of Business Administration, Qassim University, Ar Rass, Saudi Arabia; E-mail: ali_lamouchi@yahoo.fr

Ahmed K. Elnagar – Assistant Professor in Tourism and Hospitality at the Department of Administrative and Financial Sciences and Techniques, Community College, Taibah University, Medinah, Saudi Arabia; E-mail: aelnagar@taibahu.edu.sa

Abstract

The aim of this study is to highlight the key competitiveness elements that promote trade flows between the BRICS countries of Brazil, Russia, India, China and South Africa and those in Sub-Saharan Africa. To do so, we employ the econometrics of panel data during the period of study from 1995 to 2018. We apply the Blundell and Bond GMM estimator (1998) and we utilize Sargan's (1958) over-identification test to confirm the validity of delayed variables in level and difference as instruments used in our estimations. The empirical findings of our study show that trade policy actions, high natural resource allocation and the evolution of gross domestic product (GDP) per capita of the participating countries promote this trade openness between BRICS and Sub-Saharan Africa economies. Additionally, African countries need to develop their industrial sector to export more high-value manufactured products.

Key words: trade openness; competitiveness; BRICS countries; Sub-Saharan Africa countries

For citation: Jamel L., Derbali A., Lamouchi A., Elnagar A. (2021). Trade Openness and Competitiveness: BRICS and Sub-Saharan Africa Countries. *International Organisations Research Journal*, vol. 16, no 1, pp. 64–84 (in English). DOI: [10.17323/1996-7845-2021-01-03](https://doi.org/10.17323/1996-7845-2021-01-03)

References

- Anderson J.E., Neary P. (1994). Measuring the Restrictiveness of Trade Policy. *The World Bank Economic Review*, vol. 8, no 2, pp. 151–69. Available at: <https://www.jstor.org/stable/3989959>.
- Anderson J.E., van Wincoop E. (2001). Gravity With Gravititas: A Solution to the Border Puzzle. NBER Working Paper No 8079, National Bureau of Economic Research. Available at: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w8079/w8079.pdf (accessed 19 February 2021).
- Anderson J.E., Yotov Y.V. (2016). Terms of Trade and Global Efficiency Effects of Free Trade Agreements, 1990–2002. *Journal of International Economics*, vol. 99, pp. 279–98. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2015.10.006>.
- Anderson J.E. (1979). A Theoretical Foundation for the Gravity Equation. *American Economic Review*, vol. 69, no 1, pp. 106–16. Available at: <https://www.jstor.org/stable/1802501>.

¹ The editorial board received the article in September 2020.

- Arellano M., Bond S.R. (1991). Some Specification Tests for Panel Data: Monte Carlo Evidence and an Application to Employment Equations. *Review of Economic Studies*, vol. 58, no 2, pp. 277–98. Available at: <https://doi.org/10.2307/2297968>.
- Avom D., Mignamissi D. (2013). Évaluation et analyse du potentiel commercial dans la CEMAC [Assessment and Analysis of Commercial Potential in CEMAC]. *L'Actualité Économique, Revue d'Analyse Économique*, vol. 89, no 2, pp. 115–45. Available at: <https://doi.org/10.7202/1024887ar> (in French).
- Bagwell K., Staiger R.W. (1999). An Economic Theory of GATT. *American Economic Review*, vol. 89, no 1, pp. 215–48. Available at: <https://www.doi.org/10.1257/aer.89.1.215>.
- Bergstrand J.H., Egger P., Larch M. (2013). Gravity Redux: Estimation of Gravity-Equation Coefficients, Elasticities of Substitution, and General Equilibrium Comparative Statics Under Asymmetric Bilateral Trade Costs. *Journal of International Economics*, vol. 89, no 1, pp. 110–21. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2012.05.005>.
- Blundell R., Bond S. (1998). Initial Conditions and Moment Restrictions in Dynamic Panel Data Models. *Journal of Econometrics*, vol. 87, no 1, pp. 115–43. Available at: [https://doi.org/10.1016/S0304-4076\(98\)00009-8](https://doi.org/10.1016/S0304-4076(98)00009-8).
- Bruneckiene J., Paltanaviciene D. (2012). Measurement of Export Competitiveness of the Baltic States by Composite Index. *Inzinierine Ekonomika-Engineering Economics*, vol. 23, no 1, pp. 49–60. Available at: <https://doi.org/10.5755/j01.ee.23.1.1218>.
- Cattaneo N., Snowball J. (2019). South Africa's Trade in Cultural Goods and Services With a Focus on Cultural Trade With BRICS Partners. *International Journal of Cultural Policy*, vol. 25, no 5, pp. 582–601. Available at: <https://doi.org/10.1080/10286632.2019.1626845>.
- Chamberlin E.H. (1937). Monopolistic or Imperfect Competition? *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 51, no 4, pp. 557–80. Available at: https://www.researchgate.net/publication/254445520_Edward_H_Chamberlin_1899_-_1967 (accessed 19 February 2021).
- Cherif R., Sandesh D., Xiangming F., Jesus G.G., Miguel M., Yuanchen Y., Mustafa Y., Jung E.Y. (2020). Competition, Competitiveness and Growth in Sub-Saharan Africa. IMF Working Paper No 20/30, International Monetary Fund. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2020/02/14/Competition-Competitiveness-and-Growth-in-Sub-Saharan-Africa-49019> (accessed 19 February 2021).
- Couharde C., Coulibaly I., Guerreiro D., Mignon V. (2013). Revisiting the Theory of Optimum Currency Areas: Is the CFA Franc Zone Sustainable? *Journal of Macroeconomics*, vol. 38, part B, pp. 428–41. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jmacro.2013.07.011>.
- Damijan J.P., de Sousa J., Lamotte O. (2009). Does International Openness Affect Productivity of Local Firms? Evidence From Southeastern Europe. *Economics of Transition*, vol. 17, no 3, pp. 559–86. Available at: <https://doi.org/10.1111/j.1468-0351.2009.00361.x>.
- De Benedictis L., Taglioni D. (2011). The Gravity Model in International Trade. *The Trade Impact of European Union Preferential Policies: An Analysis Through Gravity Models* (L. De Benedictis, L. Salvatici (eds)). Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag.
- De Loecker J., Eeckhout J. (2018). Global Market Power. NBER Working Paper Series No. 24768. National Bureau of Economic Research. Режим доступа: <https://www.doi.org/10.3386/w24768>.
- Dixit A.K., Stiglitz J.E. (1977). Monopolistic Competition and Optimum Product Diversity. *American Economic Review*, vol. 67, no 3, pp. 297–308. Available at: <https://www.jstor.org/stable/1831401>.
- Dollar D. (1992). Outward Oriented Developing Economies Really Do Grow More Rapidly: Evidence From 95 LDCs, 1976–85. *Economic Development and Cultural Change*, vol. 40, no 3, pp. 523–44. Available at: <https://doi.org/10.1086/451959>.
- Dollar D., Kraay A. (2003). Institutions, Trade, and Growth. *Journal of Monetary Economics*, vol. 50, no 1, pp. 133–62. Available at: [https://doi.org/10.1016/S0304-3932\(02\)00206-4](https://doi.org/10.1016/S0304-3932(02)00206-4).
- Fedderke J., Obikili N., Viegi N. (2018). Markups and Concentration in South African Manufacturing Sectors: An Analysis With Administrative Data. *South African Journal of Economics*, vol. 86, no S1, pp. 120–40. Available at: <https://doi.org/10.1111/saje.12175>.
- Fisher R.A. (1955) Statistical Methods and Scientific Induction. *Journal of the Royal Statistical Society, Series B*, vol. 17, no 1, pp. 69–78. Available at: <https://www.jstor.org/stable/2983785>.

- Gbetnkom D., Avom D. (2005). Intégration par le marché: le cas de l'UEMOA [Integration Through the Market: The Case of WAEMU]. *Région et Développement*, vol. 22, pp. 85–103. Available at: https://regionetdeveloppement.univ-tln.fr/wp-content/uploads/R22_Gbetnkom_Avon.pdf (accessed 19 February 2021) (in French).
- Guerrieri P., Meliciani V. (2005). Technology and International Competitiveness: The Interdependence Between Manufacturing and Producer Services. *Structural Change and Economic Dynamics*, vol. 16, no 4, pp. 489–502. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.strueco.2005.02.002>.
- Guillaumont P. (1994). Politique d'ouverture et croissance économique : les effets de la croissance des exportations et de l'instabilité des exportations [Openness Policy and Economic Growth: The Effects of Export Growth and Export Instability]. *Revue d'Economie du Développement*, vol. 1, pp. 91–114. Available at: https://www.persee.fr/doc/recod_1245-4060_1994_num_2_1_897 (accessed 19 February 2021) (in French).
- Head K., Mayer T. (2014). Gravity Equations: Toolkit, Cookbook, Workhorse. *Handbook of International Economics*, vol. 4, no 1, pp. 131–95. Available at: <https://doi.org/10.1016/B978-0-444-54314-1.00003-3>.
- Helpman E. (1987). Imperfect Competition and International Trade: Evidence From Fourteen Industrial Countries. *Journal of the Japanese and International Economies*, vol. 1, no 1, pp. 62–81. Available at: [https://doi.org/10.1016/0889-1583\(87\)90027-X](https://doi.org/10.1016/0889-1583(87)90027-X).
- Hollander A., Macdissi C. (2009). Les déterminants des échanges commerciaux entre la Caraïbe et les États-Unis [Determinants of Trade Between the Caribbean and the United States]. *Revue Libanaise de Gestion et d'Economie*, vol. 2, no 3, pp. 47–85. Available at: <https://core.ac.uk/download/pdf/82017353.pdf> (accessed 19 February 2021) (in French).
- Isard W., Peck M.J. (1954). Location Theory and International and Interregional Trade Theory. *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 68, no 1, pp. 97–114. Available at: <https://doi.org/10.2307/1881920>.
- Johnson H.G. (1953). Optimum Tariffs and Retaliation. *Review of Economic Studies*, vol. 21, no 2, pp. 142–53. Available at: <https://doi.org/10.2307/2296006>.
- Kim E. (2000). Trade Liberalization and Productivity Growth in Korean Manufacturing Industries: Price Protection, Market Power and Scale Efficiency. *Journal of Development Economics*, vol. 62, no 1, pp. 55–83. Available at: [https://doi.org/10.1016/S0304-3878\(00\)00075-4](https://doi.org/10.1016/S0304-3878(00)00075-4).
- Krugman P. (1979). A Model of Innovation, Technology Transfer, and the World Distribution of Income. *Journal of Political Economy*, vol. 87, no 2, pp. 253–66. Available at: <https://www.jstor.org/stable/1832086>.
- Lambert-Racine M. (2009). Le libre-échange et les déterminants des exportations de marchandises du Canada vers les États-Unis, 1971–2008: Rapport de recherche Université de Montréal [Free Trade and the Determinants of Canadian Merchandise Exports to the United States, 1971–2008: University of Montréal Research Report]. Available at: <http://hdl.handle.net/1866/2915> (accessed 19 February 2021) (in French).
- Lancaster K.J. (1966). A New Approach to Consumer Theory. *Journal of Political Economy*, vol. 74, no 2, pp. 132–57. Available at: <https://www.jstor.org/stable/1828835>.
- Liu W., Nishijima S. (2012). Productivity and Openness: Firm Level Evidence in Brazilian Manufacturing Industries. *Economic Change and Restructuring*, vol. 46, no 4, pp. 363–84. Available at: <https://www.doi.org/10.1007/s10644-012-9131-6>.
- Miller S.M., Upadhyay M.P. (2000). The Effects of Openness, Trade Orientation, and Human Capital on Total Factor Productivity. *Journal of Development Economics*, vol. 63, no 2, pp. 399–423. Available at: [https://doi.org/10.1016/S0304-3878\(00\)00112-7](https://doi.org/10.1016/S0304-3878(00)00112-7).
- Mulatu A. (2016) On the Concept of “Competitiveness” and Its Usefulness for Policy. *Structural Change and Economic Dynamics*, vol. 36, iss. C, pp. 50–62. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.strueco.2015.11.001>.
- Musila J.W., Yiheyis Z. (2015). The Impact of Trade Openness on Growth: The Case of Kenya. *Journal of Policy Modeling*, vol. 37, no 2, pp. 342–54. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jpolmod.2014.12.001>.
- Paul S., Marks A. (2009). Modelling Productivity Effects of Trade Openness: A Dual Approach. *Australian Economic Papers*, vol. 48, no 2, pp. 105–23. Available at: <https://doi.org/10.1111/j.1467-8454.2009.00368.x>.
- Pritchett L. (1996). Measuring Outward Orientation in LDCs: Can It Be Done? *Journal of Development Economics*, vol. 49, no 2, pp. 419–47. Available at: [https://doi.org/10.1016/0304-3878\(95\)00064-X](https://doi.org/10.1016/0304-3878(95)00064-X).

- Rath B.N., Parida P.C. (2014). Did Openness and Human Capital Affect Total Factor Productivity? Evidence From the South Asian Region. *Global Journal of Emerging Market Economies*, vol. 6, no 2, pp. 103–18. Available at: <https://doi.org/10.1177%2F0974910114525535>.
- Ren Y., Li Z., Wang Y., Zhang T. (2020). Development and Prospect of Food Security Cooperation in the BRICS Countries. *Sustainability*, vol. 12, no 5, pp. 21–5. Available at: <https://doi.org/10.3390/su12052125>.
- Rose A.K. (2000). One Money, One Market: Estimating the Effect of Common Currencies on Trade. *Economic Policy*, vol. 30, pp. 9–45. Available at: <https://doi.org/10.3390/su12052125>.
- Saji T.G.N. (2017). Can BRICS Form a Currency Union? An Analysis Under Markov Regime-Switching Framework. *Global Business Review*, vol. 20, no 1, pp. 1–15. Available at: <https://doi.org/10.1177%2F0972150917721835>.
- Saji T.G.N. (2020). Does BRICS Partnership Really Matter in Price Competitiveness and External Sector Growth? *Competitiveness Review*, vol. 30, no 5, pp. 577–94. Available at: <https://doi.org/10.1108/CR-08-2019-0075>.
- Santos Silva J., Tenreiro S. (2006). The Log of Gravity. *The Review of Economics and Statistics*, vol. 88, no 4, pp. 641–58. Available at: <https://www.mitpressjournals.org/doi/pdf/10.1162/rest.88.4.641>.
- Santos Silva J., Tenreiro S. (2010). On the Existence of the Maximum Likelihood Estimates in Poisson Regression. *Economics Letters*, vol. 107, no 2, pp. 310–2. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.econlet.2010.02.020>.
- Santos Silva J., Tenreiro S. (2011). Further Simulation Evidence on the Performance of the Poisson-PML Estimator. *Economics Letters*, vol. 112, no 2, pp. 220–2. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.econlet.2011.05.008>.
- Sargan J.D. (1958). The Estimation of Economic Relationships Using Instrumental Variables. *Econometrica*, vol. 26, pp. 393–415. Available at: <https://www.jstor.org/stable/i332612>.
- Shaked A., Sutton J. (1982). Relaxing Price Competition Through Product Differentiation. *Review of Economic Studies*, vol. 49, no 1, pp. 3–13. Available at: <https://doi.org/10.2307/2297136>.
- Snieska V., Draksaita A. (2007). The Role of Knowledge Process Outsourcing in Creating National Competitiveness in Global Economy. *Inżynierine Ekonomika-Engineering Economics*, vol. 53, no 3, pp. 35–41.
- Squalli J., Wilson K. (2011). A New Measure of Trade Openness. *The World Economy*, vol. 34, no 10, pp. 1745–70. Available at: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9701.2011.01404.x>.
- Tahir M., Azid T. (2015). The Relationship Between International Trade Openness and Economic Growth in the Developing Economies. *Journal of Chinese Economic and Foreign Trade Studies*, vol. 8, no 2, pp. 123–39. Available at: <https://doi.org/10.1108/JCEFTS-02-2015-0004>.
- Tinbergen J. (1962). Shaping the World Economy: Suggestion for an International Economic Policy. *The Economic Journal*, vol. 76, no 301, pp. 92–5. Available at: <https://www.jstor.org/stable/i338989>.
- Tsegaye K. (2016). The Cultural Agenda of the OAU/AU Since 1963. *Africology: The Journal of Pan African Studies*, vol. 9, no 7, pp. 37–50. Available at: <http://www.jpanafrican.org/docs/vol9no7/9.7-6-Tsegaye.pdf> (accessed 19 February 2021).
- Wood A. (1994). Give Heckscher and Ohlin a Chance! *Review of World Economics (Weltwirtschaftliches Archiv)*, vol. 130, pp. 20–49. Available at: <https://doi.org/10.1007/BF02706008>.
- Wooldridge J.M. (2000). A Framework for Estimating Dynamic, Unobserved Effects Panel Data Models With Possible Feedback to Future Explanatory Variables. *Economics Letters*, vol. 68, no 3, pp. 245–50. Available at: [https://doi.org/10.1016/S0165-1765\(00\)00230-5](https://doi.org/10.1016/S0165-1765(00)00230-5).
- Zarzoso I.M., Lehmann F.N. (2003). Augmented Gravity Model: An Empirical Application to Mercosur-European Union Trade Flows. *Journal of Applied Economics*, vol. 6, no 2, pp. 291–316. Available at: <https://doi.org/10.1080/15140326.2003.12040596>.

БРИКС и партнерство в интересах устойчивого развития: перспективы расширения торговли с наименее развитыми странами^{1, 2}

А.К. Морозкина, В.Ю. Скрыбина

Морозкина Александра Константиновна — к.э.н., с.н.с. Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов Российской Федерации; Российская Федерация, 127006, Москва, Настасьинский пер., д. 3, стр. 2; доцент факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; ул. Малая Ордынка, д. 17; E-mail: a.k.morozkina@gmail.com

Скрыбина Валентина Юрьевна — к.э.н., ведущий советник Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации, преподаватель кафедры торговой политики Института торговой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 13, стр. 4; E-mail: skryabina.valentina@gmail.com

Все больше вопросов освещается странами БРИКС в рамках повестки сотрудничества — неформальное объединение активно вовлечено в решение наиболее острых проблем современности. Именно поэтому выявление возможностей реализации целей устойчивого развития на площадке БРИКС является актуальной темой для исследования. В статье анализируется процесс достижения наименее развитыми странами (НРС) Цели устойчивого развития (ЦУР) 17.11 в рамках взаимной торговли со странами БРИКС. Цель 17.11, в отличие от других ЦУР, должна была быть достигнута к 2020 г., однако оценки ВТО показывают, что прогресс идет слишком медленно. На фоне снижения объемов международной торговли в 2020 г. вследствие пандемии вопрос реализации этой цели стоит особенно остро. В статье охарактеризована ситуация выполнения ЦУР 17.11 в текущих условиях, определен характер участия стран БРИКС в достижении целей устойчивого развития и выявлены основные тенденции взаимной торговли между НРС и БРИКС. С использованием расчета двух торговых индексов (склонности к экспорту и интенсивности торговли) выявлены страны, способные нарастить экспорт в БРИКС. К перспективным с точки зрения развития торговли с БРИКС отнесены 15 НРС. Кроме того, страны НРС разделены на кластеры на основании перспективности прямого развития торговли, экономических показателей и структуры экономики. Отдельные кластеры выделены НРС, экономика которых опирается на ОПР и переводы мигрантов, сельское хозяйство, добывающие отрасли, производство, услуги. По итогам кластеризации НРС предложены наиболее действенные для каждой экономики механизмы увеличения экспортного потенциала, а также пути поддержки со стороны БРИКС для основных кластеров НРС. Таким образом, проведенный анализ позволяет странам БРИКС сформировать амбициозную повестку в области устойчивого развития, направленную в том числе на поддержку развития торговли в НРС для ускоренного вовлечения их в глобальные цепочки добавленной стоимости.

Ключевые слова: Цели устойчивого развития; Цель 17; международная торговля; наименее развитые страны; БРИКС; торговые индексы

Для цитирования: Морозкина А.К., Скрыбина В.Ю. (2021). БРИКС и партнерство в интересах устойчивого развития: перспективы расширения торговли с наименее развитыми странами // Вестник международных организаций. Т. 16. № 1. С. 85–106 (на русском и английском языках). DOI: 10.17323/1996-7845-2021-01-04

¹ Статья поступила в редакцию в ноябре 2020 г.

² Данная работа подготовлена при грантовой поддержке факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ в 2021 г.

Введение

Устойчивое развитие стало одним из приоритетов взаимодействия стран БРИКС с первой встречи. В совместном заявлении лидеров БРИКС, одобренном на саммите в Екатеринбурге в 2009 г., отмечается, что «реализация концепции устойчивого развития... должна стать главным вектором изменения парадигмы экономического развития» [BRICS, 2009]. Позднее страны БРИКС подтвердили приверженность выполнению целей устойчивого развития (ЦУР), принятых в 2015 г. [BRICS, 2016]. В 2020 г. в рамках российского председательства диалог по вопросам сотрудничества в сфере международного развития объявлен одним из приоритетных направлений [BRICS – Russia, 2020].

Цель 17 – партнерство в интересах устойчивого развития – объединяет различные аспекты международных отношений, связанных с повышением вовлеченности развивающихся, в том числе наименее развитых стран, в глобальные экономические процессы. Учитывая роль стран БРИКС как представителей развивающихся стран, эта цель в контексте взаимодействия группы заслуживает наибольшего внимания. Она включает следующие направления: выполнение обязательств по предоставлению помощи развитию, мобилизация дополнительных финансовых ресурсов и стимулирование инвестиций в развивающиеся страны, расширение сотрудничества в области науки и технологий, а также увеличение роли экспорта развивающихся стран в мировой торговле.

Цель увеличения доли экспорта из наименее развитых стран (НРС), в отличие от других ЦУР, должна была быть реализована до 2020 г., однако оценки ВТО за 2018 г. показывают, что прогресс идет слишком медленными темпами. Так, в 2018 г. доля НРС в мировом экспорте товаров и услуг составила 0,94%, что всего на 0,05 п.п. выше уровня 2015 г. (0,89%) и на 0,01% ниже уровня 2011 г. (0,95%). По данным международной статистики, в 2019 г. доля НРС в мировом экспорте составила всего 1,03%, что свидетельствует о недостижимости в текущих условиях поставленной задачи к 2020 г. [ИТС, n. d.]. На фоне предполагаемого резкого падения объемов международной торговли – в 2020 г. ожидается снижение от 13 до 32% [ВТО, 2020b] – вопрос о реализации данной цели встает особенно остро. Фактически достижение цели зависит в настоящее время не от показателей, связанных с развитием торговли НРС, а от того, как падение их экспорта будет соотноситься с падением мирового экспорта. При этом, как правило, наименее развитые страны в силу низкой диверсификации экспорта, зависимости от цен на экспортные товары и поставок крупных экономик становятся более уязвимыми к повышению неопределенности в области мировой торговли.

Отсутствие значимого прогресса связывают как с недостаточными мерами по открытию рынков для товаров из НРС [ВТО, 2019], так и с недостаточностью классических мер либерализации торговли, предлагаемых развитыми странами и международными организациями в целом [Gay, 2018]. Последнее объясняется существованием других, более значимых, ограничителей для роста экспорта – это производственные мощности, отсутствие инфраструктуры, удаленность и политическая и социальная нестабильность.

Вопрос вклада стран БРИКС и их возможных действий в достижение НРС ЦУР 17.11 не был исследован в академической литературе. В то же время обзор литературы позволяет сделать вывод о важности роли вклада стран БРИКС в реализацию ЦУР и о необходимости развития альтернативного подхода к реализации цели в области торговли в силу низкого уровня эффективности предпринимаемых мер. Таким образом, в исследовании предполагается, что страны БРИКС, позиционирующие себя как источ-

ник экспертизы для формирующихся экономик, могут выступить с новыми подходами к усилению вовлеченности НРС в мировую торговлю.

Цель данной статьи – выявить потенциальные направления содействия международному развитию со стороны стран БРИКС путем поддержки экспорта из наименее развитых стран. Для характеристики текущего состояния вопроса в первую очередь необходимо провести анализ взаимной торговли НРС со странами БРИКС, который позволит выделить наиболее перспективные для расширения торговли страны. Сделать вывод о потенциале увеличения экспорта НРС в страны БРИКС позволит оценка индексов склонности к экспорту и интенсивности торговли НРС со странами БРИКС. Определить иные пределы и возможности реализации ЦУР 17.11, а также обозначить возможные пути поддержки развития экспорта из этих стран позволит кластеризация НРС, проведенная на основании экономических показателей и структуры экономики данных стран.

Обзор литературы

Выполнение странами БРИКС целей устойчивого развития анализируется в первую очередь в рамках добровольных национальных обзоров (ДНО), предоставляемых странами-членами в ООН. В обзорах Бразилии, Индии и ЮАР, уже предоставленных ООН, нет данных о выполнении цели 17.11 (увеличение доли экспорта из наименее развитых стран) [Government of Brazil, 2017; Government of India, 2017; Government of South Africa, 2019; Government of Russia, 2020]. Это может быть связано с двумя факторами: небольшим прогрессом в выполнении данной цели и отсутствием соответствующей статистики на национальном уровне. Китай предоставил обзор в 2016 г., в первый год реализации целей, поэтому в нем были отмечены только национальные приоритеты в области устойчивого развития. В 2017 г. Министерство иностранных дел КНР опубликовало отчет о прогрессе реализации ЦУР, отметив меры по снижению ограничений доступа НРС на китайские рынки [Government of China, 2017].

В академической литературе достаточно активное внимание уделяется деятельности БРИКС в области устойчивого развития, в том числе в рамках торговых отношений, инвестиций и предоставления помощи развитию. Н. Хмелевская отмечает, что сотрудничество пятерки по устойчивому развитию «идет в русле внутриэкономических приоритетов» [Хмелевская, 2018, с. 88] в рамках внешнеторговых отношений. Европейский институт политических, экономических и социальных исследований (EURISPES) подчеркивает, что страны БРИКС играют значимую роль в мировой торговле и финансах и уже способствовали вовлечению некоторых менее развитых стран в глобальные экономические процессы [Basile, Cecchi, 2019]. А. Светличный отмечает, что от стран БРИКС, учитывающих свой опыт в области устойчивого развития, «ожидается значительный вклад в программу ЦУР как в своих странах, так и за их пределами» [Светличный, 2018, с. 82]. С. Бобылев и С. Соловьева делают вывод о том, что Россия может сыграть существенную роль в реализации ЦУР 17 [Бобылев, Соловьева, 2016, с. 37]. А. Морозкина показывает важность БРИКС как стран, дополняющих традиционную систему содействия развития новыми подходами [Морозкина, 2017]. В то же время в некоторых исследованиях делается вывод о том, что рост экспорта из стран БРИКС, в особенности основанный на использовании дешевой рабочей силы, замещает существующий и потенциальный экспорт из менее развитых или менее крупных развивающихся стран [Donno, Rudra, 2019]. В других исследованиях, напротив, отмечается рост

торговли Китая и Индии с развивающимися странами, в том числе с африканскими [Nowak, 2016].

Обширный пласт литературы посвящен развитию торговли в наименее развитых странах, в том числе реализации ЦУР 17, причем во многих работах отмечается необходимость альтернативных подходов [Gay, 2018; Reinert, 2009; Flento, Ponte, 2017; Bellman, Tipping, 2015; UN, 2019; Cornia, Scognamillo, 2016]. В обзоре ООН подчеркивается, что расширение торговли в основном связано с экспортом продукции с низким уровнем переработки, и 39 из 47 стран выделены как зависимые от сырьевого экспорта [UN, 2019]. Анализ позволил установить причину низких темпов роста торговли из НРС – отсутствие консенсуса в рамках международных организаций [Flento, Ponte, 2017], усиление протекционистских мер в мировой торговле [Navarro-Pabsdofr et al., 2020], а также ухудшение условий торговли для экспортеров сырья, к которым относится большинство НРС [Sachs et al., 2020, p. 6], связанное с карантинными мерами 2020 г. В препринте ООН подчеркиваются различия между наименее развитыми странами и невозможность применения к ним однотипных мер [Cornia, Scognamillo, 2016]. Поэтому авторы предлагают кластеризацию НРС на основании трех показателей – наличие военного конфликта, численность населения и ключевой сектор экономики, и для каждой группы предлагают свой набор мер по стимулированию экспорта.

Тенденции торгово-экономических отношений стран БРИКС и НРС

Современное состояние торгово-экономических отношений НРС и БРИКС характеризуется заметным ростом взаимной торговли. За время существования объединения товарооборот между странами вырос почти в 1,4 раза и составил в 2019 г. 191,4 млрд долл. Повторяя общемировую тенденцию, импорт НРС из стран БРИКС превышает экспорт в 1,5–2 раза (объемы импорта в 2019 г. составили 123,8 млрд долл., экспорта – 67,5 млрд долл.). Причем динамика импорта из БРИКС отличается меньшей волатильностью по сравнению с общемировой – отсутствуют резкие перепады объема в 2013–2016 гг. Можно отметить, что в целом значение как превышения экспорта над импортом, так и прироста объемов экспорта и импорта НРС с БРИКС выше, чем общемировые. Это, безусловно, свидетельствует о значимости наиболее крупного торгового партнера для каждой из наименее развитых стран – Китая. Объемы торговли со всеми странами БРИКС составляют порядка 30–34% общего товарооборота НРС. Причем доля Китая неуклонно повышается, в экспорте НРС она достигла в 2019 г. 75% среди стран БРИКС и 26% среди всех стран мира, импорт БРИКС в страновом разрезе чуть более дифференцирован – на Китай приходится 65% всего объема. Значимым торговым партнером НРС среди стран БРИКС является также Индия, ее доля в экспорте (17–18%) и импорте (23–26%) достаточно стабильна. В то же время показатели ЮАР снизились до 4 и 7% соответственно.

Таким образом, оценивая общие показатели торговли стран БРИКС и НРС, можно отметить бесспорную зависимость НРС от импорта товаров из третьих стран, а также достаточно высокую значимость БРИКС во внешнеторговом обороте наименее развитых стран – более трети торговли приходится на объединение. В то же время поставки товаров происходят в основном из Китая и Индии, значимость ЮАР заметно сократилась, а торговля с Россией и Бразилией минимальна.

Экспорт НРС сосредоточен на минеральных продуктах, доля которых со всеми странами мира составляет порядка 32%, а с БРИКС достигает 63%. Поставляются наи-

менее развитыми странами также товары легкой промышленности, черные и цветные металлы, некоторые виды продукции растительного происхождения (фрукты, овощи, злаки) и др. (рис. 1).

Рис. 1. Динамика изменений структуры экспорта наименее развитых стран (НРС) в страны БРИКС, 2015–2019 гг.

Источник: Составлено авторами на основе данных международного торгового центра ЮНКТАД/ВТО [ИТС, n. d.].

Общая характеристика внешней торговли НРС в товарном разрезе показывает высокую зависимость экономик от поставок минеральных ресурсов и товаров с высокой добавленной стоимостью, экспорт стран закономерно сосредоточен на продукции с низким уровнем переработки.

Таким образом, проведенный общий анализ характера вовлеченности НРС во внешнюю торговлю подчеркивает сложность выполнения задачи, закрепленной в ЦУР 17.11. Тенденция торговли НРС и БРИКС также не отличается позитивным трендом для выполнения указанной цели, так как экспорт НРС критически зависит от продаж сырья и ресурсов.

Наименее развитые страны по-разному вовлечены во внешнюю торговлю со странами БРИКС. Относительно заинтересованности в поставках в страны БРИКС наблюдается заметный перекося среди НРС – более 41% общего объема экспорта приходится на Анголу, доля которой в 2015 г. достигала 47%, стабильны поставки Мьянмы (10% от общего объема) и Демократической Республики Конго (6,8%), доли Бангладеш, Гвинеи и Лаоса составляют 6,8, 5,2 и 4,5% соответственно, доли еще 10 стран превышают 1% – это Мозамбик, Замбия, Камбоджа, Южный Судан, Танзания, Судан, Мавритания, Йемен и Непал. На остальные 32 страны приходится 10% общего экспорта. Таким образом, сложившиеся торговые связи НРС характеризуются неоднородностью: на четыре страны приходится 64,5% общего объема экспорта в страны мира и 59,7% в страны БРИКС, при этом остальные страны вовлечены во внешнюю торговлю в замет-

но меньшей степени. Учитывая наблюдаемую тенденцию, вопрос достижения ЦУР 17 может быть рассмотрен в двух направлениях: определение возможностей наращивания экспорта основными странами-экспортерами или выявление потенциала роста поставок странами, менее вовлеченными во внешнюю торговлю.

Оценка потенциала роста экспорта из НРС в БРИКС

Для оценки путей достижения задачи увеличения экспорта НРС, по мнению авторов, можно провести оценку потенциала торговли НРС и БРИКС с помощью торговых индексов. Предполагается, что выводы, сделанные в результате расчета торговых индексов, позволят выделить те НРС, развитие торговли с которыми принесет наибольший эффект для экономик стран БРИКС.

В первую очередь рассмотрен индекс склонности к экспорту³ [Mikic, Gilbert, 2009] НРС, определяющий долю экспорта в ВВП страны и характеризующий зависимость национальных производителей от спроса на внешних рынках⁴. Результаты расчета для всех НРС, за исключением Эритреи, Сомали и Южного Судана⁵, представлены в табл. 1.

Таблица 1. Индекс склонности к экспорту наименее развитых стран в страны БРИКС, 2018 г.

Страна	Значение индекса, %	Страна	Значение индекса, %	Страна	Значение индекса, %
Соломоновы острова	28,8	Камбоджа	4,1	Сьерра-Леоне	1,0
Ангола	25,7	Буркина-Фасо	3,4	Мали	0,4
Гвинея	25,0	Коморские острова	3,2	Сомали	0,4
Мозамбик	18,6	Судан	2,8	Эфиопия	0,3
Мавритания	12,4	Йемен	2,5	Джибути	0,3
Лесото	12,3	Танзания	2,4	Центрально-Африканская Республика	0,2
Демократическая Республика Конго	11,3	Бенин	2,3	Уганда	0,2
Бутан	10,4	Мадагаскар	2,1	Бурунди	0,2
Гвинея-Бисау	10,0	Малави	1,8	Гаити	0,2
Того	9,3	Нигер	1,8	Руанда	0,2
Лаос	8,3	Афганистан	1,7	Кирибати	0,1
Мьянма	8,1	Сенегал	1,7	Восточный Тимор	0,1

³ Индекс склонности к экспорту рассчитан по формуле $\frac{\sum_s X_{ds}}{GDP_d} \times 100$, где X_{ds} – экспорт рассматриваемой страны в страну-партнера, GDP_d – ВВП рассматриваемой страны.

⁴ Данные статистики международной торговли некоторых НРС публикуются на официальных сайтах с задержкой. С целью максимального охвата данных в исследовании торговые индексы рассчитаны по данным 2018 г.

⁵ Отсутствуют данные о ВВП за 2018 г.

Страна	Значение индекса, %	Страна	Значение индекса, %	Страна	Значение индекса, %
Замбия	7,5	Вануату	1,5	Тувалу	0,05
Либерия	7,2	Непал	1,3	Гамбия	0,002
Чад	5,4	Бангладеш	1,1	Сан-Томе и Принсипи	

Источник: Расчеты авторов на основе данных международного торгового центра ЮНКТАД/ВТО [ITC, n. d.].

Полученные результаты расчета индекса свидетельствуют о достаточно высокой заинтересованности в экспорте порядка десяти НРС, в том числе Соломоновых островов, Анголы, Гвинеи, Мозамбика, Мавритании, Лесото, Демократической Республики Конго, Бутана, Гвинеи-Бисау, значение индекса для которых превышает 10%. В то же время треть стран имеет значение индекса менее единицы, что подчеркивает отсутствие у этих государств заинтересованности в развитии торговых связей с БРИКС. Таким образом, для тех НРС, индекс склонности к экспорту в страны БРИКС у которых достаточно высок, можно предполагать наличие потенциала роста экспорта в краткосрочной перспективе.

Возвращаясь к нашему предложению, можно отметить, что индекс выявляет важность поставок в страны БРИКС как уже значимых экспортеров из наименее развитых стран – Анголы, Демократической Республики Конго, Гвинеи, Мозамбика, Мавритании, так и тех стран, которые по объемам экспорта не в числе лидеров, – Соломоновых островов, Лесото, Бутана, Гвинеи-Бисау.

Еще один важный торговый индекс, характеризующий внешнеторговые связи государств, – индекс интенсивности торговли [Cornia, Scognamillo, 2016]⁶. С его помощью может быть определена важность взаимного экспорта НРС и стран БРИКС по сравнению с общемировым экспортом НРС. Расчет индекса интенсивности был проведен как для отдельных стран БРИКС, так и для группы в целом. В последнем случае получены крайне низкие результаты интенсивности торговли, что говорит о направленности экспортных операций стран БРИКС и НРС на другие страны мира, а также предполагает в большей степени перспективность расширения торговых связей НРС с отдельными странами БРИКС, а не с объединением. Результаты расчета индекса интенсивности для каждой страны БРИКС и НРС представлены в табл. 2.

Таким образом, чем выше значение индекса, тем более интенсивные торговые связи наблюдаются между странами по сравнению с их торговыми связями с другими странами мира. Аналогично степени вовлеченности Бразилии и России во внешне-торговые отношения с НРС индекс интенсивности с ними не достигает даже единицы. Отсюда можно сделать вывод об отсутствии тесных торговых связей, а значит, и отчетливых перспектив для расширения экспорта. Подобная тенденция наблюдается и у наиболее значимого партнера НРС – Китая, что обусловлено ориентацией данной страны на торговлю со странами Европы, Азии и США. У Индии – второго по

⁶ Индекс интенсивности торговли рассчитывается по формуле $\frac{\sum_{sd} X_{sd} / \sum_{sw} X_{sw}}{\sum_{wd} X_{wd} / \sum_{wy} X_{wy}}$, где X_{sd} – взаимный

экспорт рассматриваемых стран, X_{sw} – общий экспорт рассматриваемых стран, X_{wd} – общий мировой экспорт в рассматриваемые страны, X_{wy} – мировой экспорт.

Таблица 2. Индекс интенсивности торговли наименее развитых страны и БРИКС, 2018 г.

Страна	Бразилия	Индия	Китай	Россия	ЮАР
Афганистан	0,007	0,164	0,003	0,022	0,002
Ангола	0,219	0,541	0,107	0,009	2,254
Бангладеш	0,335	1,041	0,076	0,111	0,235
Бенин	0,063	0,086	0,010	0,002	0,046
Бутан	0,000	0,101	0,000	0,000	0,000
Буркина-Фасо	0,005	0,103	0,001	0,006	0,090
Бурунди	0,000	0,007	0,000	0,002	0,009
Камбоджа	0,012	0,032	0,030	0,009	0,033
Центрально-Африканская Республика	0,000	0,004	0,000	0,000	0,008
Чад	0,001	0,084	0,001	0,000	0,008
Коморские острова	0,002	0,007	0,000	0,000	0,010
Демократическая Республика Конго	0,044	0,049	0,033	0,006	2,506
Джибути	0,010	0,132	0,008	0,003	0,236
Эритрея	0,000	0,001	0,000	0,002	0,033
Эфиопия	0,011	0,115	0,012	0,017	0,151
Гамбия	0,040	0,023	0,002	0,000	0,014
Гвинея	0,018	0,061	0,006	0,011	0,179
Гвинея-Бисау	0,002	0,018	0,000	0,000	0,002
Гаити	0,020	0,013	0,003	0,002	0,006
Кирибати	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
Лаос	0,001	0,025	0,013	0,027	0,001
Лесото	0,000	0,005	0,000	0,000	3,570
Либерия	0,059	0,027	0,009	0,001	0,111
Мадагаскар	0,009	0,045	0,005	0,004	0,679
Малави	0,003	0,030	0,001	0,006	1,218
Мали	0,005	0,023	0,002	0,008	3,095
Мавритания	0,019	0,018	0,008	0,030	0,084
Мозамбик	0,019	0,336	0,010	0,018	8,125
Мьянма	0,017	0,253	0,071	0,049	0,021
Непал	0,001	1,176	0,005	0,002	0,009
Нигер	0,013	0,017	0,001	0,000	0,007
Руанда	0,000	0,020	0,001	0,006	0,126
Сан-Томе и Принсипи	0,001	0,000	0,000	0,000	0,001
Сенегал	0,045	0,145	0,010	0,101	0,284
Сьерра-Леоне	0,017	0,016	0,001	0,000	0,109

Страна	Бразилия	Индия	Китай	Россия	ЮАР
Соломоновы острова	0,000	0,005	0,002	0,000	0,002
Сомали	0,027	0,070	0,003	0,001	0,029
Южный Судан	0,000	0,001	0,007	0,001	0,002
Судан	0,007	0,135	0,012	0,093	0,091
Танзания	0,008	0,289	0,017	0,035	1,060
Восточный Тимор	0,004	0,001	0,001	0,000	0,001
Того	0,033	0,064	0,009	0,035	0,129
Тувалу	0,000	0,000	0,000	0,000	0,001
Уганда	0,003	0,092	0,003	0,013	0,378
Вануату	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
Йемен	Н. д.	0,100	0,008	0,055	0,140
Замбия	0,003	0,077	0,010	0,001	5,719

Источник: Расчеты авторов на основе данных ООН [UN, n. d.]

значимости торгового партнера НРС – значения индекса превысили единицу с двумя странами – Бангладеш и Непалом, находящимися в территориальной близости и имеющими исторически сложившиеся внешнеторговые связи. Индекс интенсивности ЮАР показывает восемь стран НРС, с которыми имеются относительно более тесные торговые связи – это (в порядке убывания) Мозамбик, Замбия, Лесото, Мали, Демократическая Республика Конго, Ангола, Танзания и Малави. Таким образом, индекс интенсивности торговли позволил определить страны, относительно перспективные для увеличения торговли, – Лесото и Малави.

Подводя итог, можно отметить, что проведенный анализ внешнеторговых отношений стран БРИКС и НРС показывает достаточно малую вовлеченность НРС в поставки товаров в БРИКС – из 47 стран половину экспорта обеспечивают две страны (Ангола и Мьянма). Структура поставок сосредоточена на сырье и полезных ископаемых, а также фруктах и овощах, что в условиях необходимости достижения задачи по развитию экспорта НРС ЦУР предполагает увеличение добычи ресурсов и расширение объемов сельского хозяйства. Проведенный авторами расчет торговых индексов обнаруживает НРС, ориентированные на экспорт в страны БРИКС, а также выявляет несколько стран, торговля с которыми отличается интенсивностью с Индией и ЮАР.

Кластеризация НРС

Проведенный анализ перспектив наращивания экспорта из НРС в страны БРИКС и выполнения ЦУР 17.11 показал, что страны БРИКС напрямую заинтересованы в экспорте только немногих из наименее развитых стран. Значимыми препятствиями на пути развития экспорта выступают, безусловно, как внешние факторы ограничения торговли, так и внутренние экономические показатели.

Наименее развитые страны разнородны по структуре экономики и потенциалу наращивания экспорта, как со странами БРИКС, так и с другими странами мира, поэтому однотипный подход неприемлем. Некоторые НРС уже обладают потенциалом наращивания экспорта, в частности Бангладеш; некоторым требуется поддержка зарождающегося экспортного производства – например, Сенегал планирует в 2023 г. на-

чать добычу нефти. В то же время некоторые НРС не могут нарастить объемы экспорта или диверсифицировать его в силу небольшого населения или удаленности от основных рынков сбыта, что значимо увеличивает стоимость экспортных товаров, как, например, Сан-Томе и Принсипи. В связи с этим для определения приоритетных мер поддержки экспорта из наименее развитых стран предлагается разделить страны на перспективные с точки зрения роста экспорта в страны БРИКС и требующие альтернативного подхода (табл. 3).

Что касается НРС, перспективных с точки зрения роста экспорта в страны БРИКС, по итогам анализа внешнеторговых отношений НРС и стран БРИКС все наименее развитые страны могут быть разделены на три категории по степени увеличения относительной перспективности развития торговых связей. К первой категории относятся страны, имеющие в настоящее время высокие объемы экспорта в БРИКС (по сравнению с другими странами НРС), а также высокие результаты расчета обоих индексов. Это Ангола, Демократическая Республика Конго и Мозамбик (в табл. 3 данные страны отмечены в столбце 15, у них совпадают три критерия: их доля в экспорте в БРИКС выше 1%; значение индекса интенсивности торговли выше 10; значение индекса склонности к экспорту в любую страну БРИКС выше единицы). Ко второй категории могут быть отнесены страны, имеющие относительно значимые показатели экспорта в БРИКС и отмеченные одним из рассчитанных индексов. Это Бангладеш, Гвинея, Замбия, Танзания, Мавритания, Непал (в столбце 15 табл. 3 данные страны имеют цифру 2, то есть их доля в экспорте в БРИКС выше 1%; и либо значение индекса интенсивности торговли выше 10, либо значение индекса склонности к экспорту в любую страну БРИКС выше единицы). И в последнюю категорию включены государства, обозначенные индексами, однако не имеющие в настоящее время относительно заметных объемов поставок в БРИКС, — это Соломоновы острова, Лесото, Бутан, Непал, Гвинея-Бисау и Малави.

Страны, не вошедшие в перечень приоритетных для расширения торговли, были разделены на основании экономических показателей и структуры экономики. В первую очередь были выявлены *страны с сильной зависимостью от переводов мигрантов и официальной помощи развитию* (более 20% ВВП). Данный показатель был выделен в качестве приоритетного, поскольку, на наш взгляд, он оказывает значимое влияние на экономику страны, экономическую активность и эволюцию экономической структуры. В странах, зависимых от внешних источников финансирования, как правило, меньше роль внутреннего производства и потребления, сильна роль климатических факторов и природных катастроф, а также характерны особые стратегии развития, менее связанные с расширением местного производства и экспорта. Большинство из них либо обладают очень небольшим населением (Кирибати, Сан-Томе и Принсипи, Тувалу), либо находятся в состоянии войны (Сомали, Центрально-Африканская Республика, Афганистан), либо сильно зависят от природных факторов (Гаити).

Далее страны были разделены на кластеры в соответствии с ролью *основных секторов в экономике (сельское хозяйство, производство, услуги)*, как предложено Комитетом по политике в области развития ООН [Bellman, Tipping, 2015]. Критерием для деления стало увеличение доли конкретного сектора в ВВП за последние десять лет (с 2007 по 2017⁷ г.). При увеличении доли двух секторов одновременно за рассматриваемый период в качестве основного выбирался сектор с большим приростом добавленной стоимости. Следует отметить исключение — Бурунди, несмотря на рост сектора услуг, была

⁷ 2017-й год был выбран в связи с тем, что именно за этот год доступны последние данные по долям секторов для большинства наименее развитых стран. В то же время для некоторых стран последние доступные данные заканчиваются в 2015 г. (Вануату, Тувалу, Южный Судан).

Таблица 3. Кластеризация наименее развитых стран по перспективам торговли с БРИКС и структуре экономики

	Страна	ОПР, % ВВП		Сельское хозяйство, % ВВП		Занятость в с/х, % к общей занятости		Промышленность, % ВВП		Рента от природных ресурсов, % ВВП		Услуги, % ВВП		Переводы мигрантов, % ВВП		Экспорт НРС в БРИКС, млн долл.		Категории по торговле
		2018	2017	2017	2018	2017	2018	2017	2018	2017	2018	2017	2018	2017	2018			
Высокие объемы экспорта	Ангола	0,3	5,2	10,0	50,6	61,9	42,2	16,4	34,6	46,8	0,0	27 952	1					
	Демократическая Республика Конго	4,7	21,6	19,7	66,7	30,2	42,2	32,7	43,6	33,8	3,9	4 620	1					
	Мозамбик	12,2	23,8	25,0	71,6	18,9	24,0	19,5	47,6	40,9	2,0	2 083	1					
Относительно значимый экспорт	Бангладеш	3,1	17,8	13,4	42,7	24,5	27,8	0,7	52,9	53,5	5,7	3 517	2					
	Гвинея-Бисау	6,9	16,8	20,5	64,1	30,8	31,7	20,2	45,6	37,9	0,3	3 035	2					
	Мавритания	6,2	23,6	23,9	53,3	37,1	29,1	24,1	33,5	39,4	1,2	939	2					
	Непал	10,8	31,4	38,3	64,9	23,8	18,1	11,4	36,0	37,6	6,0	200	2					
	Танзания	3,9	23,2	28,7	66,9	23,2	25,1	6,6	45,5	37,9	0,7	1 268	2					
Индексы	Замбия	3,1	12,1	4,0	50,7	31,9	37,3	15,9	47,5	52,1	0,4	1 861	2					
	Бутан	6,7	16,7	15,0	57,1	45,1	41,8	3,9	35,2	38,1	2,4	247	3					
	Лесото	18,2	43,2	49,2	69,3	13,2	12,6	16,3	41,6	32,5	8,8	103	3					
	Малави	6,9	5,3	6,1	9,1	39,2	35,9	5,9	55,7	52,5	23,0	315	3					
	Соломоновы о-ва	10,9	27,5	26,1	45,2	18,1	14,4	9,6	44,5	52,4	2,6	172	3					

Непрспективные	Страна	ОПР, % ВВП		Сельское хозяйство, % ВВП		Занятость в с/х, % к общей занятости		Промышленность, % ВВП		Рента от природных ресурсов, % ВВП		Услуги, % ВВП		Переводы мигрантов, % ВВП		Экспорт НРС в БРИКС, млн долл.		Категории по торговле
		2018	2017	2018	2017	2018	2017	2018	2017	2018	2017	2018	2017	2018	2017			
ОПР и переводы мигрантов	Афганистан	6,0	31,2	27,1	13,2	67,0	15,9	13,2	1,1	48,8	51,0	28,6	699	3				
	Центрально-Африканская Республика	15,9	0,0	39,4	0,0	0,0	0,0	0,0	22,6	0,0	0,0	1,4	498	3				
	Гвинея-Бисау	24,5	30,1	20,5	22,1	45,8	26,9	22,1	0,7	40,3	52,7	4,1	558	0				
	Гаити	36,8	0,0	32,8	20,7	78,2	0,0	20,7	13,6	0,0	41,9	0,0	37	0				
	Кирибати	12,2	22,7	17,9	61,3	29,9	37,0	61,3	1,2	41,0	14,4	32,5	24	0				
	Нигер	47,7	23,2	30,8	12,4	Н. д.	10,5	12,4	0,1	62,4	63,4	9,5	2	0				
	Сан-Томе и Принсипи	21,0	41,0	39,7	15,9	75,7	13,2	15,9	13,3	39,5	38,3	3,2	228	0				
	Сомали	16,6	9,8	12,1	15,1	20,5	12,8	15,1	2,9	72,2	70,9	4,2	0	0				
	Тувалу	26,7	0,0	0,0	0,0	83,3	0,0	0,0	15,2	0,0	0,0	0,0	42	0				
	Бурунди	133,0	23,2	16,5	7,3	Н. д.	7,8	7,3	0,0	0,0	0,0	9,5	0	0				
	Коморские о-ва	13,9	42,9	39,7	11,0	92,0	17,2	11,0	16,2	39,9	49,3	1,6	17	0				
	Мали	10,1	29,0	31,9	9,1	51,4	12,4	9,1	2,4	54,3	54,2	13,8	27	0				
	Руанда	11,8	30,0	30,9	15,2	65,6	15,2	15,8	5,9	46,8	46,4	2,7	45	0				
	Сенегал	7,8	12,0	16,0	25,7	32,4	22,9	25,7	3,8	53,7	51,0	10,1	647	0				
Сьерра-Леоне	7,6	52,2	60,3	5,2	57,0	9,7	5,2	22,2	34,7	32,4	1,5	221	0					
Того	6,5	54,6	56,8	15,3	39,6	15,4	15,3	16,4	30,0	27,8	9,2	641	0					
Уганда	12,1	22,3	24,6	20,3	72,8	25,1	20,3	13,9	46,9	47,1	4,5	90	0					
Вануату	13,3	20,6	25,8	11,1	57,4	7,8	11,1	0,8	0,0	0,0	3,9	15	0					

	Страна	ОПР, % ВВП		Сельское хозяйство, % ВВП		Занятость в с/х, % к общей занятости	Промышленность, % ВВП		Рента от природных ресурсов, % ВВП	Услуги, % ВВП		Переводы мигрантов, % ВВП	Экспорт НРС в БРИКС, млн долл.	Категории по торговле
		2018	2017	2007	2018		2007	2017		2007	2018			
Неперспективные	Добывающие отрасли	Буркина-Фасо	12,1	29,9	28,3	28,0	17,4	20,7	20,0	45,8	42,1	3,2	605	0
		Чад	9,3	54,7	48,6	77,0	9,7	14,6	22,0	33,2	33,5	0,0	633	0
	Эритрея	3,2	24,3	0,0	62,3	19,2	0,0	19,1	0,0	0,0	0,0	210	0	
	Либерия	12,5	65,6	37,1	44,2	7,9	10,2	25,2	28,5	48,2	14,1	125	0	
	Южный Судан	9,7	0,0	10,4	57,4	36,6	33,1	42,4	0,0	56,6	0,0	1 559	0	
	Восточный Тимор	7,3	5,6	10,4	47,0	81,8	45,8	31,5	12,0	44,1	3,7	25	0	
	Йемен	9,5	9,9	6,0	29,4	49,5	42,1	1,9	31,5	19,1	12,4	888	0	
	Камбоджа	7,4	29,7	23,4	37,5	24,9	30,8	1,7	38,5	39,7	5,8	1 804	0	
	Эфиопия	6,5	42,3	33,8	68,2	11,6	23,6	10,6	39,1	36,6	0,5	471	0	
	Гамбия	20,9	23,6	21,0	29,1	11,9	17,9	5,8	57,4	53,4	12,5	104	0	
Производство	Лаос	3,8	25,8	16,2	65,0	25,4	30,9	10,2	41,7	41,5	1,3	2 178	0	
	Бенин	9,2	24,3	23,0	40,8	24,2	21,5	5,8	40,8	46,2	1,9	189	0	
	Джибути	12,6	0,0	1,4	35,5	0,0	11,8	0,7	0,0	79,7	2,0	42	0	
Услуги	Малагаскар	6,2	28,1	24,6	65,8	18,9	20,1	10,3	48,0	51,0	3,1	331	0	
	Мьянма	4,9	43,3	23,3	51,2	20,4	36,3	7,1	0,0	40,4	4,0	7 019	0	
	Судан	1,9	25,2	30,5	40,9	28,9	2,3	4,6	40,3	46,8	1,0	1 217	0	

Источники: Составлено авторами [OECD, n. d.; UN, n. d.; World Bank, n. d.]

отнесена к кластеру сельскохозяйственных стран в связи с исключительно высокой ролью сельского хозяйства в экономике (в данном секторе занято более 90% населения).

Также дополнительно был выделен кластер *стран, зависящих от добывающих отраслей*. Поскольку для большинства наименее развитых стран нет данных по добавленной стоимости сектора добычи, в качестве критерия был выбран показатель «природная рента», рассчитываемый Всемирным банком. К данному кластеру были отнесены страны, у которых природная рента составляет более 20% ВВП. Помимо этого, были добавлены Йемен (снижение роли добычи в связи с военным конфликтом) и Эритрея (отсутствие данных по структуре отраслей с 2011 г., близкая к 20% доля природной ренты в ВВП).

Возможные пути поддержки экспорта НРС странами БРИКС

Опираясь на предложенную кластеризацию, можно выделить потенциальные направления расширения экспорта из НРС. Учитывая активную вовлеченность пятерки в систему глобального управления, поддержки устойчивого развития и позиционирование себя как центра экспертизы для развивающихся экономик, страны БРИКС могли бы занять более активную позицию в решении проблемы достижения ЦУР, особенно в условиях сильной волатильности и неопределенности динамики международной торговли. В настоящее время в официальных документах страны БРИКС фактически ограничиваются декларированием поддержки устойчивого развития и развивающихся стран, не предлагая собственную амбициозную повестку в данной области.

Повестка БРИКС может включать как наращивание экспорта из выделенных в предыдущем разделе НРС, так и оказание консультативной и финансовой поддержки другим НРС.

В отношении НРС, перспективных с точки зрения наращивания экспорта в страны БРИКС, можно отметить следующее. Существующий режим торговли НРС и БРИКС характеризуется предоставлением странами БРИКС для большинства товаров, поставляемых из наименее развитых стран, торговых преференций в виде снижения до нуля ставок таможенных пошлин. Так, Китай применяет беспошлинный тариф к 97% товарных позиций из НРС, Индия – к 96,4%, Бразилия – к 80%, Россия (в рамках ЕАЭС) – к 61,4% [UN, 2018; WTO, 2019]⁸. По приблизительным оценкам ОЭСР, меры, применяемые странами мира для упрощения процедур торговли, в целом могут сократить торговые издержки для стран с низким уровнем дохода на 14,5% [Воронцова, 2018]. Эмпирические расчеты, проведенные специалистами ООН в 2016 г., также подтверждают значимость использования таких мер в торговле для НРС [Klassen et al., 2016]. Учитывая, что страны БРИКС, особенно Китай и Индия, являются лидерами по тарифным преференциям для НРС среди развивающихся стран, действующие меры уже вносят значительный вклад в поддержку экспорта из НРС. Это подтверждается также превышением объемов китайского импорта из НРС над импортом ЕС [Лисица, 2017]. В то же время в рамках исследования можно предложить меры, которые будут способствовать разрешению многих сложностей, сопутствующих преференциальному режиму в торговле для НРС. Неурегулированность некоторых вопросов приводит к тому, что НРС не в полном объеме используют предоставляемые преференции, в том числе странами БРИКС [Лард, 2015; WTO, 2020a].

⁸ В отношении ЮАР на официальных сайтах международных организаций отсутствует информация о предоставлении тарифных преференций для НРС.

Значимую роль в снижении издержек при экспорте продукции играет единообразие правил, применяемых странами БРИКС, их прозрачность и открытость. Таким образом, перспективно на площадке БРИКС обсуждение возможности создания единых перечней стран НРС, которые вправе воспользоваться тарифными преференциями, а также конкретизация экономических параметров отнесения стран к наименее развитым. Поскольку правила происхождения товаров, применяемые к продукции из НРС, существенно различаются, важным становится формирование единого информационного окна с требованиями (получение сертификата, прохождение административных процедур и проч.) к получению преференций для экспортеров из стран НРС. Прорывным может стать обсуждение на площадке БРИКС вопроса о кумулятивном исчислении вклада всех стран НРС в экспортируемую из одной из них продукцию, то есть определение случаев, когда товар может считаться для целей получения тарифных преференций стран БРИКС «произведенным в НРС» [Лисица, 2017]. На наш взгляд, значимым также является выступление единым блоком БРИКС по данному вопросу на международных площадках, в частности в ВТО, и поддержка по мере возможности инициатив коллег по объединению в данной сфере.

В отношении НРС, неперспективных с точки зрения наращивания экспорта, но имеющих высокую зависимость от переводов мигрантов и официальной помощи развитию, можно отметить следующее. В силу слабой предсказуемости потоков помощи развитию и возможности ее сокращения в кризисной ситуации, как это происходило в предшествующие кризисные периоды [Балтер, Морозкина, 2018], большая доля данного источника финансирования в ВВП сама по себе становится источником нестабильности, особенно в текущих условиях. Несмотря на заявление ключевых стран-доноров о «стремлении к защите бюджетов, выделенных на официальную помощь развитию» [ОЕСД, 2020], сделанное 6 апреля 2020 г., безусловно, не все страны-доноры могут выполнить взятое обязательство. Поэтому для защиты НРС в будущие периоды страны БРИКС могут предложить создание специальных общих фондов поддержки НРС, в частности, выделяющих средства на развитие экспортных отраслей, которые не будут зависеть от состояния бюджетов отдельных стран-доноров.

Наибольшая поддержка экспорта требуется странам, неперспективным с точки зрения увеличения экспорта, но имеющим высокую долю сельскохозяйственного и добывающего секторов. В первом случае это связано с климатическими условиями и зависимостью от погоды, а также волатильностью цен на сельскохозяйственные товары. Для роста и повышения устойчивости экспорта таких стран может быть применен опыт стран БРИКС по развитию точного земледелия и цифровизации сельского хозяйства. Некоторые из НРС уже принимают меры в данных областях, в частности, в Уганде создано приложение для проведения аукционов по продаже фермерами своей продукции, технический центр по сельскохозяйственной и сельской кооперации создает базу данных по фермерам, а в Танзании разработано приложение, содержащее лучшие практики по выращиванию определенных сельскохозяйственных культур [Krishnan, 2018]. Из стран БРИКС в этих областях наибольших успехов добилась Бразилия [Borghi et al., 2016], однако и остальные страны пятерки активно реализуют национальные стратегии в данной области.

Для наименее развитых стран с высокой долей добывающего сектора, как правило, характерен высокий уровень безработицы и низкий уровень человеческого капитала, что препятствует диверсификации экономики и дальнейшему развитию, в том числе экспорта. В случае таких стран можно использовать опыт стран БРИКС, в частности России, по применению бюджетного правила и созданию фонда, аккумулирующего средства, полученные от экспорта природных ресурсов в период высоких цен.

Использование данного фонда для стабилизации в период кризиса или для реализации долгосрочных проектов в области развития (инфраструктура, здравоохранение, образование) может позволить в перспективе диверсифицировать экономику страны и увеличить несырьевой экспорт.

Выводы

В статье проанализированы основные тенденции экспорта из НРС в страны БРИКС, оценены перспективы выполнения ЦУР 17 в части торговли с наименее развитыми странами и предложена кластеризация наименее развитых стран с точки зрения приоритетных мер для поддержки со стороны стран БРИКС.

В отличие от предложенной ранее кластеризации НРС [Cornia, Scognamillo, 2016], разделяющей страны только на основании национальных характеристик (население, основной сектор экономики, состояние войны), проведенное исследование позволило выделить те наименее развитые страны, с которыми БРИКС может напрямую нарастить объемы торговли (13 из 47). При этом следует отметить, что большая их часть находится в Африке и самые интересные перспективы связаны с наращиванием экспорта в ЮАР и в Индию. Бразилия и Россия при прямолинейном подходе оказываются практически не вовлеченными в выполнение данной цели. Для формирования активной амбициозной повестки БРИКС в области реализации ЦУР 17 авторами предложена кластеризация НРС на основании перспективности прямого развития торговли и структуры экономики НРС. Особо отмечено, что в силу различий экономик НРС единообразный подход при решении вопроса не может быть применен.

Предложенные авторами потенциальные направления поддержки экспорта НРС со стороны БРИКС могут стать отправной точкой для наращивания торгово-экономических отношений между странами, а также повысить вклад БРИКС в расширение международной торговли и повестку в области развития. Создание единых перечней стран НРС, которые вправе воспользоваться тарифными преференциями, а также формирование единого информационного окна с требованиями к получению преференций не только конкретизирует требования к поставщикам из НРС и значительно упростит им доступ на рынки стран БРИКС, но и позитивно отразится на имидже стран БРИКС. Подобный эффект ожидается и от создания специальных общих фондов поддержки НРС, в частности, выделяющих средства на развитие экспортных отраслей, которые не будут зависеть от состояния бюджетов отдельных стран-доноров. Возможности использования НРС опыта стран БРИКС в части расширения технологий точного земледелия и цифровизации сельского хозяйства, а также применения бюджетного правила и создания резервного фонда могут позитивно отразиться на инвестиционных потоках из БРИКС в НРС, создании совместных производств, экспорте наукоемких и других услуг из стран БРИКС. Выступление единым блоком стран БРИКС по вопросу достижения ЦУР 17.11 на международных площадках, в частности в ВТО, и поддержка, по возможности, инициатив коллег по объединению в данной сфере может привести к укреплению взаимных внешнеэкономических отношений и формированию политических коалиций по другим направлениям.

Таким образом, страны БРИКС могут оказать поддержку развитию экспорта не только тех стран, с которыми они сотрудничают напрямую в области торговли, но и реализовать свой потенциал как центра экспертизы и поддержки развивающихся стран путем содействия росту экспорта из других НРС, которые пока не представляют интереса для БРИКС с точки зрения увеличения импорта. Обозначенные авторами на-

правления могут иметь позитивные последствия не только для экономик наименее развитых стран, но и для стран БРИКС. Такие последствия могут быть уточнены при дальнейшем исследовании данного вопроса.

Источники

- Балтер Е., Морозкина А. (2018). Распределение двусторонней помощи международному развитию: изменения после финансового кризиса // Вестник московского университета. Сер. 6. Экономика. № 4. С. 100–122.
- Бобылев С.Н., Соловьева С.В. (2016). ООН: смена целей // Мировая экономика и международные отношения. Т. 60. № 5. С. 30–39.
- Воронцова Н.А. (2018). Всемирная торговая организация: к вопросу об упрощении таможенных процедур торговли. Ч. II // Московский журнал международного права. № 3. С. 53–64. DOI: 10.24833/0869-0049-2018-3-53-64.
- Лард С. (2015). Обзор систем торговых преференций для беднейших стран // Торговая политика. № 1/1. С. 31–77.
- Лисица Е.С. (2017). Наименее развитые страны: проблемы развития и интеграции в мировую экономику // Экономика. Управление. Инновации. № 3 (2). С. 80–86.
- Морозкина А.К. (2018). БРИКС в системе содействия международному развитию // Обеспечение устойчивого развития: финансовые инициативы стран БРИКС: материалы научно-практической конференции. РИСИ, 24 октября 2017 г. М.: РИСИ, 2018. С. 148–158.
- Светличный А.И. (2018). Устойчивое развитие и Новый банк развития БРИКС: анализи перспективы // Вопросы государственного и муниципального управления. № 1. С. 68–88.
- Хмелевская Н.Г. (2018). Контурь диалога БРИКС по устойчивому развитию в реалиях внешнеторговых отношений // Вестник международных организаций. Т. 13. № 4. С. 74–95. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-04-04.
- Basile E., Cecchi C. (2019). The Uncertain Sustainability of BRICS Strategies for Sustainable Development. Режим доступа: <http://www.nkibrics.ru/posts/show/5cfa4f8e6272692ee0100000> (дата обращения: 10.12.2020).
- Bellman C., Tipping A. (2015). The Role of Trade and Trade Policy in Advancing the 2030 Development Agenda // International Development Policy. 6.2. DOI: 10.4000/poldev.2149.
- Borghi E., Avanzi J., Bortolon L., Luchiari A. (Junior), Bortolon E. (2016). Adoption and Use of Precision Agriculture in Brazil: Perception of Growers and Service Dealership // Journal of Agricultural Science. Vol. 8. No. 11. DOI: 10.5539/jas.v8n11p89.
- BRICS (2009). Joint Statement of the BRIC Countries' Leaders. Режим доступа: <http://www.brics.utoronto.ca/docs/090616-leaders.html> (дата обращения: 10.12.2020).
- BRICS (2016). Goa Declaration. Режим доступа: <http://www.brics.utoronto.ca/docs/161016-go.html> (дата обращения: 10.12.2020).
- Cornia G.A., Scognamillo A. (2016). Clusters of Least Developed Countries, their evolution between 1993 and 2013, and policies to expand their productive capacity // CDP Background Paper No. 33 (ST/ESA/2016/CDP/33). Режим доступа: <https://www.un.org/development/desa/dpad/publication/background-paper-33/> (дата обращения: 10.12.2020).
- Donno D., Rudra N. (2019). David and Goliath? Small Developing Countries, Large Emerging Markets, and South-South Preferential Trade Agreements // International Studies Quarterly. Vol. 63. P. 574–588. DOI: 10.1093/isq/sqz041.
- Flento D., Ponte S. (2017). Least-Developed Countries in a World of Global Value Chains: Are WTO Trade Negotiations Helping? // World Development. Vol. 94. P. 366–374. DOI: 10.1016/j.worlddev.2017.01.020.

- Gay D. (2018). International Support for the Least Developed Countries: A Different Way? United Nations. Режим доступа: <https://www.un.org/ldcportal/international-support-for-the-least-developed-countries-a-different-way/> (дата обращения: 10.12.2020).
- Government of Brazil (2017). Voluntary National Review on the Sustainable Development Goals. Brazil. Режим доступа: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/15806Brazil_English.pdf (дата обращения: 10.12.2020).
- Government of China (2017). China's Progress Report on Implementation of the 2030 Agenda for Sustainable Development. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. Режим доступа: [http://www.chinadaily.com.cn/specials/China'sProgressReport2\(CN\).pdf](http://www.chinadaily.com.cn/specials/China'sProgressReport2(CN).pdf) (дата обращения: 10.12.2020).
- Government of India (2017). Voluntary National Review on the Sustainable Development Goals. India. Режим доступа: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/16693India.pdf> (дата обращения: 10.12.2020).
- Government of South Africa (2019). Voluntary National Review on the Sustainable Development Goals // South Africa. Режим доступа: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/23402RSA_Voluntary_National_Review_Report__The_Final_24_July_2019.pdf (дата обращения: 10.12.2020).
- Krishnan A. (2018). How AgTech is changing East African economies // Overseas Development Institute. Режим доступа: <https://www.odi.org/blogs/10693-how-agtech-changing-east-african-economies> (дата обращения: 10.12.2020).
- Mikic M., Gilbert J. (2009). Trade Statistics in Policymaking a Handbook of Commonly Used Trade Indices and Indicators // UNESCAP. Режим доступа: <https://www.unescap.org/resources/trade-statistics-policy-making-handbook-commonly-used-trade-indeces-and-indicators-revised> (дата обращения: 10.12.2020).
- Navarro-Pabsdorf R.M., Martínez-Alcalá C., Moral-Pajares E. (2020). Can International Trade Help Africa's Least Developed Countries Achieve SDG-1? // Sustainability. 12 (11). 4470. Режим доступа: <https://www.mdpi.com/2071-1050/12/11/4470> (дата обращения: 14.12.2020).
- Nowak W. (2016). China-Africa and India-Africa Trade in the Years 2000–2014 // Procedia Economics and Finance. Vol. 39. P. 140–146. DOI: 10.1016/S2212-5671(16)30261-1.
- OECD (2020). Joint Statement by the OECD Development Assistance Committee on the Covid-19 Crisis. Режим доступа: <https://www.oecd.org/dac/development-assistance-committee/daccovid19statement.htm> (дата обращения: 10.12.2020).
- Reinert E. (2009). The Terrible Simplifiers: Common Origins of Financial Crises and Persistent Poverty in Economic Theory and the new “1848 Moment”. DESA Working Paper No. 88.
- Sachs J., Schmidt-Traub G., Kroll C., Lafortune, G., Fuller G., Woelm F. (2020). The Sustainable Development Goals and COVID-19. Sustainable Development Report 2020. Cambridge: Cambridge University Press.
- UN (2018). Handbook on Duty-Free and Quota-Free Market Access and Rules of Origin for LDCs. Part II: Other Developed Countries and Developing Countries. United Nations. Режим доступа: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/aldc2018d5part2_en.pdf (дата обращения: 10.12.2020).
- UN (2019). The Least Developed Countries Report. N. Y.: United Nations Publications.
- UNDP (2016). Trade Preferences for Least Developed Countries. Are they Effective? Preliminary Econometric Evidence. United Nations Committee for Development Policy. Режим доступа: <https://www.un.org/development/desa/dpad/wp-content/uploads/sites/45/publication/CDP-review-2016-4.pdf> (дата обращения: 10.12.2020).
- WTO (2019). Market Access for Products and Services of Export Interest to Least Developed Countries. Note by Secretariat (WT/COMTD/LDC/W/67).
- WTO (2020a). List of Preferential Trade Arrangements WTO. Режим доступа: <http://ptadb.wto.org/ptaList.aspx> (дата обращения: 10.12.2020).
- WTO (2020b). Trade Forecast Press Conference. Режим доступа: https://www.wto.org/english/news_e/spra_e/spra303_e.htm (дата обращения: 10.12.2020).

BRICS and Partnerships for Sustainable Development: Prospects for Trade with Least Developed Countries¹

A. Morozkina, V. Skryabina

Aleksandra Morozkina – PhD, Senior Researcher of the Scientific Research Financial Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation; bldg. 2, 3 Nastasyinsky Pereulok, Moscow, 127006, Russian Federation; Associate Professor, National Research University Higher School of Economics; 17 Malaya Ordynka Ulitsa, Moscow, 127006, Russian Federation; E-mail: a.k.morozkina@gmail.com

Valentina Skryabina – PhD, Lead Advisor Analytical Center for the Government of the Russian Federation, Lecturer National Research University Higher School of Economics; 13 bldg. 4 Myasnitskaya Ulitsa, Moscow, Russian Federation; E-mail: skryabina.valentina@gmail.com

Abstract

The informal BRICS group (Brazil, Russia, India, China and South Africa) is actively working to solve the most acute global problems. This is why opportunities for implementing the sustainable development goals (SDGs) at BRICS summits is a topic for urgent research. This article discusses the prospects for achieving SDG 17.11 by the least developed countries (LDCs) in the framework of mutual trade with BRICS. SDG 17.11, unlike other goals, was expected to be achieved in 2020, but World Trade Organization (WTO) estimates for 2018 showed that progress was too slow. Against the sharp drop in international trade in 2020 due to economic shutdowns, the implementation of this goal is especially high on the agenda. This article describes the current implementation of the SDG by BRICS. A general analysis of mutual trade between LDCs and BRICS shows the low involvement of least developed countries in trade with BRICS. The methodology for the study involves computations of two trade indices and the identification of new clusters of LDCs. The export propensity index and trade intensity index are calculated in order to identify the countries with the most promise to increase exports to BRICS. The authors selected 15 LDCs with prospects for trade development with BRICS – Angola, Democratic Republic of the Congo, Mozambique, Bangladesh, Guinea, Mauritania, Mali, Guinea-Bissau, Nepal, Tanzania, Zambia, Bhutan, Lesotho, Malawi and Solomon Islands. Among 34 other LDCs, the authors identify five clusters based on their economic structure, including the role played in their economies by official development assistance (ODA) and personal remittances. Clustering allows BRICS to provide targeted support to LDCs in order to increase their export potential through the most effective mechanisms for each economy.

Key words: Sustainable Development Goals; SDG 17; international trade; least developed countries; BRICS; trade indices

For citation: Morozkina A., Skryabina V. (2021). BRICS and Partnerships for Sustainable Development: Prospects for Trade with Least Developed Countries. *International Organisations Research Journal*, vol. 16, no 1, pp. 85–106 (in English). DOI: 10.17323/1996-7845-2021-01-04

References

- Azevêdo R. (2020). *Remarks: Trade Forecast Press Conference*, 8 April. World Trade Organization. Available at: https://www.wto.org/english/news_e/spra_e/spra303_e.htm (accessed 10 December 2020).
- Balter E., Morozkina A. (2018). Raszpredelenie dvustoronnej pomoshchi mezhdunarodnomu razvitiyu: izmeneniya posle finansovogo krizisa [Bilateral Aid Allocation for International Development: Impact of the Financial Crisis]. *Vestnik moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika*, no 4, pp. 100–22 (in Russian).
- Basile E., Cecchi C. (2019). *The Uncertain Sustainability of BRICS Strategies for Sustainable Development*. *BRICS National Research Committee*, 7 June. Available at: <http://www.nkibrics.ru/posts/show/5cfa4f8e6272692ee0100000> (accessed 10 December 2020).

¹ The editorial board received the article in November 2020.

- Bellman C., Tipping A. (2015). The Role of Trade and Trade Policy in Advancing the 2030 Development Agenda. *International Development Policy*, vol. 6, no 2. Available at: <https://doi.org/10.4000/poldev.2149>.
- Bobylev S.N., Solov'eva S.V. (2016). OON: Smena Celej [United Nations: Redefining Goals]. *World Economy and International Relation*, vol. 60, no 5, pp. 30–9 (in Russian).
- Borghi E., Avanzi J., Bortolon L., Luchiaro A. Junior, Bortolon E. (2016). Adoption and Use of Precision Agriculture in Brazil: Perception of Growers and Service Dealership. *Journal of Agricultural Science*, vol. 8, no 11. Available at: <http://doi.org/10.5539/jas.v8n11p89>.
- BRIC (2009). *Joint Statement of the BRIC Countries' Leaders*. Yekaterinburg, 16 June. Available at: <http://www.brics.utoronto.ca/docs/090616-leaders.html> (accessed 10 December 2020).
- BRICS – Russia (2020). *Priorities of the Russian Federation Presidency in BRICS*. Available at: https://brics-russia2020.ru/russia_in_brics/20191226/1362/Priority-predsedatelstva-Rossiyskoy-Federatsii-v-BRIKS.html (accessed 10 December 2020) (in Russian).
- BRICS (2016). *Goa Declaration*. Goa, 16 October. Available at: <http://www.brics.utoronto.ca/docs/161016-go.html> (accessed 10 December 2020).
- Cornia G.A., Scognamiglio A. (2016). Clusters of Least Developed Countries, Their Evolution Between 1993 and 2013, and Policies to Expand Their Productive Capacity. *CDP Background Paper*, no 33 (ST/ESA/2016/CDP/33), United Nations Committee for Development Policy. Available at: <https://www.un.org/development/desa/dpad/publication/background-paper-33/> (accessed 10 December 2020).
- Donno D., Rudra N. (2019). David and Goliath? Small Developing Countries, Large Emerging Markets, and South-South Preferential Trade Agreements. *International Studies Quarterly*, vol. 63, no 3, pp. 574–88. Available at: <https://doi.org/10.1093/isq/sqz041>.
- Flento D., Ponte S. (2017). Least-Developed Countries in a World of Global Value Chains: Are WTO Trade Negotiations Helping? *World Development*, vol. 94, pp. 366–74. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2017.01.020>.
- Gay D. (n. d.). *International Support for the Least Developed Countries: A Different Way? United Nations LDC Portal*. Available at: <https://www.un.org/ldcportal/international-support-for-the-least-developed-countries-a-different-way/> (accessed 10 December 2020).
- Government of Brazil (2017). *Voluntary National Review on the Sustainable Development Goals*. Available at: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/15806Brazil_English.pdf (accessed 10 December 2020).
- Government of China (2017). *China's Progress Report on Implementation of the 2030 Agenda for Sustainable Development*. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. Available at: [http://www.chinadaily.com.cn/specials/China'sProgressReport2\(CN\).pdf](http://www.chinadaily.com.cn/specials/China'sProgressReport2(CN).pdf) (accessed 10 December 2020).
- Government of India (2017). *Voluntary National Review Report on the Implementation of the Sustainable Development Goals*. Available at: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/16693India.pdf> (accessed 10 December 2020).
- Government of South Africa (2019). *Voluntary National Review: Empowering People and Ensuring Inclusiveness and Equality*. Available at: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/23402RSA_Voluntary_National_Review_Report_The_Final_24_July_2019.pdf (accessed 10 December 2020).
- International Trade Centre (ITC) (n. d.). Available at: <https://www.trademap.org/Index.aspx> (accessed 7 March 2021).
- Khmelevskaya N. (2018). BRICS' Sustainable Development Dialog: Framing Contours to a Common Agenda Through the Intragroup Trade. *International Organisations Research Journal*, vol. 13, no 4, pp. 74–95. Available at: <http://doi.org/10.17323/1996-7845-2018-04-04>.
- Klassen S., Martínez-Zarzoso I., Nowak-Lehmann F., Bruckner M. (2016). Trade Preferences for Least Developed Countries. Are they Effective? Preliminary Econometric Evidence. *CDP Policy Review*, no 4. United Nations Committee for Development Policy. Available at: <https://www.un.org/development/desa/dpad/wp-content/uploads/sites/45/publication/CDP-review-2016-4.pdf> (accessed 10 December 2020).
- Krishnan A. (2018). How AgTech Is Changing East African Economies. *Insight Blog*, 1 October. Overseas Development Institute. Available at: <https://www.odi.org/blogs/10693-how-agtech-changing-east-african-economies> (accessed 10 December 2020).

- Laird S. (2015). Obzor sistem torgovykh preferentsii dlya bedneishikh stran [A Review of Trade Preference Schemes for the World's Poorest Countries]. *Trade Policy*, no 1/1, pp. 31–77 (in Russian).
- Lisitsa K. (2017). Naimenee razvitye strany: problemy razvitiya i integratsii v mirovuyu ekonomiku [Least Developed Countries: Problems of Development and Integration into the World Economy]. *Ekonomika. Upravlenie. Innovatsii*, vol. 3, no 2, pp. 80–6 (in Russian).
- Mikic M., Gilbert J. (2009). *Trade Statistics in Policymaking: A Handbook of Commonly Used Trade Indices and Indicators. United Nations Economic and Social Commission for Asia and the Pacific (UN ESCAP)*. Available at: <https://artnet.unescap.org/publications/books-reports/trade-statistics-policymaking-handbook> (accessed 7 March 2021).
- Morozkina A.K. (2017). BRIKS v sisteme sodejstviya mezhdunarodnomu razvitiyu [BRICS in the International Development Assistance Framework]. *Securing Sustainable Development: Financial Initiatives of BRICS Countries: Proceedings of Workshop RISS, 24 October*. Moscow: RISS, pp. 148–58 (in Russian).
- Navarro-Pabsdorf R.M., Martínez-Alcalá C., Moral-Pajares E. (2020). Can International Trade Help Africa's Least Developed Countries Achieve SDG-1? *Sustainability*, vol. 12, no 4470. Available at: <https://doi.org/10.3390/su12114470>.
- Nowak W. (2016). China-Africa and India-Africa Trade in the Years 2000–2014. *Procedia Economics and Finance*, vol. 39, pp. 140–6. Available at: [https://doi.org/10.1016/S2212-5671\(16\)30261-1](https://doi.org/10.1016/S2212-5671(16)30261-1).
- Organisation for Economic Co-Operation and Development (OECD) (2020). *Joint Statement by the OECD Development Assistance Committee on the Covid-19 Crisis*. 9 April. Available at: <https://www.oecd.org/dac/development-assistance-committee/daccovid19statement.htm> (accessed 10 December 2020).
- Organisation for Economic Co-Operation and Development (OECD) (n. d.). *International Development Statistics*. Available at: <https://stats.oecd.org/qwids/> (accessed 7 March 2021).
- Reinert E. (2009). The Terrible Simplifiers: Common Origins of Financial Crises and Persistent Poverty in Economic Theory and the New “1848 Moment.” DESA Working Paper no. 88, ST/ESA/2009/DWP/88, UN Department of Economic and Social Affairs. Available at: https://www.un.org/esa/desa/papers/2009/wp88_2009.pdf (accessed 7 March 2021).
- Sachs J., Schmidt-Traub G., Kroll C., Lafortune G., Fuller G., Woelm F. (2020). *The Sustainable Development Goals and COVID-19. Sustainable Development Report 2020*. Cambridge: Cambridge University Press. Available at: <https://doi.org/10.1111/padr.12366>.
- Svetlichnyi A.I. (2018). Ustoychivoe razvitie i Noviy bank razvitiya BRIKS: analiz i perspektivy [Sustainable Development and BRICS New Development Bank: Analysis and Perspectives]. *Public Administration Issues*, no 1, pp. 68–88. Available at: <https://vgmu.hse.ru/data/2018/04/05/1164630854/%D0%A1%D0%B2%D0%B5%D1%82%D0%BB%D0%B8%D1%87%D0%BD%D1%8B%D0%B9%201-2018.pdf> (accessed 7 March 2021) (in Russian).
- United Nations (UN) (2018). *Handbook on Duty-Free and Quota-Free Market Access and Rules of Origin for LDCs*. Part II: Other Developed Countries and Developing Countries. United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD). Available at: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/aldc2018d5part2_en.pdf (accessed 10 December 2020).
- United Nations (UN) (2019). *The Least Developed Countries Report*. United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD). Available at: <https://unctad.org/webflyer/least-developed-countries-report-2019> (accessed 7 March 2021).
- United Nations (UN) (n. d.). *Comtrade Database*. Available at: <https://comtrade.un.org> (accessed 7 March 2021).
- Vorontsova N.A. (2018). Vsemirnaya torgovaya organizatsiya: k voprosu ob uproshtchenii tamozhennykh protsedur torgovli. Chast' II [World Trade Organization: On the Facilitation of Customs Procedures for Trade. Part II]. *Moscow Journal of International Law*, no 3, pp. 53–64. Available at: <http://doi.org/10.24833/0869-0049-2018-3-53-64> (in Russian).
- World Bank (n. d.). *Databank: World Development Indicators*. Available at: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (accessed 7 March 2021).
- World Trade Organization (WTO) (2020). *List of Preferential Trade Arrangements*. Available at: <http://ptadb.wto.org/ptaList.aspx> (accessed 10 December 2020).

World Trade Organization (WTO) (2019). Market Access for Products and Services of Export Interest to Least Developed Countries. Note by the Secretariat (WT/COMTD/LDC/W/67). Available at: [https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S006.aspx?Query=\(\(@Symbol=%20wt/comtd/lcd/w/*\)%20and%20@Title=%20\(market%20access%20for%20products%20and%20services%20of%20export%20interest\)\)&Language=ENGLISH&Context=FomerScriptedSearch&languageUIChanged=t](https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/FE_Search/FE_S_S006.aspx?Query=((@Symbol=%20wt/comtd/lcd/w/*)%20and%20@Title=%20(market%20access%20for%20products%20and%20services%20of%20export%20interest))&Language=ENGLISH&Context=FomerScriptedSearch&languageUIChanged=t) (accessed 7 March 2021).

ЕВРАЗИЯ В ЭПОХУ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

Существующие механизмы Шанхайской организации сотрудничества и проблемы борьбы с нетрадиционными вызовами безопасности¹

С. Фань

Фань Сюэсун – к.полит.н., старший преподаватель факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; Российская Федерация, Москва, ул. Малая Ордынка, д. 17, стр. 2; E-mail: xfan@hse.ru

Центральная Азия имеет чрезвычайно важное значение для безопасности России, Китая и региона Евразии как исторически, так и на современном этапе развития. Нетрадиционные вызовы безопасности во главе с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом, которые в официальной китайской риторике и официальных документах ШОС обозначаются термином «три силы зла», представляют серьезный вызов для безопасности Китая, России, стран Центральной Азии и Евразии в целом.

За двадцать лет существования ШОС ее страны-участницы, исходя из «шанхайского духа», создали уникальные законодательные и организационные механизмы для совместного удара по «трем силам зла», а также механизмы двусторонних и многосторонних антитеррористических учений. Главные из них – совместные учения «Мирная миссия», которые проводятся регулярно с 2005 г.

Эти механизмы внутри ШОС воплощают дух солидарности, взаимодоверия и сотрудничества, отражают способность ее членов к совместному противодействию «трем силам зла» и реагированию на связанные с ними проблемы, а также символизируют решительность ШОС для защиты стабильности в регионе и мира во всем мире. ШОС внесла заметный вклад в обеспечение безопасности в регионе. Тем не менее перед лицом существующих проблем и новых вызовов, таких как потенциальные разногласия и конкуренция внутри Организации, проблемы с новыми государствами-членами после расширения состава, а также неэффективность функционирования некоторых инструментов безопасности ШОС, всем участникам необходимо укреплять сотрудничество и искать новые пути, чтобы ШОС смогла сыграть свою уникальную роль в обеспечении безопасности не только на территории стран-участниц, но также и Евразии в целом. Новая модель «российско-китайских отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающего в новую эпоху», лежащая в основе ШОС, придает Организации большую устойчивость. ШОС – уникальная организация на территории Евразии. Она реализовала важную инновацию теории и практики международных отношений, открыла новую модель регионального сотрудничества. Поэтому можно с высокой степенью уверенности утверждать, что многостороннее сотрудничество в сфере безопасности будет постепенно углубляться.

Ключевые слова: ШОС; нетрадиционные вызовы безопасности; «три силы зла»; терроризм; антитеррористические учения; региональная безопасность; российско-китайское сотрудничество; Центральная Азия

Для цитирования: Фань С. (2021). Существующие механизмы Шанхайской организации сотрудничества и проблемы борьбы с нетрадиционными вызовами безопасности // Вестник международных организаций. Т. 16. № 1. С. 107–126 (на русском и английском языках). DOI: 10.17323/1996-7845-2021-01-05

¹ Статья поступила в редакцию в ноябре 2020 г.

Введение

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), несмотря на заявленное многообразие целей и задач, исторически формировалась прежде всего как механизм обеспечения взаимного доверия в военно-политической сфере и укрепления региональной безопасности. Эти цели отражены в обширной базе документов ШОС, последовательное расширение которой свидетельствует, с одной стороны, о накоплении опыта взаимодействия между государствами-членами, с другой — о ее недостаточности для обеспечения безопасности. Терминология, правовая рамка, выработанная в рамках ШОС, может служить опорой при возможном создании международных соглашений, например, в рамках ООН.

В основном документе Организации, Хартии ШОС, принятом 7 июня 2002 г. в Санкт-Петербурге, указаны главные цели и задачи данного международного регионального образования: «...развитие многопрофильного сотрудничества в целях поддержания и укрепления мира, безопасности и стабильности в регионе, содействия построению нового демократического, справедливого и рационального политического и экономического международного порядка» и «совместное противодействие терроризму, сепаратизму и экстремизму во всех их проявлениях, борьба с незаконным оборотом наркотиков и оружия, другими видами транснациональной преступной деятельности, а также незаконной миграцией» [Хартия ШОС, 2002].

Терроризм, экстремизм и сепаратизм в официальной китайской риторике обозначаются термином «три силы зла» (кит. “三股势力”). Это три силы, которые в качестве нетрадиционной угрозы представляют серьезный вызов для безопасности КНР, стран Центральной Азии, России, а также Евразии в целом. В связи с этим упоминание «трех сил зла» в Хартии ШОС не является случайным и на уровне правовых документов отражает единство в понимании вызовов безопасности на уровне как отдельных стран, так и Организации в целом.

Центральная роль проблем безопасности в деятельности ШОС регулярно подчеркивается ее лидерами. По словам главы Китая Си Цзиньпина, надо «твердо придерживаться приоритета безопасности, укрепить основу развития Организации» [Си Цзиньпин, 2016].

За время существования ШОС в рамках Организации были сформированы практические механизмы для эффективной реализации совместного взаимодействия по поддержанию региональной безопасности.

Законодательный и организационный механизмы для совместного удара по «трем силам зла»

Все страны ШОС придерживаются мнения, что «терроризм, сепаратизм и экстремизм представляют угрозу международному миру и безопасности, развитию дружественных отношений между государствами, а также осуществлению основных прав и свобод человека», и «указанные явления серьезно угрожают территориальной целостности и безопасности сторон, а также их политической, экономической и социальной стабильности» [Шанхайская конвенция о борьбе..., 2001]. Для эффективного противодействия «трем силам зла» были подписаны правовые соглашения, в том числе «Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом», которая дала юридическое определение этим понятиям. Кроме того, в ней указаны конкретные направления по обмену информацией и сотрудничеству между правоохранительными органами государств — участников ШОС [Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, 2001].

Помимо этого, для усиления противодействия «трем силам зла» был утвержден ряд юридических документов, например, «Концепция сотрудничества государств – членов Шанхайской организации сотрудничества в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» (2005 г.), «Соглашение о сотрудничестве в области выявления и перекрытия каналов проникновения на территории государств – членов Шанхайской организации сотрудничества лиц, причастных к террористической, сепаратистской и экстремистской деятельности» (2006 г.), «Соглашение о порядке организации и проведения совместных антитеррористических мероприятий на территориях государств – членов ШОС» (2006 г.), «Конвенция Шанхайской организации сотрудничества против терроризма» (2009 г.), «Соглашение о подготовке кадров для антитеррористических формирований государств – членов Шанхайской организации сотрудничества» (2009 г.) и т.д.

На 17-м саммите ШОС в Астане 9 июля 2017 г. была подписана «Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму», предложенная председателем КНР Си Цзиньпином на душанбинском саммите ШОС в 2014 г. [Xinhua, 2018]. Конвенция направлена на создание юридической основы для эффективного сотрудничества государств – участников Конвенции в целях противодействия идеологии и практике экстремизма [Президент России, 2019].

Конвенция дает единое для всех стран ШОС правовое определение понятий «экстремизм», «финансирование экстремизма», «экстремистская организация», к ней прилагается единый список экстремистских организаций. Конвенция ШОС по противодействию экстремизму стала ценным международно-правовым прецедентом: в рамках ШОС удалось выработать единое понимание экстремизма [Государственная Дума..., 2019]. На наш взгляд, говорить о принятии данного подхода к экстремизму на глобальном уровне пока преждевременно, однако вполне возможно его применение в регионе Центральной Азии. Терминологическая определенность экстремизма в рамках ШОС также представляется важной, так как экстремизм может быть основой для роста терроризма и сепаратизма.

В сфере борьбы с экстремизмом до сих пор окончательно не определены многие понятия, дискуссии продолжаются, что негативно влияет в том числе на международное антитеррористическое сотрудничество. Многолетние попытки ООН выработать единое определение терроризма, как известно, не увенчались успехом. Таким образом, благодаря Конвенции сотрудничество в области безопасности вышло на новый уровень [Xinhua, 2018].

Хартия ШОС, Шанхайская конвенция по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом и Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму составляют обширную правовую базу для эффективного противодействия «трем силам зла» в рамках ШОС и могут служить прообразом и опорой для будущих международных документов в данной сфере.

Кроме правового механизма, для совместного противодействия «трем силам зла» в рамках ШОС сформирован организационный механизм сотрудничества.

Так, эффективным форматом взаимодействия является механизм регулярных встреч секретарей советов безопасности государств-членов с 2004 г. [Генеральное консульство Узбекистана, 2016]. 7 июня 2002 г. была создана Региональная антитеррористическая структура ШОС (РАТС ШОС). В качестве постоянно действующего органа ШОС РАТС обеспечивает координацию и укрепление взаимодействия компетентных органов государств-членов в указанной сфере.

Кроме того, взаимодействие спецслужб стран – членов ШОС позволило предотвратить ряд терактов со стороны лиц, возвращающихся из зоны конфликта в Сирии,

и задержать боевиков, воевавших на стороне террористов. Достигнуты положительные результаты в расширении взаимодействия РАТС ШОС с компетентными органами государств – наблюдателей и партнеров ШОС, профильными международными и региональными организациями [ТАСС, 2019].

В последнее время продолжалась проработка российской инициативы реформирования РАТС ШОС с целью создания универсального центра по противодействию терроризму, наркотрафику и оргпреступности, что в перспективе должно повысить защищенность южных рубежей СНГ от исходящих с территории Афганистана угроз, связанных в том числе с активизацией ИГИЛ в северных районах Афганистана. Важным шагом в рамках работы РАТС стало принятие Алгоритма совместных действий компетентных органов государств – членов ШОС по противодействию ИГИЛ. РАТС также постоянно участвует в различных практических мероприятиях по региональной безопасности.

Совместные антитеррористические учения

Для обеспечения безопасности и стабильности в регионе ШОС регулярно проводит совместные учения в двустороннем и многостороннем форматах. Совместные антитеррористические военные учения уже стали ключевым элементом механизма сотрудничества в сфере безопасности в рамках ШОС.

10–11 октября 2002 г. совместные антитеррористические военные учения КНР с Киргизией в приграничных районах создали прецедент в рамках ШОС и положили начало практике участия китайских вооруженных сил в совместных учебных маневрах с зарубежными вооруженными силами [People’s Daily, 2007]. С тех пор между странами – участницами ШОС регулярно проводятся двусторонние и многосторонние антитеррористические военные учения (табл. 1). Самые главные из них – совместные учения «Мирная миссия».

Таблица 1. Антитеррористические военные учения в рамках ШОС

Название учений	Время проведения	Место проведения	Примечание
«Учения–01»	10–11 октября 2002 г.	Пограничный район между КНР и Киргизией	Первые совместные антитеррористические учения в рамках ШОС, а также первые совместные практические учения китайской армии с вооруженными силами другой страны
«Союз–2003»	6–12 июня 2003 г.	Пограничные территории Казахстана и Китая	Первые многосторонние антитеррористические учения в рамках ШОС, в которых приняли участие Китай, Казахстан, Киргизия, Россия и Таджикистан
«Рубеж–2004»	3–6 августа 2004 г.	На территории Казахстана и Киргизии	

Название учений	Время проведения	Место проведения	Примечание
«Мирная миссия—2005»	18—25 августа 2005 г.	Владивосток (Россия), п-ов Шаньдун (Китай)	Первые совместные военные учения в истории двусторонних отношений Китая и России
«Восток-анти-террор—2006»	2—5 марта 2006 г.	Ташкентская обл. (Узбекистан)	
«Тянь-Шань—I»	24—26 августа 2006 г.	Алма-Атинская обл. (Казахстан), г. Инин (СУАР КНР)	Первые совместные антитеррористические военные учения между Китаем и Казахстаном
«Взаимодействие—2006»	22—23 сентября 2006 г.	Куляб (Таджикистан)	Первые совместные антитеррористические военные учения между Китаем и Таджикистаном, первый случай участия китайских войск в учениях за рубежом со своим оружием
«Иссык-Куль — Антитеррор—2007»	28—31 мая 2007 г.	Киргизия	
«Мирная миссия—2007»	9—17 августа 2007 г.	Урумчи (СУАР КНР), Челябинская обл. (Россия)	Первые масштабные совместные учения с участием вооруженных сил всех стран Организации, (учения наблюдали главы шести стран)
«Волгоград — Антитеррор—2008»	2—4 сентября 2008 г.	Волгоградская обл. (Россия)	
«Норак-антитеррор—2009»	17—19 апреля 2009 г.	Полигон Фахрабад (Таджикистан)	
«Мирная миссия — 2009»	22—26 июля 2009 г.	Полигон Таонань, Шэньянский военный округ (Китай)	Вторые совместные военные учения Российской Федерации и КНР
«Саратов — Антитеррор—2010»	24—27 августа 2010 г.	Саратов (Россия)	
«Мирная миссия—2010»	9—25 сентября 2010 г.	Полигон Матыбулак, Жамбылская обл. (Казахстан)	
«Тянь-Шань-2—2011»	5—8 мая 2011 г.	Район г. Кашгар, СУАР (Китай)	
«Восток — Антитеррор—2012»	2—5 июня 2012 г.	Общевойсковой горный полигон «Фориш» Джизакской области (Узбекистан)	
«Мирная миссия—2012»	8—14 июня 2012 г.	Полигон Чорух-Дайрон, Согдийская обл. (Таджикистан)	

Название учений	Время проведения	Место проведения	Примечание
«Казыгурт – Антитеррор–2013»	13 июня 2013 г.	Юг Казахстана	
«Мирная миссия–2013»	27 июля – 15 августа 2013 г.	Челябинская обл. (Россия)	
«Совместная пограничная деятельность–2013»	11 августа 2013 г.	На приграничной территории Киргизии и Китая	
«Восток – Антитеррор–2014»	27 марта 2014 г.	Узбекистан	
«Восток–2014»	1 мая – 31 октября 2014 г.	Китайско-российская граница	
«Мирная миссия–2014»	24–29 августа 2014 г.	Полигон Чжужихэ (Внутренняя Монголия, Китай)	
«ЦентрАзия – Антитеррор–2015»	16 сентября 2015 г.	Киргизия	
«Мирная миссия–2016»	15–21 сентября 2016 г.	Балыкчы (Киргизия)	
«Сотрудничество–2016»	19 октября 2016 г.	Таджикистан	
«Тянь-Шань-III–2017»	27 июня 2017 г.	Артуш, СУАР (Китай)	
«Ярославль-Антитеррор–2017»	10 августа 2017 г.	Ярославль (Россия)	
«Мирная миссия–2018»	22–29 августа 2018 г.	Челябинская обл. (Россия)	Индия и Пакистан впервые приняли участие в учениях в рамках ШОС
«Сары-Арка – Антитеррор–2019»	27 июня 2019 г.	Полигон «Спасск» в Карагандинской обл. (Казахстан)	

Источник: Составлено автором на основе данных Региональной антитеррористической структуры Шанхайской организации сотрудничества.

На примере проведения совместных учений можно проследить углубление двустороннего сотрудничества России и Китая в области безопасности. Так, учения «Мирная миссия–2005» стали исторически значимым событием для российско-китайского сотрудничества. Это были первые в истории совместные военные учения двух стран. В ходе учений Народно-освободительная армия Китая (НОАК) совместно с иностранными вооруженными силами отработала высадку морского десанта на китайском побережье. Следует отметить, что Китай проводил подобные совместные учения только с российскими вооруженными силами.

Учения «Мирная миссия» проводятся ежегодно или один раз в два года в двустороннем (Китай и Россия) или многостороннем формате, однако один раз в 2007 г. в учениях участвовали все без исключения страны – члены ШОС.

Последние учения «Мирная миссия» состоялись в 2018 г. в России. Кроме Казахстана, Китая, Киргизии, России и Таджикистана, впервые отправили свои войска на

участие в военных учениях ШОС Индия и Пакистан, официально вступившие в Организацию в 2017 г.

Следует отметить разный уровень заинтересованности членов ШОС в совместных учениях. С начала проведения учений «Мирная миссия» вооруженные силы Узбекистана, например, принимали в них участие лишь один раз, а Китай и Россия не пропустили ни одного важного мероприятия, в большинстве случаев выступая организаторами.

Учения «Мирная миссия» во время проведения вызывают беспокойство у ряда стран, особенно у потенциальных геополитических соперников России и Китая.

Еще во время проведения «Мирной миссии—2005» западные СМИ и комментаторы отмечали, что масштабы и содержание учений с применением стратегической авиации, флота и 10 тыс. военнослужащих не вполне соответствуют заявленной антитеррористической направленности. Террористы или сепаратисты не используют обычно столь масштабные соединения, борьбу с которыми отрабатывали на учениях российско-китайские войска. По мнению западных СМИ, Россия и Китай отрабатывали проведение совместной морской десантной операции, потенциально направленной против одного из союзников США в регионе, например, Тайваня [Lenta.ru, 2005]. Похожие заявления, а также предположения о создании полноценного военно-политического блока делались и в 2007 г. [Взгляд, 2007].

Действительно, сценарии учений «Мирная миссия» больше напоминают традиционную механизированную войну, а не удар по террористическим группировкам, которые не имеют тяжелой боевой техники. Однако феномен запрещенной в Российской Федерации группировки «Исламское государство» во многом изменил прежние взгляды на антитеррористические организации. Боевики из «Исламского государства» широко применяли тяжелую военную технику [KM.ru, 2014]. Можно предположить, что организаторы учений «Мирная миссия» еще в 2000-х — начале 2010-х годов предвосхитили будущий рост террористической угрозы, готовясь к проведению общевоинских операций против хорошо вооруженных и многочисленных незаконных вооруженных формирований.

Проблемы сотрудничества

За годы существования ШОС, с учетом совпадающих интересов и благодаря совместным усилиям государств-членов, уже достигла превосходных результатов в сфере борьбы с угрозами безопасности, тем не менее у Организации есть ряд проблем.

Во-первых, если говорить о деятельности Организации в целом, существует разногласие между ее членами в позиционировании ШОС, в том числе между Россией и Китаем. За двадцать лет существования ШОС государства-члены постепенно установили относительно тесное сотрудничество в сфере безопасности, укрепили экономические и торговые отношения. Однако китайские ученые отмечают, что в государствах — членах ШОС, в отличие от других международных организаций, отсутствует единообразная политическая система, сильно различаются масштабы развития и набор ценностей. Сотрудничество между государствами-членами основывается на конкретных целях, а не на единстве. В процессе такого сотрудничества между государствами-членами сложно достичь определенного ценностного консенсуса [Zhang, Dai, 2019]. Следовательно, процесс формирования взаимного доверия внутри Организации имеет решающее значение для ее дальнейшего развития.

Во-вторых, расширение состава ШОС привело к существенным изменениям. С точки зрения безопасности членство в одной организации враждебных ядерных держав — Индии и Пакистана — может создать огромные риски для ее работы.

Индийская позиция хорошо иллюстрирует проблемы взаимного недоверия. Индия воспринимает Организацию относительно пассивно. Так, бывший индийский посол и ученый Пхунчок Стобдан (Phunchok Stobdan) заявил, что участие Индии в ШОС главным образом основано на соображениях геостратегической конкуренции, в то время как антитеррористические и другие требования не столь актуальны [The National Bureau of Asian Research, 2015]. Индия в основном рассматривает ШОС как нестабильную организацию регионального сотрудничества, возглавляемую Китаем [India Writes Network, 2015]. Индийские научные круги и СМИ полагают, что «вступление в ШОС может оказаться не столь выгодным для интересов государства, как считалось ранее, при подаче заявки на вступление» [Harsh, Pant, 2017]. Существуют также опасения, что альянсы Китая и Пакистана или России и Китая отрицательно скажутся на позиции страны в рамках Организации [Mohan, 2017].

Индия заявила, что не будет использовать ШОС в качестве платформы для конфликта с Пакистаном [Sajjanhar, 2016], тем не менее китайские ученые считают, что Индия и Пакистан все равно так или иначе принесут свои конфликты в ШОС [Li, 2017]. Эти страны придерживаются разных взглядов на терроризм и стандарты идентификации террористов, и отсутствие консенсуса по данному вопросу может быть источником проблем в будущем.

Индия поддерживает Индо-Тихоокеанскую стратегию США и активно участвует в ней, пытаясь врезаться клином в ШОС для удовлетворения собственных геостратегических амбиций. Такая ситуация может привести к дополнительному расколу ШОС, ослаблению оперативных возможностей и эффективности Организации, особенно в сфере безопасности. Это также сказывается на дальнейшем развитии ШОС.

В-третьих, сотрудничество ШОС в сфере противодействия терроризму все еще находится на низком уровне: хотя ШОС выпустила множество деклараций и юридических документов, их реализация идет относительно медленно. Многие из них остались на бумаге или находятся в стадии подготовки. В них по-прежнему подчеркивается необходимость борьбы с «тремя силами зла» и совместного реагирования на другие угрозы безопасности, устанавливаются общие цели и принципы, тем не менее у ШОС отсутствует механизм быстрого реагирования на чрезвычайные ситуации. Сотрудничество имеет в большей степени формальный характер, а его реализация остается на стадии учений, тогда как возможности совместного реагирования ограничены. Реакция стран – участниц ШОС на массовые беспорядки в Киргизии в 2010 г. хорошо иллюстрирует данную проблему Организации.

Государства – члены ШОС по-разному относились к вмешательству, поскольку беспорядки были внутренним делом Киргизии. ШОС в целом не дала четкого военного ответа на эти события из-за принципа невмешательства и учета интересов каждого государства-члена. Неактивная позиция Организации в очередной раз вызвала сомнения в ее способности поддерживать региональную безопасность. Следует признать, что такая реакция отражает отсутствие у ШОС оперативных возможностей. Уважение к многосторонности, суверенитету и территориальной целостности делает ШОС больше координатором, чем исполнителем. Тем временем ситуация в Центральной Азии все еще остается неоднозначной, поэтому такая позиция ШОС вызывает у стран региона сомнения в способности к реальной поддержке. Это, возможно, самая важная причина, по которой, помимо регулярных встреч и военных учений, сотрудничество ШОС в области безопасности не принесло большого прорыва.

Впоследствии на территории стран ШОС случилась серия кризисов безопасности: летом 2017 г. и 2020 г. на спорной границе между Китаем и Индией произошло несколько столкновений; весной 2019 г. между Индией и Пакистаном произошел пер-

вый прямой вооруженный конфликт после присоединения государств к ядерному клубу; между партнерами по диалогу ШОС Арменией и Азербайджаном в апреле 2016 г. и июле 2020 г. два раза происходили вооруженные конфликты, а осенью 2020 г. началась полномасштабная война. Не будучи альянсом, как, например, НАТО и ОДКБ, ШОС должна была воспользоваться своими уникальными преимуществами и сыграть решающую роль в урегулировании конфликтов. Тем не менее в данном случае ШОС не удалось полностью реализовать свой потенциал в обеспечении региональной безопасности.

Отношение к ШОС центральноазиатских государств-членов во многом обусловлено тем, насколько удовлетворяются их потребности. В случае удовлетворения своих потребностей они стремятся укреплять связи с ШОС, активно участвуют в ее деятельности и способствуют развитию. Если же запросы не удовлетворяются, центральноазиатские государства-члены предпочитают укреплять сотрудничество с другими державами или региональными институтами. Подобное отношение ослабляет сплоченность внутри ШОС и не способствует развитию сотрудничества в различных областях, в том числе в сфере безопасности. В данный момент ШОС не оправдывает ожиданий центральноазиатских стран, поэтому Организация не является для них предпочтительным выбором [Zeng, Li, 2017]. Неактивное участие некоторых стран, особенно Узбекистана, в антитеррористических учениях и других мероприятиях в рамках ШОС – результат этой политики.

Кроме того, Китай надеется сделать ШОС, с одной стороны, образцовым многосторонним механизмом для решения проблемы безопасности и экономического развития в Азии, с другой – важной платформой для реализации инициативы «Один пояс, один путь». В связи с этим Пекин был разочарован неэффективностью функционирования инструментов безопасности ШОС по урегулированию афганской проблемы: Афганистан обладает лишь статусом наблюдателя в Организации, а Пакистан, будучи важным игроком в афганском вопросе, только недавно стал ее официальным членом. Таким образом, Афганистан и Пакистан не могли участвовать в многосторонних мероприятиях по безопасности в рамках ШОС, тогда как Китай заинтересован в наличии эффективного механизма для обеспечения безопасности от угрозы с афганской стороны.

В августе 2016 г. в Урумчи, административном центре Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР, состоялось совещание начальников генеральных штабов Афганистана, Китая, Пакистана и Таджикистана. По итогам встречи было объявлено о создании Координационного механизма антитеррористического сотрудничества вооруженных сил четырех государств «Афганистан – Китай – Пакистан – Таджикистан» (кит. “阿中巴塔”四国军队反恐合作协调机制), который стал первым многосторонним механизмом сотрудничества по безопасности между вооруженными силами Китая и соседних с ним стран [Huanqiu, 2016]. Китайцы с большим оптимизмом оценивают будущее влияние нового механизма на деятельность и развитие Шанхайской организации сотрудничества [Sputnik, 2016]. В то же время немало российских экспертов и СМИ считают, что данный механизм, в котором участвовало командование вооруженных сил, является фактическим военным альянсом. Российские представители обеспокоены тем, что в этом «китайском НАТО в Центральной Азии» нет даже входного билета для России. Высказывались опасения, что это объединение может превратиться в прямого конкурента ОДКБ [Байкова, 2016]. Поэтому важно в данном контексте внимательно отслеживать позицию Таджикистана, который входит и в ОДКБ, имея на своей территории российскую военную базу, и в новый четырехсторонний механизм, будучи страной – реципиентом китайских инвестиций [Sputnik, 2016].

Вместе с тем Министерство обороны КНР заявляет, что данный механизм не является региональным военным альянсом или «центральноазиатским НАТО» и не находится под руководством Китая, а представляет собой «открытый, неэсклюзивный многосторонний механизм сотрудничества по безопасности» [Sputnik China, 2016].

Заключение

Как отметил Си Цзиньпин, развитие ШОС «реализовало важную инновацию теории и практики международных отношений, открыло новую модель регионального сотрудничества» [FMPRC, 2018]. Особенность ШОС заключается в том, что это первая после окончания холодной войны действительно интегрированная евразийская международная организация. С момента создания ШОС стала важной частью «великой трансформации» геополитической и экономической структуры Евразии. В отличие от СНГ, ЕАЭС и ОДКБ, в ШОС входит также Китай, а после расширения состава в нее вошли также южно-азиатские державы Индия и Пакистан, а также государства – наблюдатели и партнеры по диалогу в разных уголках Евразии. ШОС имеет широкую представленность, следовательно, должна способствовать миру, стабильности, развитию и процветанию Евразии в соответствии со своим статусом.

Проблемы сотрудничества в вопросах безопасности в рамках ШОС возникли из-за того, что Организация готова пожертвовать эффективностью ради сохранения основных принципов справедливости. ШОС придает большое значение поддержанию государственного суверенитета. Невмешательство – важнейший принцип сотрудничества по безопасности между странами-участницами, однако он представляет собой сдерживающий фактор. Так, ШОС прежде всего является координационным объединением, хотя сотрудничество – главная цель создания Организации [Yang, 2019]. Поэтому при возникновении чрезвычайных ситуаций внутри стран-участниц ШОС оказывала им только политическую и дипломатическую поддержку, но не вмешивалась в поддержание безопасности. Это, несомненно, ослабило эффективность сотрудничества ШОС.

С теоретической точки зрения важным инструментом регулирования отношений между странами в международной системе является напоминание об общих проблемах и общих исторических уроках. В новую эпоху, если ШОС хочет быть более эффективной организацией, она должна обновить свою концепцию – выйти за рамки «ограничительной логики», сформулировать конкретную повестку дня и продолжать расширять сотрудничество, чтобы государства-члены могли ощутить преимущества соблюдения правил, опираясь в вопросах безопасности на многосторонний механизм ШОС [Ibid.].

ШОС предстоит еще много работы в продвижении совместных контртеррористических операций. Для углубления сотрудничества ШОС в сфере безопасности необходимо сделать следующее: во-первых, продолжать придерживаться «шанхайского духа» как нормы, связанной с фундаментальным характером организации. Во-вторых, на основе приверженности «шанхайскому духу» ШОС необходимо дополнительно прояснить свою позицию и продолжать использовать сотрудничество в области безопасности в качестве основы и главного направления развития. По мере углубления сотрудничества ШОС в области политики, экономики и гуманитарных наук возникает потребность дальнейшего развития в других областях. Однако оперативные возможности и ресурсы ШОС ограничены. Это препятствует первоначальному намерению ШОС поддерживать региональную безопасность и не способствует долгосрочному развитию Организации. Кроме того, требуется усиление технического сотрудничества в сфере

безопасности. Необходимо постоянно совершенствовать эти механизмы, а также обеспечить их полноценное функционирование.

ШОС должна улучшить способности реагирования центральноазиатских государств-членов на кризисы. Внутри этих стран существуют скрытые угрозы, которые способствуют политической и социальной нестабильности и могут вызвать внутренние или региональные потрясения. Вмешательство крупных держав, ухудшение международной экономической ситуации и проникновение терроризма также не добавляют уверенности в собственной безопасности центральноазиатских стран-членов. Центральноазиатские государства являются непосредственными жертвами нетрадиционных вызовов безопасности, с которыми сталкивается ШОС. Для эффективного подавления этих угроз Организация должна стремиться помогать государствам Центральной Азии укреплять свои системы безопасности и улучшать их способность реагирования на кризисы. Кроме того, Китай и Россия должны активно работать с центральноазиатскими государствами – членами ШОС через состыковку инициативы «Один пояс, один путь» с ЕАЭС. Кроме того, обеим державам необходимо способствовать оптимизации и модернизации экономической структуры, трансформации методов экономического развития и повышению уровня жизни людей, а также ускорить процесс индустриализации этих государств.

В обозримой перспективе проблема борьбы с «тремя силами зла» будет сохранять актуальность для всех государств – членов и наблюдателей ШОС. Представляется, что несущей конструкцией для ШОС является российско-китайское сотрудничество в сфере безопасности, которое в настоящее время серьезно отличается и от союзов времен холодной войны, и от таких современных многосторонних форматов, как НАТО и ОДКБ. Российско-китайские отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающего в новую эпоху, позволяют сформировать гибкий подход к сотрудничеству, в рамках которого стороны способны преодолевать возникающие между ними разногласия и расхождения, а также сочетать сотрудничество с конкуренцией. Стратегическое взаимодействие между Китаем и Россией будет играть важную роль в единстве и взаимном доверии государств – членов ШОС.

Подобная модель отношений, лежащая в основе ШОС, придает организации большую устойчивость. Поэтому можно с высокой степенью уверенности утверждать, что многостороннее сотрудничество в сфере безопасности в Центральной Азии будет постепенно углубляться. Одновременно будет развиваться российско-китайское двустороннее сотрудничество в сфере безопасности. Существующие между Россией и Китаем разногласия или даже потенциальное соперничество будут ограничены на том уровне, который приемлем для всех сторон.

Китайско-российское стратегическое взаимодействие является важной движущей силой для примирения между Индией и Пакистаном. Россия упорно искала возможности, чтобы построить новый механизм координации между Китаем, Россией и Индией. Сегодня взаимное доверие между Китаем и Россией достигло наивысшего уровня в истории. Россию и Индию связывают традиционные дружеские отношения, а Китай и Пакистан развивают стратегическое сотрудничество и партнерство. Китай и Россия должны использовать свои преимущества для содействия примирению между Индией и Пакистаном. Китай может использовать свое влияние для координации действий Пакистана, для установления доверия и развития двусторонних отношений с Россией. Россия, напротив, может влиять в этом вопросе на Индию.

Несмотря на регулярное проведение учений «Мирная миссия», конкретные механизмы и мероприятия в сфере безопасности представляются недостаточными. В них участвуют не все страны организации и у других участников не наблюдается такой ак-

тивности, как у инициаторов. В связи с этим для повышения эффективности результатов учений мы рекомендуем раз в два года проводить масштабные совместные учения, а регулярные совместные тренировки подразделений спецназа и войск государств — участников Организации проводить ежегодно. Также в качестве альтернативы можно рассмотреть ежегодное проведение совместного компьютерного моделирования на штабном уровне со всеми участниками Организации.

Кроме того, в дополнение к вышесказанному, можно присваивать таким учениям статус мероприятий ШОС, чтобы у участников Организации было больше возможностей для обмена опытом в антитеррористической деятельности, а также превращения ШОС в перспективную организацию в этом вопросе.

В связи с нынешней беспокойной обстановкой, а также высокой активностью международного терроризма на территориях участников ШОС и в ее соседних регионах в Евразии в будущем целесообразно реализовать реальные совместные антитеррористические боевые операции с участием подразделений государств — участников ШОС под эгидой Организации.

С помощью этих совместных антитеррористических операций Россия, Китай и другие страны-участницы смогут усилить безопасность в регионе, укрепить стратегическое сотрудничество, партнерство и дружбу между странами. В настоящее время проведение таких операций может столкнуться с рядом ограничений. Среди них — позиция отдельных членов Организации, а также ряда держав, не входящих в нее. Поэтому практическое взаимодействие вооруженных сил можно на первых порах ограничить проведением гуманитарных и информационных операций, разминированием, послевоенным восстановлением и т.п. Отдельные программы подобного сотрудничества по военной линии могут быть начаты уже сейчас, на фоне кризиса, вызванного пандемией коронавируса. ШОС имеет смысл создать механизм экспертных консультаций для определения перспективных направлений такого сотрудничества.

В 2020 г. мир вступил в новую эпоху. Всемирная пандемия COVID-19 не только спровоцировала серьезный кризис систем здравоохранения и экономики во всем мире. Ожидается новый подъем терроризма и экстремизма, и перед участниками ШОС могут возникнуть новые серьезные вызовы безопасности. Ухудшение ситуации в самых горячих точках с точки зрения безопасности в Евразии, таких как Сирия, Ирак и Афганистан, будет сильно влиять на безопасность для стран ШОС. На этом фоне сотрудничество между заинтересованными странами в сфере безопасности на платформе ШОС является крайне актуальным и необходимым.

Источники

Агентство Синьхуа (2006). Антитеррористические учения «Тянь-Шань-1». 25 августа. Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/31519/4740173.html> (дата обращения: 13.08.2020).

Агентство Синьхуа (2007). Хроника: 17 совместных военных учений с участием китайских вооруженных сил. 25 июля. Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/31521/6223907.html> (дата обращения: 13.08.2020).

Бавырин Д. (2007). Учения ШОС напугали Запад // Взгляд. 17 августа. Режим доступа: <https://vz.ru/politics/2007/8/17/101843.html> (дата обращения: 13.08.2020).

Байкова Т. (2016). Китай теснит Россию в Центральной Азии // Известия. 16 марта. Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/606469> (дата обращения: 13.08.2020).

Вальханская Н. (2018). «Мирная миссия»: масштабные учения стран-участниц ШОС стартуют на Урале. 22 августа. Режим доступа: <https://tvzvezda.ru/news/forces/content/201808220423-wn35.htm> (дата обращения: 13.08.2020) (in Russian).

Генеральное консульство Республики Узбекистан в Новосибирске (2016). Важный механизм обеспечения региональной безопасности. Режим доступа: http://uzbekistan.nsk.ru/index.php?option=com_content&view=article&catid=1:2010-03-12-13-22-28&id=3857:2016-04-13-03-45-19 (дата обращения: 13.08.2020).

Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации (2019). В странах ШОС появится единый список экстремистских организаций. 17 июля. Режим доступа: <http://duma.gov.ru/news/45730/> (дата обращения: 13.08.2020) (in Russian).

КМ.RU (2014). Боевики ИГИЛ разгромили элитную танковую дивизию иракских войск. 7 ноября. Режим доступа: <http://www.km.ru/world/2014/07/11/voina-v-irake/744716-igil-razgromili-ELITnuyu-tankovuyu-diviziyu-irakskikh-voisk> (дата обращения: 13.08.2020) (in Russian).

Президент России (2001). Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. 14 июня. Режим доступа: <http://kremlin.ru/supplement/3405> (дата обращения: 13.08.2020).

Президент России (2002). Хартия Шанхайской организации сотрудничества. 6 июня. Режим доступа: <http://kremlin.ru/supplement/3450> (дата обращения: 13.08.2020).

Президент России (2019). Подписан закон о ратификации Конвенции ШОС по противодействию экстремизму. 26 июля. Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/news/61123> (дата обращения: 13.08.2020).

Региональная антитеррористическая структура Шанхайской организации сотрудничества (2004). Проведение совместных антитеррористических учений. 6 августа. Режим доступа: <http://ecrats.org/ru/cooperation/anti-terror-training/1333> (дата обращения: 13.08.2020).

Региональная антитеррористическая структура Шанхайской организации сотрудничества (2007). Международное антитеррористическое оперативно-стратегическое учение. 1 июня. Режим доступа: <http://ecrats.org/ru/cooperation/anti-terror-training/1359> (дата обращения: 13.08.2020) (in Russian).

Региональная антитеррористическая структура Шанхайской организации сотрудничества (2009). Об итогах международных антитеррористических учений. 22 апреля. Режим доступа: <http://ecrats.org/ru/cooperation/anti-terror-training/2012> (дата обращения: 13.08.2020) (in Russian).

Региональная антитеррористическая структура Шанхайской организации сотрудничества (2010). Международное антитеррористическое оперативно-стратегическое учение. 3 сентября. Режим доступа: <http://ecrats.org/ru/cooperation/anti-terror-training/2161> (дата обращения: 13.08.2020) (in Russian).

Региональная антитеррористическая структура Шанхайской организации сотрудничества (2011). Совместное антитеррористическое учение спецслужб. 11 мая. Режим доступа: <http://ecrats.org/ru/cooperation/anti-terror-training/2221> (дата обращения: 13.08.2020) (in Russian).

Региональная антитеррористическая структура Шанхайской организации сотрудничества (2012). Об участии делегации ИК РАТС ШОС в совместном антитеррористическом учении. 5 июня. Режим доступа: <http://ecrats.org/ru/cooperation/anti-terror-training/2368> (дата обращения: 13.08.2020) (in Russian).

Региональная антитеррористическая структура Шанхайской организации сотрудничества (2013a). Об участии делегации ИК РАТС ШОС в совместном антитеррористическом учении. 13 июня. Режим доступа: <http://ecrats.org/ru/cooperation/anti-terror-training/2599> (дата обращения: 13.08.2020) (in Russian).

Региональная антитеррористическая структура Шанхайской организации сотрудничества (2013b). Об участии делегации ИК РАТС ШОС в совместном антитеррористическом учении. 11 августа. Режим доступа: <http://ecrats.org/ru/cooperation/anti-terror-training/2628> (дата обращения: 13.08.2020) (in Russian).

Региональная антитеррористическая структура Шанхайской организации сотрудничества (2014a). Об участии делегации ИК РАТС ШОС в совместном антитеррористическом учении. 27 марта. Режим доступа: <http://ecrats.org/ru/cooperation/anti-terror-training/3763> (дата обращения: 13.08.2020) (in Russian).

Региональная антитеррористическая структура Шанхайской организации сотрудничества (2014b). О проведении совместных антитеррористических учений. 9 сентября. Режим доступа: <http://ecrats.org/ru/cooperation/anti-terror-training/4689> (дата обращения: 13.08.2020) (in Russian).

- Региональная антитеррористическая структура Шанхайской организации сотрудничества (2015). О проведении совместных антитеррористических учений. 16 сентября. Режим доступа: <http://ecrats.org/ru/cooperation/anti-terror-training/6916> (дата обращения: 13.08.2020) (in Russian).
- Региональная антитеррористическая структура Шанхайской организации сотрудничества (2016). О проведении совместных антитеррористических учений. 19 октября. Режим доступа: <http://ecrats.org/ru/cooperation/anti-terror-training/6917> (дата обращения: 13.08.2020) (in Russian).
- Региональная антитеррористическая структура Шанхайской организации сотрудничества (2017а). О проведении совместных антитеррористических учений. 18 августа. Режим доступа: <http://ecrats.org/ru/cooperation/anti-terror-training/6976> (дата обращения: 13.08.2020) (in Russian).
- Региональная антитеррористическая структура Шанхайской организации сотрудничества (2017b). Об участии делегации исполкома ПАТС ШОС в совместном антитеррористическом учении. 27 июня. Режим доступа: <http://ecrats.org/ru/cooperation/anti-terror-training/6912> (дата обращения: 13.08.2020) (in Russian).
- Региональная антитеррористическая структура Шанхайской организации сотрудничества (2019). О проведении совместных антитеррористических учений. 27 июня. Режим доступа: <http://ecrats.org/ru/cooperation/anti-terror-training/7434> (дата обращения: 13.08.2020) (in Russian).
- ТАСС (2019). В 2018 году спецслужбы ШОС предотвратили теракты со стороны вернувшихся из Сирии боевиков. 15 марта. Режим доступа: <https://tass.ru/politika/6221753> (дата обращения: 13.08.2020) (in Russian).
- Lenta.ru (2005). Большие победоносные маневры. 26 августа. Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2005/08/25/drills/> (дата обращения: 13.08.2020).
- REGNUM (2006). В Узбекистане в рамках ШОС прошли совместные антитеррористические учения «Восток-антитеррор 2006». 10 марта. Режим доступа: <https://regnum.ru/news/603454.html> (дата обращения: 13.08.2020) (in Russian).
- Sputnik Tajikistan (2016). Китай и Таджикистан создают секретный военный союз. 4 августа. Режим доступа: <http://ru.sputnik-tj.com/asia/20160804/1020429103.html> (дата обращения: 13.08.2020) (in Russian).
- Huanqiu.com (2016). Editorial: The Afghanistan-China-Pakistan-Tajikistan Quadripartite Mechanism Is a New Milestone. 4 August. Режим доступа: <http://opinion.huanqiu.com/editorial/2016-08/9262615.html> (дата обращения: 13.08.2020) (in Chinese).
- India Writes Network (2015). India's Stakes and Dilemma in SCO. 8 June. Режим доступа: <https://www.indiawrites.org/diplomacy/indias-stakes-and-dilemma-in-sco/> (дата обращения: 13.08.2020).
- Li J. (2017). Expansion of Shanghai Cooperation Organization: Opportunities and Challenges Coexist // Eurasian Economy. No. 5. P. 8–13 (in Chinese).
- Mohan C.R. (2017). Be Aware of Beijing // The Indian Express. 8 June. Режим доступа: <https://indianexpress.com/article/opinion/columns/beware-of-beijing-4693739/> (дата обращения: 13.08.2020).
- National Bureau of Asian Research (NBR) (2015). India's Accession to the Shanghai Cooperation Organisation: Interview with Phunchok Stobdan. 20 August. Режим доступа: <https://www.nbr.org/publication/indias-accession-to-the-shanghai-cooperation-organisation/> (дата обращения: 13.08.2020).
- Pant H.V. (2017). The SCO Illusion Takes India // The Diplomat. 9 June. Режим доступа: <https://thediplomat.com/2017/06/the-sco-illusion-takes-india/> (дата обращения: 13.08.2020).
- People's Daily (2005). Sino-Russian Joint Military Exercise "Peace Mission 2005." Режим доступа: <http://military.people.com.cn/BIG5/8221/51755/47654/> (дата обращения: 13.08.2020) (in Chinese).
- People's Daily (2006). Sino-Tajik Joint Antiterrorist Military Exercise 'Interaction 2006.' Режим доступа: <http://military.people.com.cn/GB/8221/69693/69728/> (дата обращения: 13.08.2020) (in Chinese).
- People's Daily (2016). Chto trenirovali na sovmestnyh voennyh uchenijah "Mirnaja missija-2016" [What Was Trained in the Joint Military Exercise 'Peaceful Mission-2016']. 2 October. Режим доступа: <http://military.people.com.cn/n1/2016/1002/c1011-28755088.html> (дата обращения: 13.08.2020) (in Chinese).

Sajjanhar A. (2016). India and the Shanghai Cooperation Organization. *The Diplomat*, 19 June. Режим доступа: <https://thediplomat.com/2016/06/india-and-the-shanghai-cooperation-organization/> (accessed 25 December 2020).

Sputnik China (2016a). Ministry of Defense of the People's Republic of China: The Establishment of the Afghanistan-China-Pakistan-Tajikistan Armed Forces Coordination Mechanism Will Be a Useful Addition to Antiterrorism Cooperation. 5 April. Режим доступа: <http://sputniknews.cn/military/201604051018730341/> (дата обращения: 13.08.2020) (in Chinese).

Sputnik China (2016b). Ministry of Defense of the People's Republic of China: The Coordination Mechanism of Antiterrorist Cooperation of the Armed Forces of the Four States "Afghanistan-China-Pakistan-Tajikistan" Is not a "Central Asian NATO." 6 April. Режим доступа: <http://sputniknews.cn/politics/201604061018734978/> (дата обращения: 13.08.2020) (in Chinese).

Sputnik Tajikistan (2016). Китай и Таджикистан создают секретный военный союз. 4 августа. Режим доступа: <http://ru.sputnik-tj.com/asia/20160804/1020429103.html> (дата обращения: 13.08.2020) (in Russian).

Xi J. (2018). Developing the "Shanghai Spirit," Building a Community of Common Destiny. Speech at the 18th Meeting of the Council of Heads of State of the Shanghai Cooperation Organization. Qingdao. 10 June. Режим доступа: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gjhdqzz_681964/lhg_683094/zyjh_683104/t1567432.shtml (дата обращения: 13.08.2020) (in Chinese).

Xinhua (2007). Joint Military Exercise of the SCO Peace Mission 2007. Режим доступа: <http://www.xinhuanet.com/mil/sh07/> (дата обращения: 13.08.2020) (in Chinese).

Xinhua (2012). Joint Antiterrorist Military Exercise "Peace Mission 2012. Режим доступа: <http://www.xinhuanet.com/mil/zt/junyan/hpsm2012/> (дата обращения: 13.08.2020). (in Chinese).

Xinhua (2016). Si Czin'pin vystupil s vazhnoj rech'ju na 16-m zasedanii Soveta glav gosudarstv-chlenov ShOS [Xi Jinping Delivered an Important Speech at the 16th Meeting of the SCO Heads of State Council]. 26 June. Режим доступа: http://russian.news.cn/2016-06/25/c_135464540.htm (дата обращения: 13.08.2020) (in Russian).

Xinhua (2018). Sharp Weapons, Effective Guarantee on the Anniversary of the Signing of the "Convention of the Shanghai Cooperation Organization on Countering Extremism." 30 May. Режим доступа: http://www.xinhuanet.com/world/2018-05/30/c_129882884.htm (дата обращения: 13.08.2020) (in Chinese).

Yang C. (2019). Analysis on the Necessity of the Transformation of the Shanghai Cooperation Organization and Its Prospects // *China International Strategic Review 2019 (Part I)*. Beijing: World Affairs Press (in Chinese).

Zeng X., Li X. (2017). The Impact of Central Asian Member States on the Development of the Shanghai Cooperation Organization: The Path of Small Country Analysis Based on Nationalism // *Journal of Xinjiang Normal University (Philosophy and Social Sciences Edition)*. Vol. 38. No. 2. P. 116–132 (in Chinese)

Zhang X., Dai J. (2019). Shanghai Cooperation Organization Community With a Shared Future: Connotation, Challenges and Construction Path // *Peace and Development*. No. 5. P. 22–36 (in Chinese).

Existing Mechanisms of the Shanghai Cooperation Organization and Their Problems Dealing With Non-traditional Security Challenges¹

X. Fan

Xuesong Fan – PhD in Political Science, Senior Lecturer at the Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University Higher School of Economics; bldg. 2, 17 Malaya Ordynka Ulitsa, Moscow, Russian Federation; E-mail: xfan@hse.ru

Abstract

Central Asia is extremely important for the security of Russia, China and the Eurasian region, both historically and at present. Unconventional security challenges, led by terrorism, extremism and separatism, which in the official Chinese rhetoric and official documents of the Shanghai Cooperation Organization (SCO) are designated as the ‘three forces of evil,’ pose a serious challenge to the security of China, Russia, the countries of Central Asia and Eurasia in general.

Over the 20 years of the SCO’s history, proceeding from their ‘Shanghai spirit,’ the participating countries have created unique legislative and organizational mechanisms for a joint strike against the ‘three forces of evil,’ as well as mechanisms for bilateral and multilateral antiterrorist exercises. The most important of these is the Peace Mission joint exercise, which has been regularly held since 2005.

These mechanisms of cooperation within the SCO embody the spirit of solidarity, mutual trust and cooperation, reflect the ability of the members of the organization to jointly counter the ‘three forces of evil’ and respond to related problems, and also symbolize the SCO’s determination to protect stability in the region and peace in the world. The organization has made a significant contribution to ensuring security in the region. Nevertheless, in the face of existing problems and new challenges such as potential competition and disagreements within the organization, problems with new members after the expansion of the membership, and also the ineffective functioning of some of the SCO’s security instruments, all SCO members need to strengthen their cooperation and open new ways for organizing the SCO to fulfil well its unique role to ensure security in the territory of SCO states and in Eurasia as a whole. The new model of relations – ‘Russian-Chinese relations of comprehensive partnership and strategic interaction entering a new era’ – that underlies the SCO gives the organization greater stability. The SCO is a unique organization on the territory of Eurasia and has both implemented an important innovation in the theory and practice of international relations and opened a new model of regional cooperation. Therefore, it can be stated with a high degree of confidence that multilateral cooperation in the field of security will gradually deepen.

Key words: SCO; unconventional security challenges; “three forces of evil”; terrorism; antiterrorism exercises; regional security; Russian-Chinese cooperation; Central Asia

For citation: Fan X. (2021). Existing Mechanisms of the Shanghai Cooperation Organization and Their Problems Dealing With Non-traditional Security Challenges. *International Organisations Research Journal*, vol. 16, no 1, pp. 107–126 (in English). DOI: 10.17323/1996-7845-2021-01-05

References

- Baikova T. (2016). Kitaj tesnit Rossiju v Central’noj Azii [China Crowds Out Russia in Central Asia]. *Izvestia*, 16 March. Available at: <http://izvestia.ru/news/606469> (accessed 16 August 2020) (in Russian).
- Bavyrin D. (2007). Uchenija ShOS napugali Zapad [SCO Exercises Frightened the West]. *VZGLYAD.RU*, 17 August. Available at: <https://vz.ru/politics/2007/8/17/101843.html> (accessed 17 August 2020) (in Russian).
- Consulate General of the Republic of Uzbekistan in Novosibirsk (2016). Vazhnyj mehanizm obespechenija regional’noj bezopasnosti [An Important Mechanism for Ensuring Regional Security]. Available at:

¹ The editorial board received the article in November 2020.

http://uzbekistan.nsk.ru/index.php?option=com_content&view=article&catid=1:2010-03-12-13-22-28&id=3857:2016-04-13-03-45-19 (accessed 13 August 2020) (in Russian).

Huanqiu.com (2016). Editorial: The Afghanistan–China–Pakistan–Tajikistan Quadripartite Mechanism Is a New Milestone, 4 August. Available at: <http://opinion.huanqiu.com/editorial/2016-08/9262615.html> (accessed 4 August 2020) (in Chinese).

India Writes Network (2015). India’s Stakes and Dilemma in SCO, 8 June. Available at: <https://www.indiawrites.org/diplomacy/indias-stakes-and-dilemma-in-sco/> (accessed 25 December 2020).

KM.RU (2014). Boeviki IGIL razgromili jelitnuju tankovuju diviziju irakskih vojsk [ISIS Fighters Defeat Elite Iraqi Armored Division], 7 November. Available at: <http://www.km.ru/world/2014/07/11/voina-v-irake/744716-igil-razgromili-elitnyuyu-tankovuyu-diviziyu-irakskikh-voisk> (accessed 11 August 2020) (in Russian).

Lenta.ru (2005). Bol’shie pobedonosnye manevery [Great Victorious Maneuvers], 26 August. Available at: <https://lenta.ru/articles/2005/08/25/drills/> (accessed 26 August 2020) (in Russian).

Li J. (2017). Expansion of Shanghai Cooperation Organization: Opportunities and Challenges Coexist. *Eurasian Economy*, no 5, pp. 8–13 (in Chinese).

Mohan C.R. (2017). Be Aware of Beijing. *The Indian Express*, 8 June. Available at: <https://indianexpress.com/article/opinion/columns/beware-of-beijing-4693739/> (accessed 25 December 2020).

National Bureau of Asian Research (NBR) (2015). India’s Accession to the Shanghai Cooperation Organisation: Interview with Phunchok Stobdan, 20 August. Available at: <https://www.nbr.org/publication/indias-accession-to-the-shanghai-cooperation-organisation/> (accessed 25 December 2020).

Pant H.V. (2017). The SCO Illusion Takes India. *The Diplomat*, 9 June. Available at: <https://thediplomat.com/2017/06/the-sco-illusion-takes-india/> (accessed 25 December 2020).

People’s Daily (2005). Sino-Russian Joint Military Exercise “Peace Mission 2005.” Available at: <http://military.people.com.cn/BIG5/8221/51755/47654/> (accessed 25 August 2020) (in Chinese).

People’s Daily (2006). Antiterroristicheskie uchenija “Tjan’-Shan’-1’/2006/ nachalis” v Kazahstane [Antiterrorist Exercise ‘Tian Shan-1’/2006/ Began in Kazakhstan], 25 August. Available at: <http://russian.people.com.cn/31519/4740173.html> (accessed 25 August 2020) (in Russian).

People’s Daily (2006). Sino-Tajik Joint Antiterrorist Military Exercise “Interaction 2006.” Available at: <http://military.people.com.cn/GB/8221/69693/69728/> (accessed 24 August 2020) (in Chinese).

People’s Daily (2007). Hronika: 17 sovместnyh voennyh uchenij s uchastiem kitajskih vooruzhennyh sil [Chronicle: 17 Joint Military Exercises With the Participation of the Chinese Armed Forces], 25 July. Available at: <http://russian.people.com.cn/31521/6223907.html> (accessed 25 August 2020) (in Russian).

People’s Daily (2016). Chto trenirovali na sovместnyh voennyh uchenijah “Mirnaja missija-2016” [What Was Trained in the Joint Military Exercise ‘Peaceful Mission-2016’], 2 October. Available at: <http://military.people.com.cn/n1/2016/1002/c1011-28755088.html> (accessed 2 August 2020) (in Chinese).

President of Russia (2001). Shanhajskaja konvencija o bor’be s terrorizmom, separatizmom i jekstremizmom [Shanghai Convention on Combating Terrorism, Separatism and Extremism], 14 June. Available at: <http://kremlin.ru/supplement/3405> (accessed 14 August 2020) (in Russian).

President of Russia (2002). Hartija Shanhajskoj organizacii sotrudnichestva [Charter of the Shanghai Cooperation Organization], 6 June. Available at: <http://kremlin.ru/supplement/3450> (accessed 6 August 2020) (in Russian).

President of Russia (2019). Podpisan zakon o ratifikacii Konvencii ShOS po protivodejstviju jekstremizmu [Law on Ratification of the SCO Convention on Countering Extremism Was Signed], 26 July. Available at: <http://kremlin.ru/acts/news/61123> (accessed 26 August 2020) (in Russian).

Regional Anti-Terrorist Structure of Shanghai Cooperation Organization (RATS SCO) (2004). Provedeniye sovместnykh antiterroristicheskikh uchenij ‘Rubezh-2004’ [Joint Antiterrorist Exercise ‘Rubezh-2004’]. Available at: <http://ecrats.org/ru/cooperation/anti-terror-training/1333> (accessed 27 December 2020) (in Russian).

Regional Anti-Terrorist Structure of Shanghai Cooperation Organization (RATS SCO) (2007). Sovmestnoye antiterroristicheskoye komandno-shtabnoye ucheniye “Issyk-Kul’-Antiterror-2007” [Joint Antiterrorist Command-Staff Exercise ‘Issyk-Kul-Antiterror-2007’], 1 June. Available at: <http://ecrats.org/ru/cooperation/anti-terror-training/1359> (accessed 27 December 2020) (in Russian).

Regional Anti-Terrorist Structure of Shanghai Cooperation Organization (RATS SCO) (2009). Ob itogakh sovmejnogo antiterroristicheskogo komandno-shtabnogo ucheniya “Norak-Antiterror-2009” [On the Results of the Joint Antiterrorist Command-Staff Exercise ‘Norak-Antiterror-2009’], 22 April. Available at: <http://ecrats.org/ru/cooperation/anti-terror-training/2012> (accessed 27 December 2020) (in Russian).

Regional Anti-Terrorist Structure of Shanghai Cooperation Organization (RATS SCO) (2010). Mezhdunarodnoye antiterroristicheskoye operativno-strategicheskoye ucheniye “Saratov-Antiterror-2010” [International Antiterrorist Operational-Strategic eExercise ‘Saratov-Antiterror-2010’], 3 September. Available at: <http://ecrats.org/ru/cooperation/anti-terror-training/2161> (accessed 27 December 2020) (in Russian).

Regional Anti-Terrorist Structure of Shanghai Cooperation Organization (RATS SCO) (2017b). Ob uchastii delegatsii ispolgoma RATS ShOS v sovmejnom antiterroristicheskom uchenii pogranichnykh vedomstv kompetentnykh organov Kitaja i Kyrgyzstana “Tjan’-Shan’-III-2017” [On the Participation of the Delegation of the Executive Committee of the SCO RATS in the Joint Antiterrorist Exercise of the Border Agencies of the Competent Authorities of China and Kyrgyzstan “Tian Shan-III-2017”], 27 June. Available at: <http://ecrats.org/ru/cooperation/anti-terror-training/6912> (accessed 27 June 2020) (in Russian).

Regional Anti-Terrorist Structure of Shanghai Cooperation Organization (RATS SCO) (2011). Sovmestnoye antiterroristicheskoye ucheniye spetssluzhby i pravookhranitel’nykh organov gosudarstv-chlenov SHOS “Ty-an’-Shan’-2-2011” [Joint Antiterrorist Exercise of Special Services and Law Enforcement Agencies of the SCO Member States ‘Tien Shan-2-2011’], 11 May. Available at: <http://ecrats.org/ru/cooperation/anti-terror-training/2221> (accessed 27 December 2020) (in Russian).

Regional Anti-Terrorist Structure of Shanghai Cooperation Organization (RATS SCO) (2012). Ob uchastii delegatsii IK RATS SHOS v sovmejnem antiterroristicheskom uchenii kompetentnykh organov gosudarstv-chlenov SHOS “Vostok-Antiterror-2012” [On the Participation of the Delegation of the SCO IC RATS in the Joint Antiterrorist Exercise of the Competent Authorities of the SCO Member States ‘Vostok-Antiterror-2012’], 5 June. Available at: <http://ecrats.org/ru/cooperation/anti-terror-training/2368> (accessed 27 December 2020) (in Russian).

Regional Anti-Terrorist Structure of Shanghai Cooperation Organization (RATS SCO) (2013a). Ob uchastii delegatsii IK RATS SHOS v sovmejnomye antiterroristicheskoye ucheniye kompetentnykh organov gosudarstv-chlenov SHOS “Kazygurt-Antiterror-2013” [On the Participation of the Delegation of the SCO IC RATS in the Joint Antiterrorist Exercise ‘Kazygurt-Antiterror-2013’ of the Competent Authorities of the SCO Member States], 13 June. Available at: <http://ecrats.org/ru/cooperation/anti-terror-training/2599> (accessed 27 December 2020) (in Russian).

Regional Anti-Terrorist Structure of Shanghai Cooperation Organization (RATS SCO) (2013b). Ob uchastii Direktora IK RATS SHOS Chzhan Sin’fena v kachestve nablyudatelya v sovmejnnykh ucheniyakh “Sovmejnaya pogranichnaya deyatel’nost’ – 2013” [On the Participation of Zhang Xinfeng, Director of the SCO RATS IC, as an Observer in the Joint Exercise ‘Joint Border Activities-2013’], 11 August. Available at: <http://ecrats.org/ru/cooperation/anti-terror-training/2628> (accessed 27 December 2020) (in Russian).

Regional Anti-Terrorist Structure of Shanghai Cooperation Organization (RATS SCO) (2014a). Ob uchastii delegatsii IK RATS SHOS v antiterroristicheskikh ucheniyakh “Mirnaya missiya-2014” [On the Participation of the Delegation of the IC RATS SCO in the Antiterrorist Exercise ‘Peaceful Mission-2014’], 27 March. Available at: <http://ecrats.org/ru/cooperation/anti-terror-training/3763> (accessed 27 December 2020) (in Russian).

Regional Anti-Terrorist Structure of Shanghai Cooperation Organization (RATS SCO) (2014b). Ob uchastii predstavatelya Ispolkoma RATS SHOS v sovmejnnoy pogranichnoy operatsii “Vostok – 2014” [Participation of a Representative of the SCO RATS Executive Committee in the Joint Border Operation ‘East-2014’], 9 September. Available at: <http://ecrats.org/ru/cooperation/anti-terror-training/4689> (accessed 27 December 2020) (in Russian).

Regional Anti-Terrorist Structure of Shanghai Cooperation Organization (RATS SCO) (2015). O provedenii sovmejnogo antiterroristicheskogo uchenii kompetentnykh organov gosudarstv-chlenov Shankhayskoy organizatsii sotrudnichestva “TsentrAziya-Antiterror-2015” [About the Conducted Joint Antiterrorist Exercise

of the Competent Authorities of the Member States of the Shanghai Cooperation Organization ‘CenterAsia-Anti-Terror-2015’], 16 September. Available at: <http://ecrats.org/ru/cooperation/anti-terror-training/6916> (accessed 27 December 2020) (in Russian).

Regional Anti-Terrorist Structure of Shanghai Cooperation Organization (RATS SCO) (2016). O proveden-nom sovmetstnom antiterroristicheskom uchenii kompetentnykh organov gosudarstv-chlenov Shankhayskoy organizatsii sotrudnichestva “Sotrudnichestvo-2016” [On the Joint Antiterrorist Exercise of the Competent Authorities of the Shanghai Cooperation Organization Member States ‘Cooperation-2016’], 19 October. Available at: <http://ecrats.org/ru/cooperation/anti-terror-training/6917> (accessed 27 December 2020) (in Russian).

Regional Anti-Terrorist Structure of Shanghai Cooperation Organization (RATS SCO) (2017). O provedenii sovmetstnogo antiterroristicheskogo ucheniya kompetentnykh organov gosudarstv-chlenov SHOS “Yaroslavl’-Antiterror-2017” [On Holding a Joint Antiterrorist Exercise of the Competent Authorities of the SCO Member States ‘Yaroslavl-Antiterror-2017’], 18 August. Available at: <http://ecrats.org/ru/cooperation/anti-terror-training/6976> (accessed 27 December 2020) (in Russian).

Regional Anti-Terrorist Structure of Shanghai Cooperation Organization (RATS SCO) (2019). O provedenii sovmetstnogo antiterroristicheskogo uchenija kompetentnykh organov gosudarstv-chlenov ShOS “Sary-Arka-Antiterror-2019” [On Holding a Joint Antiterrorist Exercise of the Competent Authorities of the SCO Member States ‘Sary-Arka-Antiterror-2019’], 27 June. Available at: <http://ecrats.org/ru/cooperation/anti-terror-training/7434> (accessed 12 August 2020) (in Russian).

REGNUM (2006). V Uzbekistane v ramkah ShOS proshli sovmetstnye antiterroristicheskie uchenija “Vostok-antiterror 2006” [Joint Antiterrorist Exercise ‘East-Anti-Terror 2006’ Was Held in Uzbekistan Within the Framework of the SCO], 10 March. Available at: <https://regnum.ru/news/603454.html> (accessed 10 August 2020) (in Russian).

Sajjanhar A. (2016). India and the Shanghai Cooperation Organization. *The Diplomat*, 19 June. Available at: <https://thediplomat.com/2016/06/india-and-the-shanghai-cooperation-organization/> (accessed 25 December 2020).

Sputnik China (2016a). Ministry of Defense of the People’s Republic of China: The Establishment of the Afghanistan-China-Pakistan-Tajikistan Armed Forces Coordination Mechanism Will Be a Useful Addition to Antiterrorism Cooperation, 5 April. Available at: <http://sputniknews.cn/military/201604051018730341/> (accessed 5 August 2020) (in Chinese).

Sputnik China (2016b). Ministry of Defense of the People’s Republic of China: The Coordination Mechanism of Antiterrorist Cooperation of the Armed Forces of the Four States ‘Afghanistan-China-Pakistan-Tajikistan’ Is not a ‘Central Asian NATO,’ 6 April. Available at: <http://sputniknews.cn/politics/201604061018734978/> (accessed 6 August 2020) (in Chinese).

Sputnik Tajikistan (2016). Kitaj i Tadzjikistan sozdajut sekretnyj voennyj sojuz [China and Tajikistan Form Secret Military Alliance], 4 August. Available at: <http://ru.sputnik-tj.com/asia/20160804/1020429103.html> (accessed 4 August 2020) (in Russian).

State Duma (2019). V stranah ShOS pojavitsja edinyj spisok jekstremistskih organizacij [A Single List of Extremist Organizations Will Appear in the SCO Countries], 17 July. Available at: <http://duma.gov.ru/news/45730/> (accessed 17 July 2020) (in Russian).

TASS (2019). V 2018 godu spescluzhby ShOS predotvratili terakty so storony vernuvshih iz Sirii boevikov [In 2018, SCO Special Services Prevented Terrorist Attacks by Militants Who Returned From Syria], 15 March. Available at: <https://tass.ru/politika/6221753> (accessed 15 August 2020) (in Russian).

Valkhanskaya N. (2018). «Mirnaja missija»: masshtabnye uchenija stran-uchastnic ShOS startujut na Urale [‘Peaceful mission.’ Large-Scale Exercises of the SCO Member Countries Start in the Urals]. *TVZvezda.ru*, 22 August. Available at: <https://tvzvezda.ru/news/forces/content/201808220423-wn35.htm> (accessed 22 August 2020) (in Russian).

Xi J. (2018). Developing the ‘Shanghai Spirit,’ Building a Community of Common Destiny. Speech at the 18th Meeting of the Council of Heads of State of the Shanghai Cooperation Organization. Qingdao, 10 June. Available at: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gjhdqzz_681964/lhg_683094/zyjh_683104/t1567432.shtml (accessed 30 August 2020) (in Chinese).

- Xinhua (2007). Joint Military Exercise of the SCO Peace Mission 2007. Available at: <http://www.xinhuanet.com/mil/sh07/> (accessed 17 August 2020) (in Chinese).
- Xinhua (2012). Joint Antiterrorist Military Exercise “Peace Mission 2012.” Available at: <http://www.xinhuanet.com/mil/zt/junyan/hpsm2012/> (accessed 8 August 2020). (in Chinese).
- Xinhua (2016). Si Czin’pin vystupil s vazhnoj rech’ju na 16-m zasedanii Soveta glav gosudarstv-chlenov ShOS [Xi Jinping Delivered an Important Speech at the 16th Meeting of the SCO Heads of State Council], 26 June. Available at: http://russian.news.cn/2016-06/25/c_135464540.htm (accessed 25 August 2020) (in Russian).
- Xinhua (2018). Sharp Weapons, Effective Guarantee on the Anniversary of the Signing of the ‘Convention of the Shanghai Cooperation Organization on Countering Extremism,’ 30 May. Available at: http://www.xinhuanet.com/world/2018-05/30/c_129882884.htm (accessed 30 August 2020) (in Chinese).
- Yang C. (2019). Analysis on the Necessity of the Transformation of the Shanghai Cooperation Organization and Its Prospects. *China International Strategic Review 2019 (Part I)*. Beijing: World Affairs Press (in Chinese).
- Zeng X., Li X. (2017). The Impact of Central Asian Member States on the Development of the Shanghai Cooperation Organization: The Path of Small Country Analysis Based on Nationalism. *Journal of Xinjiang Normal University (Philosophy and Social Sciences Edition)*, vol. 38, no 2, pp. 116–32 (in Chinese)
- Zhang X., Dai J. (2019). Shanghai Cooperation Organization Community With a Shared Future: Connotation, Challenges and Construction Path. *Peace and Development*, no 5, pp. 22–36 (in Chinese).

Проблемы реализации цифровой повестки ЕАЭС^{1, 2}

И.М. Попова

Попова Ирина Максимовна — н.с. Центра исследований международных институтов Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС); Российская Федерация, 119034, Москва, Пречистенская наб., д. 11, к. 1; E-mail: popovaim@ranepa.ru

Цифровизация является одним из основных процессов развития экономики как на национальном, так и на глобальном уровне. В странах — членах ЕАЭС активно развивается процесс формулирования и имплементации политики развития цифровой экономики, а в 2017 г. были приняты Стратегические направления развития цифровой повестки ЕАЭС до 2025 г. Выявление особенностей и проблем реализации цифровой повестки в контексте интеграционных процессов в регионе является целью данной статьи. Исследование представляет анализ взаимодействия на наднациональном уровне, в рамках институтов ЕАЭС, а также взаимодействие национального уровня с надгосударственным. Автор приходит к выводу, что проектная часть повестки медленно, но реализуется. Другие предусмотренные механизмы требуют гораздо большего уровня гармонизации, к которому руководители государств — членов ЕАЭС по разным, в том числе вполне объективным, причинам пока не готовы. Главными особенностями реализации цифровой повестки в ЕАЭС являются главенство суверенитета, различный уровень развития на уровне стран-членов как в доступе к инфраструктуре, так и в нормативно-правовой базе, проектный подход к реализации, отсутствие закрепления в Договоре о ЕАЭС, привлечение экспертных сообществ.

По итогам анализа нормативно-правовой базы, хода реализации повестки, а также выделения ее особенностей, сильных и слабых сторон, можно дать следующие рекомендации: создать институциональные и правовые основы цифровой повестки, улучшить координацию между национальным и наднациональным уровнем, обеспечить принятие стратегий развития цифровой экономики во всех странах-членах и их максимальную синхронизацию, повышать эффективность отбора и реализации инициатив, перенимать лучшие практики и сотрудничать с международными организациями, развивать сотрудничество с Европейским союзом и странами Европейского союза для снижения рисков борьбы за влияние на цифровое пространство ЕАЭС.

России развитие цифровой повестки в рамках ЕАЭС и углубление интеграции (или развитие сотрудничества по другим моделям) необходимы для обеспечения реализации национальных интересов в приоритетном регионе — на постсоветском пространстве, особенно с учетом все более активно развивающегося нормативного влияния других акторов, в первую очередь ЕС. С учетом роста значимости цифровизации как фактора экономического роста и усиления конкуренции за влияние на регулирование цифровой экономики, приоритетом для России должно быть разрешение противоречия между принципом главенства суверенитета и развитием интеграции. Возможным выходом может быть подход, основанный на интеграции разных скоростей, апробированный в ЕС. Еще одним вариантом может стать полный пересмотр модели взаимодействия с соседями по региону.

Ключевые слова: ЕАЭС; цифровая повестка ЕАЭС до 2025 г.; интеграционные процессы на постсоветском пространстве; Евразийская экономическая комиссия; цифровая экономика

Для цитирования: Попова И.М. (2021). Проблемы реализации цифровой повестки ЕАЭС // Вестник международных организаций. Т. 16. № 1. С. 127–141 (на русском и английском языках). DOI: 10.17323/1996-7845-2021-01-06

¹ Статья поступила в редакцию в ноябре 2020 г.

² Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Введение

Цифровизация является одним из основных процессов развития экономики как на национальном, так и на глобальном уровне. Повсеместно принимаются различные стратегии и национальные программы, согласовываются документы в рамках международных организаций и институтов. Активно процесс формулирования и имплементации политики развития цифровой экономики идет в государствах – членах ЕАЭС (Евразийского экономического союза). На национальном уровне принимаются комплексные программы, направленные на обеспечение кросс-секторальной цифровизации и извлечение максимальной выгоды от данного процесса при минимизации рисков и вызовов. Также действуют более узкие стратегии, призванные обеспечить цифровизацию конкретных областей и секторов экономики, большое внимание уделяется развитию электронного правительства и цифровизации государственных услуг. При этом среди стран ЕАЭС существует общее понимание того, что углубление сотрудничества в рамках интеграционных процессов в сфере цифровизации несет множество выгод.

О необходимости принятия единой цифровой повестки в рамках ЕАЭС, помимо национальных программ и стратегий, было заявлено в 2015 г., основной документ был принят в 2017. С тех пор идет имплементация цифровой повестки ЕАЭС. На данный момент, согласно плану, закончен первый этап реализации, активно продолжается второй. За это время были приняты новые документы, одобрены и запущены первые инициативы. Также в 2020 г. активно шел процесс согласования новых Стратегических направлений развития интеграции в ЕАЭС до 2025 г. Проект документа доступен, можно проанализировать роль и место цифровой повестки в нем, а также оценить, насколько его положения призваны решить имеющиеся проблемы и можно ли преодолеть барьеры и углубить интеграцию. Это дает основания провести анализ и сделать определенные выводы о ходе развития повестки, существующих достижениях, проблемах, барьерах и вызовах, а также дать рекомендации по возможным дальнейшим направлениям сотрудничества. Выявление особенностей и проблем реализации цифровой повестки ЕАЭС до 2025 г. в контексте интеграционных процессов в регионе является целью данной статьи. Исследование представляет анализ взаимодействия на наднациональном уровне, в рамках институтов ЕАЭС, а также взаимодействия национального уровня с надгосударственным. На уровне стран-членов успешно реализуются программы цифровизации, однако они не являются предметом данного исследования.

В ходе исследования были изучены имеющиеся работы по данной тематике, оценен интерес зарубежных ученых, проанализированы принятые нормативно-правовые акты, а также запущенные инициативы, интервью и материалы членов Комиссии, Делового совета, совместные исследования с международными организациями. В первой части работы анализируется литература по рассматриваемой тематике, вторая часть дает краткое представление о ходе развития цифровой повестки, основных документах и их целях. Далее анализируются основные особенности и проблемы реализации повестки, и, наконец, приводятся рекомендации по возможным направлениям развития в будущем.

Обзор литературы

Цифровая повестка реализуется в рамках ЕАЭС не так давно, основной стратегический документ был принят в 2017 г. Поэтому это направление исследований фактически находится в стадии становления. Однако уже был проведен ряд исследований по множеству аспектов данной проблематики. Особое внимание процессам, связанным с цифровой повесткой, уделяется исследователями в области права, а также таможенного

регулирования. Это неудивительно, учитывая, что в практической плоскости наиболее активные процессы идут именно в таможенной сфере и электронной торговле, а также их правового сопровождения. Исследователи рассматривают вопросы модернизации системы таможенного администрирования [Иванова, Хапилин, Хапилин, 2020], регулирование трансграничного электронного документооборота [Шаститко, Шпакова, 2018], анализируют возможности цифрового транспортного коридора [Зуева, Шайдурова, 2018], развитие правового института цифровой (электронной) таможни в рамках функционирования тематического блока «электронная таможня», а также экспертной группы по подготовке проекта документа «О выработке подходов по формированию цифровой таможни» в ЕАЭС [Мозер, Секербаева, 2020].

Еще одним важным для академической сферы направлением исследований является изучение развития права интеллектуальной собственности в рамках ЕАЭС и реализации цифровой повестки [Шугуров, 2020; 2019], рисков в этой сфере [Лопатин, 2018] и роли Комиссии [Лопатин, 2020]. Также исследователи анализируют реализацию национальных программ цифровизации, ее соотношение с евразийской повесткой [Епикеева, 2019; Алыбаева, Досаалиев, 2018; Лис, Слиж, Богуш, 2018].

Исследований, посвященных комплексной оценке цифровой повестки, ее месту в общих интеграционных процессах, не так много, особенно в рамках политической науки. Отчасти это связано с тем, что повестка активно реализуется всего три года, прошло не так много времени, чтобы проводить комплексный анализ итогов или проблем. Однако такие исследования тоже уже появились [Кондратьева, 2019; Вендиктов, 2018; Дятлов, Трунин, 2020]. В ближайшие годы следует ожидать активного развития данного направления исследований, особенно в контексте выхода новых Стратегических направлений развития интеграции, а также первых итогов реализации трех запущенных проектов в рамках цифровой повестки.

За пределами ЕАЭС исследователи пока не обращаются к теме развития цифровой повестки в объединении. Это объясняется как догоняющим статусом практически всех членов ЕАЭС в сфере развития цифровой экономики, так и маленькими размерами экономики четырех из пяти членов и их ограниченного влияния на международные процессы. Неудивительно, что евразийская интеграция в целом рассматривается практически всегда как инструмент России в ее стремлении к региональному доминированию [Kirkham, 2016; Libman, Obydenkova, 2018; Sergi, 2018]. При этом многие исследования сравнивают ЕАЭС с другими проектами крупных региональных держав, которые стремятся возглавить сотрудничество в регионе, представляющем интерес. В основном сравнение идет с проектом Китая «Пояс и путь» [Kaczmarek, 2017], однако некоторые авторы рассматривают в этом контексте МЕРКОСУР и УНАСУР [Krickovic, 2014].

В целом исследования цифровой повестки ЕАЭС как самостоятельное направление в академической сфере находятся в стадии становления. Множество исследований публикуется по более конкретным аспектам повестки, связанным с ее практической реализацией. При этом сама интеграция также идет, скорее, на самых низких уровнях, по максимально конкретным вопросам, под которые принимаются специальные нормативные акты, а на уровне общего стратегического развития, связанного с распределением компетенций и работой наднационального уровня, прогресса пока нет.

Развитие цифровой повестки в ЕАЭС

Создание единой информационной системы предусмотрено Договором о ЕАЭС. Информационному взаимодействию в рамках Союза посвящена ст. 23. В ней отмечается, что «информационное взаимодействие при реализации общих процессов в рамках

Союза осуществляется с использованием интегрированной информационной системы Союза, обеспечивающей интеграцию территориально распределенных государственных информационных ресурсов и информационных систем уполномоченных органов, а также информационных ресурсов и информационных систем Комиссии» [ЕАЭС, 2014]. При этом предполагается, что «для обеспечения эффективного взаимодействия и координации государственных информационных ресурсов и информационных систем государства-члены проводят согласованную политику в области информатизации и информационных технологий» [Там же]. Также в Приложении 3 Договора содержится Протокол об информационно-коммуникационных технологиях и информационном взаимодействии в рамках ЕАЭС, который определяет основополагающие принципы информационного взаимодействия и координации в рамках Союза, а также порядок создания и развития интегрированной информационной системы. Создание Единой информационной системы является важным аспектом развития единой цифровой повестки, однако существуют и другие. В скором времени пришло осознание, что цифровая повестка не сводится только к информационному взаимодействию, поэтому началась разработка единой стратегии на уровне Союза.

Старт работы над цифровой повесткой ЕАЭС был дан 26 ноября 2015 г. в Минске, когда на первом заседании президиума Делового совета Евразийского экономического союза представители бизнеса предложили наделить ЕЭК полномочиями по созданию единого цифрового пространства. Идея была поддержана Комиссией, в результате в новом составе ЕЭК появился портфель члена коллегии (министра) по информатизации, информационно-коммуникационным технологиям. Официально на уровне ЕАЭС цифровая повестка была принята в 2016 г. после подписания главами государств-членов Заявления о цифровой повестке. В Заявлении лидеры отметили стремление «обеспечить необходимые условия для формирования цифровой повестки ЕАЭС, в том числе путем разработки нормативно-правовой базы цифровой экономики государств – членов ЕАЭС; подготовки предложений и обмена опытом в сфере охраны и защиты прав на объекты интеллектуальной собственности; создания государственно-частных партнерств в области цифровой экономики; стимулирования и поддержки цифровых инициатив и проектов; поддержки диалога между всеми заинтересованными организациями и гражданами государств – членов ЕАЭС и продвижения лучших практик в области цифровой экономики» [ЕЭК, 2016а]. Небольшой трехстраничный документ дал старт началу официальной работы по развитию цифровой повестки на уровне Союза. Ему предшествовала значительная работа Евразийской комиссии, которая представила свое видение того, как должна развиваться интеграция по данному направлению. Это видение Комиссии нашло отражение в последующих принятых документах [ЕЭК, 2016б].

В октябре 2017 г. были приняты Основные направления реализации цифровой повестки ЕАЭС до 2025 г. – на данный момент это основной документ, регулирующий реализацию повестки на наднациональном уровне. Цели реализации цифровой повестки заключаются в «актуализации сложившихся механизмов интеграционного сотрудничества в рамках Союза с учетом глобальных вызовов цифровой трансформации, в обеспечении качественного и устойчивого экономического роста государств-членов, в том числе для ускоренного перехода экономик на новый технологический уклад, формирования новых индустрий и рынков, развития трудовых ресурсов. Реализация цифровой повестки позволит синхронизировать цифровые трансформации и сформировать условия для развития отраслей будущего в государствах-членах» [ЕЭК, 2017]. В целом реализация цифровой повестки соотносится с одной из ключевых целей развития ЕАЭС, которая была принята в Договоре о создании Союза, – «Собственный центр силы».

В 2018–2019 гг. согласовано десять документов, регулирующих реализацию цифровой повестки в ЕАЭС. Большинство из них имеют технический или операционный характер. Ряд документов, например, Решение Евразийского межправительственного совета от 30 апреля 2019 г. № 6 «О создании условий для развития цифровой экосистемы торговли в Евразийском экономическом союзе», дают поручение Комиссии по проработке данного направления сотрудничества и являются важными для координации работы, но не имеют содержательного наполнения. В настоящее время реализация повестки находится в середине второго этапа «Формирование институтов цифровой экономики и цифровых активов, а также развитие цифровых экосистем» (2020–2021 гг.). На данном этапе представляется интересным проанализировать особенности реализации повестки на первом этапе, а также оценить готовность перехода к третьему этапу, риски и возможности реализации (до 2025 г.) «проектов цифровых экосистем и цифрового сотрудничества на глобальном, региональном, национальном и отраслевом уровнях».

Итоги реализации первого этапа Стратегии

В настоящий момент, согласно плану, идет второй этап реализации Стратегических направлений развития цифровой повестки в ЕАЭС, первый этап завершен и можно подвести его итоги. Главными задачами начальной стадии реализации были моделирование процессов цифровой трансформации, проработка первых инициатив и запуск приоритетных проектов. В основном документе, утвержденном Советом, нет более подробного описания целей и задач каждого из этапов. Если оценивать, насколько удалось достичь поставленных целей, исходя из максимально короткого описания, можно сказать, что главные задачи были реализованы: проработаны первые инициативы и запущены три проекта. Первый проект – Экосистема цифровых транспортных коридоров Евразийского экономического союза. Его цели: отказ от бумажного сопровождения транспортно-логистических операций и полный переход к обмену данными; создание единых стандартов для транспортно-логистических сервисов; переход на сквозную интегрированную систему надзора, основанную на анализе данных, снимающую с перевозчиков большую долю административной нагрузки. Второй проект – Унифицированная система поиска «Работа без границ». Цели проекта: расширение возможностей трудоустройства и поиска работы для граждан государств-членов; увеличение для работодателей среды поиска персонала на свободные рабочие места и вакантные должности; внедрение современных и эффективных цифровых инструментов взаимодействия рынков труда; содействие ускорению процессов свободного передвижения трудовых ресурсов в рамках Союза при развитии цифровой экономики. Третий проект – Евразийская сеть промышленной кооперации, субконтрактации и трансфера технологий. Он реализуется со следующими целями: создание цифровой экосистемы для обеспечения взаимодействия хозяйствующих субъектов в целях промышленной кооперации, субконтрактации и трансфера технологий; вовлечение малых и средних предприятий в производственные цепочки крупных производителей; стимулирование инновационных процессов путем трансфера технологий; возможность продвижения продукции субъектов промышленности с использованием международных цифровых экосистем государств-членов и третьих стран. Для запуска этих трех проектов нужно было согласовать множество процессов, проработать необходимую нормативную базу, поэтому данный этап не был простым. Возникли сложности, связанные с недостаточно четко определенным функционалом Комиссии в реализации проектов ввиду отсутствия нормативных документов более высокого уровня. Также процесс утверждения

и запуска проектов замедлился. На данный момент в основном обеспечивается функционирование первых трех проектов. Это важный аспект, однако дальнейшее развитие повестки невозможно без новых проектов, с учетом того, что их реализация является ключевым и главным механизмом.

Если запуск трех проектов можно считать достижением первого этапа реализации, то с другими направлениями развития цифровой повестки все не так успешно. Другими механизмами, согласно Стратегическим направлениям, являются совершенствование права Союза, а также создание «песочницы». По этим двум направлениям прогресс более скромный. Решение о создании «песочницы» пока не принято, работа находится в стадии обсуждения. Для реализации первых проектов и координации связанной с ними деятельности было принято множество документов, что можно отчасти считать прогрессом в развитии права Союза. Однако стратегические документы на уровне ЕАЭС в целом, необходимые для регулирования более широких аспектов, приняты не были.

Интересно сравнить первоначальное видение Комиссии по реализации повестки и ее первого этапа, которое можно найти в ее предложении, с тем, что в итоге было зафиксировано в решении Совета. Комиссия, что неудивительно, гораздо больший акцент делала на наднациональном сотрудничестве и углублении интеграции, в том числе через гармонизацию и создание новых институтов. Согласно ее видению, на первом этапе предлагалось до конца 2018 г. проработать Цифровой кодекс ЕАЭС, Декларацию по цифровой экономике ЕАЭС, соответствующие национальные доктрины, в том числе в области цифровой безопасности. В рамках первого этапа работ, в соответствии с предложением Комиссии, необходимо было разработать планы по гармонизации нормативных актов государств – членов ЕАЭС в части цифровых активов, цифровых процессов и цифровой инфраструктуры; создать и развить системы межгосударственных стандартов в цифровой сфере.

Также, согласно видению Комиссии, предусматривались создание «цифровой песочницы» и среды цифровых стартапов, внесение изменений в нормативные документы ЕАЭС и Комиссии в части обеспечения деятельности ключевых институтов развития цифровой трансформации, создание и запуск Евразийского центра цифровой трансформации, сети центров обеспечения цифровой трансформации, площадки диалога цифровой трансформации отраслей, Евразийского института стандартизации в цифровой экономике, а также подготовка проекта изменений в Союзный договор и утверждение изменений. Из всех предложений в окончательной версии Стратегических направлений осталась только «цифровая песочница». В итоге все инициативы по созданию наднациональных институтов были отвергнуты, Комиссии была определена функция координации национальных процессов, а сама повестка подчеркнула верховенство суверенитета и высветила неготовность реально углублять интеграцию.

В целом проектная часть повестки медленно, но реализуется. Другие же механизмы требуют гораздо большего уровня гармонизации, к которому руководители стран – членов ЕАЭС по разным, в том числе вполне объективным, причинам пока не готовы.

Особенности реализации цифровой повестки в ЕАЭС

На основании анализа основных документов, регулирующих реализацию цифровой повестки в ЕАЭС, можно выделить несколько характеристик процесса имплементации решений и развития цифровой экономики на уровне Союза. Некоторые из этих особенностей имеют положительный характер и обеспечивают развитие процесса интеграции, другие, наоборот, создают очевидные барьеры, однако при этом имеют объ-

активный характер, зачастую не могут быть быстро трансформированы и поэтому становятся частью реальности, в которой необходимо искать решения проблем.

Главенство суверенитета

Все основные документы, регулирующие реализацию цифровой повестки, подчеркивают первичность национальных интересов, а также национальных стратегий развития цифровой экономики. Все решения, касающиеся имплементации повестки, принимаются на уровне глав государств, при этом ставится цель координации процессов, происходящих на национальном уровне, а также максимального устранения барьеров внутри Союза, то есть на наднациональном уровне возможны только попытки синхронизации и координации процессов, происходящих в странах-членах. Принцип главенства суверенитета прослеживается в выступлениях и интервью членов Комиссии, которые отмечают усилия, прилагаемые для того, чтобы «выстроить инфраструктуру на основе экосистемы национального суверенитета, не поглощая всех в одну платформу, создавая распределенную сеть»³. Такой подход отчасти противопоставляется используемому в ЕС. Утверждается, что успех данной модели может сделать ее образцом для других государств и объединений.

У отмеченного подхода есть как сильные, так и слабые стороны. К сильным сторонам можно отнести возможность определения приоритетов на национальном уровне, учет национальных особенностей, максимально высокий уровень принятия решений, а значит, наличие политической воли, которая может способствовать прогрессу в реализации повестки. К слабым сторонам можно отнести относительно медленные темпы интеграции, а также не до конца очевидные роли вовлеченных институтов, в том числе наднациональных. Кроме того, необходимость одобрения решений на самом высоком уровне замедляет процесс согласования и принятия необходимых изменений.

Отсутствие вопросов цифровизации в Договоре о создании ЕАЭС

В 2014 г., когда Договор был подписан, вопросы цифровизации не были настолько актуальны, как сегодня. Статья 23 Договора посвящена информационному взаимодействию и развитию единой информационной системы, однако, как отмечалось ранее, это гораздо более узкая трактовка цифровой повестки, которая была значительно расширена с принятием Стратегических направлений. В течение буквально нескольких лет они стали одними из центральных в политике государств и деятельности международных институтов. При этом отсутствие упоминаний цифровизации как сферы интеграции в Договоре сильно затрудняет реализацию повестки, не позволяя четко определить компетенции институтов, а также возможные механизмы финансирования из бюджета Союза. Задача развития нормативно-правовой базы обозначена как один из приоритетов реализации повестки на втором этапе имплементации (2019–2022 гг.), однако в настоящий момент, несмотря на предложения Комиссии, не обсуждается внесение соответствующих изменений в Договор.

Главная задача развития ЕАЭС в 2020 г. – согласовать стратегические направления развития интеграции до 2025 г. Стратегические направления состоят из общих положений и 330 мер и механизмов, сгруппированных в 11 системных блоков. В целом доку-

³ Министр ЕЭК в интервью CNews – об общих цифровых экосистемах Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии и России // C-News. 2020. 14 января, https://www.cnews.ru/articles/2020-01-14_ministr_ee_k_v_intervyu_cnews_ob_obshchih.

мент сложно назвать прорывным в отношении развития и углубления интеграционных процессов. Он очень ограниченно расширяет компетенции наднационального уровня и не обеспечивает качественного всеобъемлющего углубления интеграции, в основном концентрируясь на продолжении развития отдельных узких сфер или проектов по приоритетным направлениям сотрудничества, к которым относятся торговля и таможенное регулирование, макроэкономическая политика и финансы, промышленность и сельское хозяйство, энергетика, цифровая экономика, транспорт. Реализация Стратегии должна в том числе привести к формированию цифрового пространства ЕАЭС⁴. В документе главным образом акцентируются практические аспекты сотрудничества, прежде всего развитие электронной торговли и упрощение таможенных процедур. Также поставлена задача формирования евразийских цифровых экосистем и развития сотрудничества в сфере защиты прав интеллектуальной собственности. Только одно предложение касается внесения каких-либо изменений в текст Договора о ЕАЭС – это предложение включить в него определение понятия «трансграничное пространство доверия». Никаких конкретных предложений по внесению цифровой повестки как отдельной новой главы в Договор нет, а значит, эта сфера не появится в нем минимум до 2025 г. При этом запрос со стороны Комиссии на внесение сферы в Договор для более четкого определения компетенций, а также возможного расширения бюджетных статей Союза есть, но, видимо, страны-члены не хотят идти на такой шаг.

На современном этапе развития цифровая повестка реализуется достаточно медленно. Приняты стратегические документы, а также наиболее специфические акты, которые обеспечивают сотрудничество по конкретным направлениям, но нехватка именно нормативных документов на уровне Союза, которые должны регулировать более широкие направления сотрудничества, например, в сфере управления данными, тормозит развитие интеграции. В такой ситуации нельзя говорить о серьезном влиянии ЕАЭС в сфере регулирования цифровой экономики на глобальном уровне, в то время как на региональном присутствуют сильные конкуренты, прежде всего ЕС.

Неравномерный уровень цифровизации в странах-членах

Неравномерность развития – одна из черт интеграционных процессов в ЕАЭС в целом и в цифровой сфере в частности. На уровне стран-членов наблюдается как разный уровень доступа к цифровым услугам и технологиям, так и разные уровни проработанности повестки в национальной политике. Не во всех государствах – членах ЕАЭС есть необходимое регулирование и установленные определения, прежде всего в таких сферах, как персональные данные и цифровые финансовые услуги. В силу главенства суверенитета существующие документы не предусматривают возможности разработки общих подходов и определений на наднациональном уровне и последующего внедрения их в странах-членах. Это создает барьеры для развития интеграции, особенно в части общих подходов к регулированию, обеспечивающих более эффективную реализацию повестки.

Проектный подход к реализации повестки

Одним из главных инструментов реализации повестки является одобрение инициатив, которые впоследствии становятся проектами. Именно через осуществление

⁴ Проект документа, определяющего стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 г., https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01427742/err_25112020_166.

проектов на уровне ЕАЭС предполагается обеспечить большую интеграцию и гармонизацию процессов цифровизации. На первом этапе ставилась задача запуска реализации нескольких важных проектов. На данный момент, как отмечалось ранее, запущены три таких проекта. Для поддержки проектного подхода в июне 2020 г. был создан Фонд цифровых инициатив Евразийского банка развития.

Проектный подход позволяет ставить и решать максимально конкретные задачи, при этом вовлекая в реализацию все страны-члены и повышая уровень синхронизации и гармонизации. В то же время дробление на относительно небольшие и конкретные проекты затрудняет обеспечение связанности всех сфер и процессов. Одобрение проектов осуществляется на самом высоком уровне принятия решений, на котором сложнее обеспечивать связанность инициатив между собой, а также необходимый уровень оперативности и эффективности координации.

Экспертиза как важный инструмент реализации повестки

Одним из важных инструментов реализации цифровой повестки в ЕАЭС является максимальное использование экспертизы на всех этапах разработки новых мер, принятия инициатив и их реализации. Пожалуй, это одна из самых позитивных особенностей, она позволяет надеяться, что при должной заинтересованности вовлекаемых сторон можно продвигать позитивные изменения. Привлечение экспертов, бизнеса и других заинтересованных сторон, а также использование опыта и знаний высококвалифицированного персонала Комиссии является безусловной положительной характеристикой процессов на уровне Союза. В настоящее время Комиссия имеет ряд экспертных площадок по целому ряду направлений развития цифровой повестки. Продолжается активное сотрудничество с международными организациями. Например, со Всемирным банком проведено совместное исследование, посвященное развитию цифровой повестки. Однако на данном этапе экспертный потенциал пока не трансформировался в драйвер процессов цифровой интеграции. Отчасти это объясняется стремлением к принятию решений на максимально высоком уровне и межправительственном уровне, то есть все инициативы фактически должны быть одобрены всеми главами государств-членов.

Рекомендации по реализации цифровой повестки ЕАЭС до 2025 г.

Интеграционные процессы в ЕАЭС, хотя и медленно, но развиваются, периодически пересматриваются стратегические направления взаимодействия, вносятся предложения по новым нормативно-правовым актам, изменениям в существующие. Цифровой повестки изначально вообще не было в Договоре, однако необходимые документы для начала ее реализации были согласованы, и процесс запущен. Поэтому очень важно формулировать рекомендации по реализации повестки. К сожалению, на данный момент возможности вывести интеграцию в сфере цифровой повестки на новый уровень упускаются, исходя из содержания Стратегических направлений развития интеграции до 2025 г. Однако изменения все равно можно и нужно вносить в процессе реализации. По итогам анализа нормативно-правовой базы, хода реализации повестки, а также выделения ее особенностей, сильных и слабых сторон можно предложить следующие рекомендации.

Создать институциональные и правовые основы цифровой повестки

Важно предусмотреть распределение ответственности и полномочий между органами управления на союзном и национальном уровне. Несмотря на то что разработка нормативно-правовой и институциональной базы заявлена как приоритет реализации повестки на втором этапе (2019–2022 гг.), необходимо интенсифицировать работу по данному направлению, особенно в контексте отсутствия соответствующих предложений в Стратегических направлениях. Комиссия создает новые правовые акты, которые обеспечивают реализацию текущих трех приоритетных проектов, однако таких проектов будет все больше, особенно на третьем этапе. Правовая определенность и четкое определение компетенций сделают работу более эффективной. Необходимо рассмотреть вопрос о включении сферы цифровизации в Договор о ЕАЭС, так как именно он является основным для определения компетенций и направлений сотрудничества. Премьер-министр России М. Мишустин 4 декабря 2020 г. заявил, что свобода движения информации должна стать пятой свободой в рамках ЕАЭС наряду с движением товаров, услуг, капитала и рабочей силы⁵. Значит, как минимум со стороны России, есть заинтересованность в том, чтобы внести соответствующие изменения в Договор о ЕАЭС. Необходимо активно работать с партнерами для обеспечения поддержки данного предложения всеми членами Союза.

Улучшить координацию между национальным и наднациональным уровнем

В тех сферах, где Комиссия обладает определенной самостоятельностью или где получила полную единогласную поддержку от стран-членов, процесс интеграции идет довольно активно, однако зачастую создается разрыв между двумя уровнями принятия решений, действия на национальном уровне запаздывают и требуют более активной координации. Если же между странами-членами существуют противоречия или несогласие, деятельность Комиссии затрудняется, процессы тормозятся. Необходимо повысить интенсивность взаимодействия национальных ведомств с Комиссией, ускорив процесс принятия решений на национальном уровне. Эта проблема напрямую связана с необходимостью улучшения нормативно-правовой и институциональной базы реализации цифровой повестки. При этом в определенных аспектах каждая из стран ЕАЭС готова углублять интеграцию, активно сотрудничать с Комиссией для обеспечения принятия соответствующих решений и нормативных актов. Однако отсутствие консенсуса чаще всего тормозит процесс, а наднациональный уровень не обладает достаточным количеством компетенций, чтобы обеспечить необходимое согласие между всеми членами.

Обеспечить принятие стратегий развития цифровой экономики во всех странах-членах и их максимальную синхронизацию

Отсутствие некоторых важных определений и закреплённых подходов по целому ряду направлений развития цифровой экономики в странах-членах тормозит процесс координации на уровне Союза, особенно с учетом верховенства суверенитета и национальных программ развития. Необходимо принятие на национальном уровне всеми

⁵ Мишустин предложил внедрить в ЕАЭС свободу движения информации // Парламентская газета. 2020. 4 декабря, <https://www.pnp.ru/politics/mishustin-predlozhit-vnedrit-v-eaes-svobodu-dvizeniya-informacii.html>.

членами соответствующих основных документов, позволяющих приступить к непосредственной координации и выработке общих решений. При этом необходимо активное сотрудничество и обмен лучшими практиками, в том числе регуляторными, с теми странами-членами, в которых процесс формулирования основных политик в сфере цифровизации еще не закончен, чтобы принимаемые ими решения были максимально синхронизированы с уже имеющимися положениями в других странах. Комиссия может оказывать экспертную поддержку в этой области. Еще одним вариантом преодоления разрыва в регулировании может стать принятие на уровне ЕАЭС принципа интеграции разных скоростей. Данная модель предполагает интеграцию заинтересованных членов с возможностью присоединения остальных на более поздних этапах. Те страны, в которых регуляторная среда более развита, могут начать прорабатывать совместные нормативные документы, а остальные будут решать задачи на национальном уровне и присоединятся, как только будут прояснены все вопросы и приняты необходимые нормативные документы.

Повышать эффективность отбора и реализации инициатив и проектов

Необходимо проанализировать итоги реализации первого этапа повестки и проектов, чтобы выявить проблемы, а также положительный опыт. Например, представители бизнеса отмечают, что «реализация первых цифровых механизмов маркировки и прослеживаемости товаров в ЕАЭС, показав свою целесообразность и жизнеспособность, столкнулась с множеством проблем и барьеров. Одной из причин этого стали различия в приоритетах экономического развития государств – членов ЕАЭС» (Российский союз промышленников..., 2020). В связи с этим Деловой совет выступил с предложением введения так называемых базовых секторов, в которых интересы и уровень развития всех членов ЕАЭС максимально совпадают, и одобрения проектов в первую очередь в этих секторах «для целей отработки механизмов реализации цифровой повестки, включая реализацию пилотных проектов, освоение лучших практик, апробацию различных механизмов, технологий и решений цифровизации для их последующего распространения в других секторах и отраслях в отношении всех “свобод” Союза с выходом на комплекс сервисов цифровой торговли» (Российский союз промышленников..., 2020). Такой подход действительно может дать преимущества в дальнейшем развитии проектов и постепенном движении от простого к более сложному.

Обеспечить достаточное финансирование реализации повестки развития цифровой инфраструктуры и сокращения цифрового разрыва внутри стран и между ними, а также развитие навыков

Финансирование проектов и инициатив должно быть достаточным как на национальном, так и на наднациональном уровне. Необходимо обеспечить Комиссию достаточными ресурсами для реализации повестки, активно обсуждать бюджет ЕАЭС, его размер и целевые расходы. Также необходимо развивать диалог и сотрудничество с банками развития, прежде всего с Евразийским банком, учитывая, что цифровые инициативы относятся к числу приоритетов ЕАБР и им был создан специальный Фонд цифровых инициатив.

Развитие инфраструктуры и навыков как на национальном уровне, так и на уровне Союза – необходимое условие успешного развития цифровой экономики. При согласии всех членов возможна передача технологий и помощь в реализации лучших практик. Например, в сфере цифровизации государственных услуг Россия находится на

очень высоком уровне развития и может обеспечить обмен лучшими практиками или обучение имеющимся решениям специалистов из других государств – членов ЕАЭС.

Развивать сотрудничество с ЕС и странами ЕС для снижения рисков борьбы за влияние на цифровое пространство ЕАЭС

Необходимо изучать выгоды от включения цифровых аспектов в различные торговые и другие соглашения с третьими странами и акторами, чтобы не только интегрировать цифровое пространство в рамках Союза, но и встроить его в более широкие региональные и глобальные сети и пространства и избежать изоляции.

Особенно важно изучать политику в сфере цифровой экономики ЕС, а также следить за ее развитием. Уже сейчас есть потенциал для пересечения интересов России и ЕС, в том числе на территории членов ЕАЭС – Белоруссии и Армении. В рамках политики добрососедства ЕС реализует программу EU4Digital, которая предполагает содействие цифровизации стран-участниц, в том числе через гармонизацию нормативной среды. Другими словами, условием участия в программе и извлечения из нее выгод является принятие норм и стандартов ЕС в сфере регулирования цифровой экономики. С учетом главенства суверенитета как одного из принципов реализации цифровой повестки может сложиться ситуация, при которой партнеры по ЕАЭС примут решение стать частью регуляторной среды ЕС, в то время как на уровне ЕАЭС повестка только формируется, а серьезная наднациональная нормативно-правовая база пока просто отсутствует. В идеальном сценарии необходимо налаживать сотрудничество с ЕС и закладывать основу для интеграции интеграций, чтобы формировать единое нормативное пространство и избегать конфликта интересов. В текущих условиях такой сценарий сложно реализовать, особенно с учетом растущей политизации сферы цифровой экономики. Однако выстраивание диалога, изучение лучших практик ЕС и их внедрение (при условии отсутствия рисков) может заложить основу для сотрудничества, активизация которого может начаться при улучшении отношений.

Изучать и по возможности использовать лучшие практики других объединений, активно сотрудничать с международными организациями

Опыт ЕС может быть очень полезен, например, в части обеспечения свободного перемещения неперсональных данных, а также повторного использования результатов исследований, профинансированных государством. Также перед ЕАЭС стоит задача сформировать единое безопасное пространство перемещения и обработки персональных данных. Нормативные акты в этой сфере также есть у ЕС, и изучение его опыта может быть полезным.

Учитывая, что Комиссия уже имеет удачный опыт совместной работы со Всемирным банком, необходимо более активно пользоваться экспертизой международных организаций для выработки решений. Также необходимо развивать сотрудничество с ключевыми правительственными и неправительственными организациями, которые принимают важные решения в регулировании цифровой экономики. Так, важным является изучение документов, внедрение лучших практик, принимаемых ОЭСР в области регулирования широкополосного доступа, развития цифровой торговли, регулирования оборота данных, защиты потребителей и по другим аспектам цифровой экономики.

Заключение

Реализация цифровой повестки ЕАЭС медленно, но продвигается, на этом пути есть как безусловные достижения, так и трудности. Ее развитие хорошо иллюстрирует все особенности и проблемы евразийской интеграции в целом. Комиссия проделывает серьезную работу, обладает высоким уровнем экспертизы, а также активно сотрудничает с экспертами, бизнесом и международными организациями. Удалось запустить реализацию трех проектов, преодолев ограничения, возникающие из-за отсутствия четких компетенций и механизмов их реализации на уровне Союза.

Однако сохраняется разрыв между национальным и наднациональным уровнем, главная причина которого – главенство суверенитета и национальных интересов стран-членов. Эта характеристика евразийской интеграции становится препятствием для решения многих других проблем и устранения барьеров, прежде всего они мешают четко определять компетенции и формировать необходимую нормативную базу. На данном этапе в цифровой сфере и в процессе развития ЕАЭС в целом как никогда остро стоит проблема необходимости четкого представления о главной цели и принципах объединения. Если целью является развитие и углубление интеграции в классическом понимании, необходимо наделение Комиссии и наднационального уровня в целом большими компетенциями во всех сферах, включая цифровую экономику. ЕАЭС пришел на смену Евразийскому экономическому сообществу именно как символ перехода на новую ступень интеграции – создание экономического союза. Эта стадия развития интеграции предполагает гораздо более сильный наднациональный уровень. Однако постоянный акцент на суверенитете и стремление продемонстрировать новую модель интеграции «в экосистеме суверенитета» отклоняется от традиционной интеграционной парадигмы и тормозит реализацию цифровой повестки.

Если же участники объединения видят для него особый путь и никто не готов жертвовать никакими компетенциями, при этом принципиально хотя бы в публичном пространстве сохранить дискурс об интеграции и экономическом союзе, необходимо решать проблемы низкой эффективности принятия решений на уровне Союза за счет улучшения коммуникации и сотрудничества, сокращения времени реагирования на запросы на национальном уровне, а также оперативно принимать решения на уровне лидеров для обеспечения деятельности Комиссии.

Радикальным же вариантом может быть полный пересмотр цели и природы объединения, рассмотрение других моделей сотрудничества. В своем развитии ЕАЭС довольно очевидно ориентируется на ЕС и модель европейской интеграции, старается максимально перенимать опыт, где это возможно. Однако абсолютная неготовность ограничивать суверенитет и передавать компетенции на наднациональный уровень, прежде всего Комиссии, и значительно усилить роль Евразийского суда, а также разные размеры экономик стран-членов, разный уровень их развития и влияния, делают европейскую модель интеграции практически нереализуемой для ЕАЭС. Возможно, стоит обратиться к другим моделям сотрудничества, которые не предполагают развития независимого наднационального уровня, или сформулировать новую парадигму, отойдя от классического языка интеграции и не вводя в заблуждение ни участников, ни общественность.

Для России развитие цифровой повестки в рамках ЕАЭС и углубление интеграции (или развитие сотрудничества по другим моделям) необходимы для обеспечения реализации национальных интересов в приоритетном регионе – на постсоветском пространстве, особенно с учетом все более активно развивающегося нормативного влия-

ния других акторов, в первую очередь ЕС. С учетом роста значимости цифровизации как фактора экономического роста и усиления конкуренции за влияние на регулирование цифровой экономики, приоритетом для России должно быть разрешение противоречия между принципом главенства суверенитета и развитием интеграции. Возможным выходом может быть подход, основанный на интеграции разных скоростей, апробированный в ЕС. Еще одним вариантом может стать полный пересмотр модели взаимодействия с соседями по региону.

Источники

Алыбаева Г.Д., Досаалиев М.Д. (2018). Современное понимание цифровизации экономики Кыргызстана в рамках ЕАЭС // Вестник Дипломатической академии Министерства иностранных дел Кыргызской Республики им. Казы Дикамбаева. № 9. С. 114–122.

Венидиктов С.В. (2018). Формирование цифровой экономики как повестка дня Евразийского экономического союза // Научные труды Республиканского института высшей школы. № 17. С. 17–23.

Дятлов С.А., Трунин В.И. (2020). Эффекты интеграции в условиях цифровой трансформации экономик стран Евразийского экономического союза // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. № 3 (123). С. 28–35.

Евразийская экономическая комиссия (2016а). Заявление о цифровой повестке Евразийского экономического союза. Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/workgroup/Pages/Решение-Высшего-совета-от-26-декабря-2016-г.aspx>.

Евразийская экономическая комиссия (2016б). Предложения по формированию цифрового пространства. Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/workgroup/materials/Documents/Предложения%20по%20формированию%20цифрового%20пространства.pdf>

Евразийская экономическая комиссия (2017). Решение ВЕЭС № 12 Основные направления реализации цифровой повестки ЕАЭС. Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/workgroup/Documents/Основные%20документы/Решение%20ВЕЭС%20№12_Основные%20направления%20реализации%20цифровой%20повестки%20ЕАЭС.pdf

Евразийский экономический союз (2014). Договор о Евразийском экономическом союзе. Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0013611/itia_05062014_doc.pdf.

Евразийский экономический союз (2020). Проект документа, определяющего стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года. Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01427742/err_25112020_166

Зуева А.М., Шайдуллова М.В. (2018). Цифровой транспортный коридор как новый элемент в организации таможенного контроля // NovaUm.Ru. № 13. С. 99–101.

Иванова О.Б., Хапилин А.Ф., Хапилин С.А. (2020). Цифровая повестка ЕАЭС в контексте модернизации системы таможенного администрирования // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). № 1 (69). С. 157–163.

Кондратьева Н.Б. (2019). Цифровая повестка для ЕАЭС: от понимания феномена к рекомендациям // Русская политология. № 2 (11). С. 12–16.

Лис П.А., Слиж В.И., Богущ В.А. (2018). Направления и механизмы реализации цифровой повестки ЕАЭС в Республике Беларусь // Цифровая трансформация. № 1. С. 5–13.

Лопатин В.Н. (2018) Правовые риски интеллектуальной собственности при переходе к цифровой экономике в ЕАЭС // Право.by. № 6 (56). С. 64–70.

Лопатин В.Н. (2020). О роли ЕЭК в евразийской интеграции по вопросам интеллектуальной собственности // Право интеллектуальной собственности. № 2. С. 4–18.

Мозер С.В., Секербаева Д.К. (2020). К вопросу о функционировании тематического блока «электронная таможня» в Евразийском экономическом союзе // Социально-политические науки. Т. 10. № 1. С. 49–59.

Российский союз промышленников и предпринимателей (2020). Обращение к председателю Евразийской экономической комиссии. Режим доступа: <http://xn--o1aabe.xn--plai/upload/iblock/c25/%D0%9E%D0%B1%D1%80%D0%B0%D1%89%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%94%D0%A1%20%D0%A6%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%8F%20%D0%BF%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BA%D0%B0.pdf>

Шаститко А.Е., Шпакова А.А. (2018). Регулирование трансграничного электронного документооборота в Евразийском экономическом союзе // Государственное управление. Электронный вестник. № 71. С. 242–269.

Шугуров М.В. (2019). Право интеллектуальной собственности Евразийского экономического союза: системно-правовой подход // Вестник Саратовской государственной юридической академии. № 4 (129). С. 82–99.

Шугуров М.В. (2020). Полномочия институциональных органов региональных интеграционных объединений государств в сфере интеллектуальной собственности (на примере ЕС и ЕАЭС) // Журнал Суда по интеллектуальным правам. № 3 (29). С. 34–44.

Enikeeva Z. (2018). Digital Agenda in the EAEU Countries: The Case of Kyrgyzstan // Торговая политика. № 4 (20). С. 55–82.

Kaczmarek M. (2017). Non-western Visions of Regionalism: China's New Silk Road and Russia's Eurasian Economic Union // International Affairs. Vol. 93. Iss. 6. P. 1357–1376.

Kirkham K. (2016). The formation of the Eurasian Economic Union: How Successful is the Russian Regional Hegemony? // Journal of Eurasian Studies. Vol. 7. Iss. 2. P. 111–128.

Krickovic A. (2014). Imperial Nostalgia or Prudent Geopolitics? Russia's Efforts to Reintegrate the Post-Soviet Space in Geopolitical Perspective // Post-Soviet Affairs. Vol. 30. Iss. 6. P. 503–528.

Libman A., Obydenkova A. (2018). Regional International Organizations as a Strategy of Autocracy: The Eurasian Economic Union and Russian Foreign Policy // International Affairs. Vol. 94. Iss. 5. P. 1037–1058.

Sergi B.S. (2018). Putin's and Russian-led Eurasian Economic Union: A Hybrid Half-economics and Half-political "Janus Bifrons" // Journal of Eurasian Studies. Vol. 9 (1). P. 52–60.

The Challenges of Implementing the EAEU's Digital Agenda^{1,2}

I. Popova

Irina Popova – Researcher at the Center for International Institutions Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 11 Prechistenskaya naberezhnaya, Moscow, 119034, Russian Federation; E-mail: im-popova@ranepa.ru

Abstract

Digitalization is one of the dominant processes in contemporary economic development, both on the national level and globally. The process of articulating and implementing digital economy policies is underway in the member states of the Eurasian Economic Union (EAEU), and in 2017 the EAEU Strategic Directions for the Development of the Digital Agenda Until 2025 were adopted. Identifying the specificities and challenges of the digital agenda's implementation in the context of integration processes in the region is the aim of this article. The study focuses on the interaction at the supranational level of decision-making within EAEU institutions, as well as the interaction of the national and supranational levels. The author concludes that the projects and initiatives are being implemented as a part of the agenda, albeit slowly. The other envisaged mechanisms require a much higher level of harmonization, for which EAEU leaders are not yet ready. The main features of the digital agenda's implementation in the EAEU are the primacy of sovereignty, diverging levels of digitalization of members in both access to infrastructure and regulatory frameworks, project-based approaches to implementation, absence of a digital agenda in the EAEU Treaty and involvement of expert communities.

Based on analysis of the legal and regulatory framework, the following recommendations can be made: an institutional and legal framework for the digital agenda should be established, coordination between the national and supranational levels should be improved, digital strategies should be adopted and synchronized in all member states, the selection and implementation of initiatives should be improved, best practices should be adopted, and cooperation with international organizations and the European Union (EU) should be developed.

For Russia, the development of a digital agenda within the EAEU and deepened integration (or development of cooperation) are necessary to ensure the realization of national interests in a priority region – the post-Soviet space – especially given the increasingly active developing regulatory influence of other actors, primarily the EU. Given the growing importance of digitalization as a driver of economic growth and the increasing competition for influence on the regulation of the digital economy, a priority for the Russian Federation should be to resolve the contradiction between the principle of primacy of sovereignty and the development of integration. A possible way out could be an approach based on 'multi-speed integration,' as tested in the EU. Another option could be a complete revision of the model of interaction with neighbours in the region.

Key words: EAEU; EAEU digital agenda until 2025; integration processes in the post-Soviet space; Eurasian Economic Commission; digital economy

For citation: Popova I. (2021). The Challenges of Implementing the EAEU's Digital Agenda. *International Organisations Research Journal*, vol. 16, no 1, pp. 127– 141 (in English). DOI: 10.17323/1996-7845-2021-01-06

References

Alybaeva G.D., Dosaaliev M.D. (2018). Sovremennoe ponimanie cifrovizacii ekonomiki Kyrgyzstana v ramkah EAES [The Current Understanding of Digitalization of the Kyrgyz Economy Within the EAEU]. *Vestnik Diplomaticheskoy akademii Ministerstva inostrannyh del Kyrgyzskoj Respubliki im. Kazy Dikambaeva*, no 9, pp. 114–22 (in Russian).

Dyatlov S.A., Trunin V.I. (2020). Effekty integracii v usloviyah cifrovoj transformacii ekonomik stran Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza [Integration Effects of Digital Transformation on Members of Eurasian

¹ The editorial board received the article in November 2020.

² The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research programme.

Economic Union]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, no 3 (123), pp. 28–35. Available at: https://unecon.ru/sites/default/files/izvestiya_no_3-2020.pdf (accessed 24 February 2021) (in Russian).

Enikeeva Z. (2018). Digital Agenda in the EAEU Countries: The Case of Kyrgyzstan. *Torgovaya politika*, no 4 (20), pp. 55–82.

Eurasian Economic Commission (EEC) (2016a). Proposals for Shaping the Digital Space. Available at: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/workgroup/Pages/Решение-Высшего-совета-от-26-декабря-2016-г.aspx>.

Eurasian Economic Commission (EEC) (2016b). Statement on the Eurasian Economic Union's Digital Agenda. Available at: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/workgroup/materials/Documents/Предложения%20по%20формированию%20цифрового%20пространства.pdf>

Eurasian Economic Commission (EEC) (2017). EEU Decision No 12: Main Areas of Implementation of the EAEU Digital Agenda. Available at: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/workgroup/Documents/Основные%20документы/Решение%20ВЕЭС%20№12_Основные%20направления%20реализации%20цифровой%20повестки%20ЕАЭС.pdf

Eurasian Economic Union (EAEU) (2014). Treaty on the Eurasian Economic Union. Available at: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0013611/itia_05062014_doc.pdf (accessed 24 February) (in Russian).

Eurasian Economic Union (EAEU) (2020). Draft Document Defining Strategic Directions for the Development of Eurasian Economic Integration Until 2025. Available at: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01427742/err_25112020_166 (accessed 24 February) (in Russian).

Ivanova O.B., Napilin A.F., Napilin S.A. (2020). Cifrovaya povestka EAES v kontekste modernizacii sistemy tamozhennogo administrirovaniya [Digital Agenda of the EAEU and the Modernization of the Customs Administration System]. *Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta (RINH)*, no 1 (69), pp. 157–63. Available at: [https://vestnik.rsue.ru/doc/vestnik/1\(69\)2020.pdf](https://vestnik.rsue.ru/doc/vestnik/1(69)2020.pdf) (accessed 24 February 2021) (in Russian).

Kaczmarek M. (2017). Non-Western Visions of Regionalism: China's New Silk Road and Russia's Eurasian Economic Union. *International Affairs*, vol. 93, no 6, pp. 1357–76. Available at: <https://doi.org/10.1093/ia/iix182>.

Kirkham K. (2016). The Formation of the Eurasian Economic Union: How Successful Is the Russian Regional Hegemony? *Journal of Eurasian Studies*, vol. 7, no 2, pp. 111–28. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.euras.2015.06.002>.

Kondrat'eva N.B. (2019). Cifrovaya povestka dnya EAES: ot ponimaniya fenomena k rekomendaciyam [Digital Agenda in EAEU: From Understanding the Phenomenon to Making Recommendations]. *Russkaya politologiya*, no 2 (11), pp. 12–16. Available at: https://rupolitology.ru/wp-content/uploads/2019/12/03_%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%B0%D1%82%D1%8C%D0%B5%D0%B2%D0%B0.pdf (accessed 24 February 2021) (in Russian).

Krickovic A. (2014). Imperial Nostalgia or Prudent Geopolitics? Russia's Efforts to Reintegrate the Post-Soviet Space in Geopolitical Perspective. *Post-Soviet Affairs*, vol. 30, no 6, pp. 503–28. Available at: <https://doi.org/10.1080/1060586X.2014.900975>.

Libman A., Obydenkova A. (2018). Regional International Organizations as a Strategy of Autocracy: The Eurasian Economic Union and Russian Foreign Policy. *International Affairs*, vol. 94, no 5, pp. 1037–58. Available at: <https://doi.org/10.1093/ia/iyy147>.

Lis P.A., Slizh V.I., Bogush V.A. (2018). Napravleniya i mekhanizmy realizacii cifrovoj povestki EAES v Respublike Belarus' [Directions and Mechanisms for Implementing the Digital Agenda of the EAEU in the Republic of Belarus]. *Cifrovaya transformaciya*, no 1, pp. 5–13. Available at: <https://dt.giac.by/jour/article/view/59/51> (accessed 24 February 2021) (in Russian).

Lopatin V.N. (2018). Pravovye riski intellektual'noj sobstvennosti pri perekhode k cifrovoj ekonomike v EAES [Legal Risks of Intellectual Property Rights During the Transition to the Digital Economy in the EAEU]. *Pravo.by*, no 6 (56), pp. 64–70 (in Russian).

- Lopatin V.N. (2020). O roli EEK v evrazijskoj integracii po voprosam intellektual'noj sobstvennosti [On the Role of Eurasian Economic Commission in Eurasian Integration in the Field of Intellectual Property Rights]. *Pravo intellektual'noj sobstvennosti*, no 2, pp. 4–18. Available at: https://rniis.ru/download/stat'i/PIS_2-2020.pdf (accessed 24 February 2021) (in Russian).
- Mozer S.V., Sekerbaeva D.K. (2020). K voprosu o funkcionirovanii tematiceskogo bloka 'elektronnaya tamozhnya' v Evrazijskom ekonomicheskom soyuze [On the Issue of the Functioning of the Thematic Block 'Online Customs' in the Eurasian Economic Union]. *Social'no-politicheskie nauki*, vol. 10, no 1, pp. 49–59. Available at: <https://www.doi.org/10.33693/2223-0092-2020-10-1-49-59> (in Russian).
- Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs (2020). Address to the Chair of the Eurasian Economic Commission. 7 July. Available at: <http://xn--o1aabe.xn--p1ai/upload/iblock/c25/%D0%9E%D0%B1%D1%80%D0%B0%D1%89%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%94%D0%A1%20%D0%A6%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%8F%20%D0%BF%D0%BE%D0%B2-%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BA%D0%B0.pdf> (accessed 24 February 2021) (in Russian).
- Sergi B.S. (2018). Putin's and Russian-led Eurasian Economic Union: A Hybrid Half-Economics and Half-Political 'Janus Bifrons.' *Journal of Eurasian Studies*, vol. 9, no 1, pp. 52–60. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.euras.2017.12.005>.
- Shastitko A.E., Shpakova A.A. (2018). Regulirovanie transgranichnogo elektronnoho dokumentooborota v Evrazijskom ekonomicheskom soyuze [Regulation of Cross-Border Electronic Document Flow in the Eurasian Economic Union]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj Vestnik*, no 71, pp. 242–69. Available at: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2018/vipusk__71._dekabr_2018_g./strategija_zifrovoi_ekonomiki/shastitko_shpakova.pdf (accessed 24 February 2021) (in Russian).
- Shugurov M.V. (2019). Pravo intellektual'noj sobstvennosti Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza: sistemno-pravovoj podhod [Intellectual Property Rights of the Eurasian Economic Union: A Legal-System Approach]. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii*, no 4 (129) pp. 82–99 (in Russian).
- Shugurov M.V. (2020). Polnomochiya institucional'nyh organov regional'nyh integracionnyh ob'edinenij gosudarstv v sfere intellektual'noj sobstvennosti (na primere ES i EAES) [Competence of Institutions of Regional Integration in the Field of Intellectual Property Rights (On the Example of EU and EAEU)]. *Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam*, no 3 (29), pp. 34–44 (in Russian).
- Venidiktov S.V. (2018). Formirovanie cifrovoj ekonomiki kak povestka dnya Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza [Development of the Digital Economy as the Agenda of the Eurasian Economic Union]. *Nauchnye trudy Respublikanskogo instituta vysshej shkoly*, no 17, pp. 17–23.
- Zueva A.M., Hajdullova M.V. (2018). Cifrovoj transportnyj koridor kak novyj element v organizacii tamozhennogo kontrolya [The Digital Transport Corridor as a New Element in the Organization of Customs Control]. *Novaum.Ru*, no 13, pp. 99–101. Available at: <http://novaum.ru/public/p737> (accessed 24 February 2021) (in Russian).

Состояние и перспективы внешней торговли между Европейским союзом и Центральной Азией в период геоэкономических изменений^{1, 2}

Э. Каштякова, М. Жатко, Н. Баринкова

Каштякова Элена – PhD, доцент кафедры международной торговли торгового факультета Экономического университета в Братиславе; Dolnozemska cesta 1, 852 35 Братислава, Словацкая Республика; E-mail: elena.kastakova@euba.sk

Жатко Матуш – PhD, доцент кафедры международной торговли торгового факультета Экономического университета в Братиславе; Dolnozemska cesta 1, 852 35 Братислава, Словацкая Республика; E-mail: matus.zatko@euba.sk

Баринкова Наталия – аспирант факультета международной торговли торгового факультета Экономического университета в Братиславе; Dolnozemska cesta 1, 852 35 Братислава, Словацкая Республика; E-mail: natalia.barinkova@euba.sk

В статье рассматриваются современные внешнеторговые отношения между ЕС и странами Центральной Азии. На основе эконометрического анализа определены возможные перспективы дальнейшего развития взаимных торговых отношений в период геоэкономической нестабильности. Будучи одной из важнейших интеграционных группировок в мире, ЕС оказывает значительное влияние на продвижение своих внешнеторговых интересов. Страны Центральной Азии являются членами разных региональных интеграционных группировок и имеют различные приоритеты. Результатом исследования является анализ внешнеторговых отношений центральноазиатских стран и Европейского союза. Характер и перспективы взаимоотношений во взаимной торговле оцениваются с использованием выбранных однофакторных показателей (индекса взаимодополняемости торговли и индекса интенсивности торговли). С помощью модели прогнозирования временных рядов в статье также делается попытка оценить будущее развитие экспорта ЕС, а также импорта ЕС со странами Центральной Азии. Импорт ЕС из стран Центральной Азии в основном зависит от минералов и топлива, тогда как экспорт из ЕС состоит из более сложной и диверсифицированной продукции. Это определяет потенциал для дальнейшего развития деловых отношений и роста взаимной торговли. При благоприятной конъюнктуре можно ожидать продолжения тенденции роста торговли, особенно в части экспорта из ЕС.

Ключевые слова: ЕС; Центральная Азия; внешняя торговля; индекс взаимодополняемости торговли; индекс торговой интенсивности; модель прогнозирования временных рядов

Для цитирования: Каштякова Э., Жатко М., Баринкова Н. (2021). Состояние и перспективы внешней торговли между Европейским союзом и Центральной Азией в период геоэкономических изменений // Вестник международных организаций. Т. 16. № 1. С. 145–161 (на русском и английском языках). DOI: 10.17323/1996-7845-2021-01-07

¹ Kašáková E., Žatko M., Barinková N. The Current State of, and Perspectives on, Foreign Trade Between the EU and Central Asia in a Period of Geoeconomic Change.

Статья поступила в редакцию в сентябре 2020 г. Перевод статьи выполнен с согласия авторов С.А. Васильевским, н.с. Центра исследований международных институтов Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС).

² Статья выполнена в рамках исследовательского проекта Министерства образования, семьи и спорта Словацкой Республики VEGA № 1/0039/20 «Важность Евразийского экономического союза в формировании торговых стратегий ЕС (с последствиями для Словакии)».

Введение

Современная геополитическая ситуация характеризуется высокой степенью нестабильности. Значительные и, как правило, неожиданные изменения по-разному воздействуют на участников международной торговли в условиях глобальной экономики [Puškárová, 2015]. Европейский союз как одна из важнейших интеграционных групп в мире оказывает значительное влияние на продвижение своих внешнеторговых интересов, однако их реализации препятствует нестабильная геополитическая обстановка. Интересы ЕС отражены в принятом Европейским советом в 2015 г. документе о торговой и инвестиционной стратегии объединения [European Council, 2015].

Центральноазиатский регион занимает геостратегическое положение между ЕС и Китаем не только благодаря своим природным ресурсам, но также из-за продвижения проекта «Один пояс, один путь». Страны Центральной Азии, ставшие независимыми в 1990-е годы, добились значительного прогресса в построении своей национальной идентичности. Следует отметить, что после распада Советского Союза эти страны вступили в процесс государственного строительства с запущенной инфраструктурой, экологическими проблемами, очень слабыми или отсутствующими региональными и глобальными связями с транспортными сетями и рынками, неустоявшейся бюрократической системой. В свете новых вызовов, таких как угрозы безопасности, нестабильность на Ближнем Востоке, изменение климата, пандемия коронавируса, а также растущее влияние соседних стран, государства Центральной Азии продолжают поддерживать относительную стабильность и безопасность. При этом сохраняется потенциал развития региона, обусловленный наличием обширных запасов полезных ископаемых, высокой долей молодого населения, а также стратегическим положением между Европой и Азией. Все это позволяет воспринимать центральноазиатский регион как плацдарм для устойчивого роста и развития экономики. Европейский союз, в свою очередь, также заинтересован в стабильном партнерстве со странами Центральной Азии в этом процессе.

Следует отметить, что существует множество подходов к определению Центральной Азии, однако в нашей статье мы будем пользоваться статьей Большой советской энциклопедии, которая относит к странам региона Казахстан, Киргизию, Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан [Прохоров, 1975]. Эти государства входят в разные региональные интеграционные объединения с разными приоритетами, но они связаны на экономическом, социальном и культурном уровне. Учитывая перспективность центральноазиатских стран, ЕС пытается углубить политические и экономические отношения с ними. Несмотря на то что в настоящее время страны Центральной Азии не входят в число важных торговых партнеров ЕС, тенденция развития отношений имеет явно прогрессивный характер. Индексы интенсивности и взаимодополняемости торговли показывают наличие потенциала для дальнейшего роста. В данной статье мы постараемся определить, каковы перспективные направления развития внешней торговли ЕС с Центральной Азией. Целью нашего исследования является изучение современного состояния внешнеторговых отношений ЕС с Центральной Азией и определение их возможных перспектив в период геоэкономических изменений на основе эконометрического анализа с использованием выбранных однофакторных показателей (индексов взаимодополняемости торговли и интенсивности торговли) и прогнозирования временных рядов.

Обзор литературы

Центральная Азия – это большой внутренний регион Азии. Данный термин не имеет четкого определения, поскольку ни один из вариантов не является общепринятым. Еще в 1843 г. немецкий географ Александр фон Гумбольдт впервые попытался дать определение словосочетанию «Центральная Азия» [Dani, Masson, 1992]. В самом широком смысле этот регион понимает ЮНЕСКО. Исходя из климатических и географических условий, к нему относят Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан, Киргизию, Казахстан, Монголию, западный Китай и Тибет, северо-восточный Иран, Афганистан, западный Пакистан и северную Индию [Ibid.]. Азиатский банк развития определяет Центральную Азию как регион, состоящий из пяти бывших советских республик и Азербайджана [Ifzal, 2003].

В прошлом регион Центральной Азии имел важное транзитное значение, поскольку находился на шелковом пути, связывавшем Китай со странами Ближнего Востока и Европы [Byrd, 2006]. После наполеоновских войн регион стал стратегическим для двух великих держав – Британской и Российской империй. После распада Советского Союза в регионе появились другие важные акторы. Страны Центральной Азии не только занимают стратегически важное положение, но и богаты минеральными ресурсами, такими как нефть, природный газ, золото и уран, что делает их привлекательными для других влиятельных государств [Makarenko, 2009]. В то же время полезные ископаемые превратились в важный фактор экономического развития и инструмент их внешней политики. В настоящее время регион играет важную роль в геополитических отношениях России, США, Китая, а также других региональных игроков, в частности Ирана и Турции [Гриденко, 2018]. Интересы России в центральноазиатском регионе весьма разнообразны. С одной стороны, регион является важной ресурсной базой, с другой – опасным местом распространения движений за независимость [Iqbal, Afridi, 2017]. Россия стремится усилить политическое влияние за счет военного присутствия и поддержки российских компаний в этой сфере.

Независимость стран Центральной Азии, обретенная ими в 1990-е годы, совпала с началом экономического роста Китая и его растущим интересом к сырьевым рынкам. Для Китая этот регион, когда-то занимавший маргинальное положение, стал одним из главных внешнеполитических приоритетов. В данный момент интересы КНР сосредоточены в сферах безопасности, энергетики и экономического сотрудничества. Китай постепенно укрепляет свои позиции не только как постоянный потребитель энергоресурсов, но и как региональный инвестор [Drieniková, 2018]. Товары из Китая проходят через страны Центральной Азии в рамках проекта Нового шелкового пути на Ближний Восток и в ЕС. Григер обращает внимание на растущее влияние Китая в регионе [Grieger, 2015].

Интерес США к республикам Центральной Азии возрос после террористических атак 2001 г. Иран уделяет больше внимания экономическому сотрудничеству с республиками региона и предоставляет свою территорию в качестве транзитной зоны для транспортировки нефти в Турцию, а затем и в ЕС. Через Турцию товары из Центральной Азии попадают на европейские рынки [Fida, 2018]. Европейский союз не является ключевым игроком в регионе и не может полноценно конкурировать с Россией или Китаем, особенно в области военного сотрудничества, но фокусируется на реализации демократических принципов, защите прав человека и борьбе с бедностью [Koporelko, 2016]. В прошлом главной сферой сотрудничества между ЕС и Центральной Азией была энергетика, в настоящее время на первый план выходят другие аспекты [Cornell, Engvall, 2017].

Анализ экономических отношений между ЕС и Центральной Азией и их договорных рамок указывает на важность модернизации и обновления стратегии ЕС в отношении региона. Также не следует забывать о странах Содружества Независимых Государств – партнерах ЕС по импорту [Drieniková, 2018].

Для потенциала взаимной внешней торговли важно учитывать, в какой степени общий спрос и предложение исследуемых стран / интеграционных объединений совпадают. Индекс взаимодополняемости торговли, основанный на предположении, что обе страны или группы стран могут получить выгоду от роста торговых связей, дает нам такое понимание. Индекс взаимодополняемости торговли был впервые представлен в 1982 г. Россом Гарнаутом и Питером Дрисдейлом [World Bank, 2016]. Индекс обновлен несколькими другими статистическими данными, в настоящий момент существует уже несколько десятков вариантов его расчета. Взаимодополняемость торговли также оценивается по методике Майкли [Michaely, 1996], которая используется ВТО и МВФ [WTO, 2012].

Еще одним важным показателем для определения потенциала торговли является индекс ее интенсивности. Интенсивность торговли между двумя странами зависит от многих факторов: размера экономик, уровня их развития, структуры ВВП, географического положения и расстояния, транспортных издержек или отличий культурной и институциональной сфер. Интенсивность торговли впервые была определена Брауном [Brown, 1949], а затем Кодзимой [Kojima, 1964]. Они определили интенсивность торговли как двустороннюю торговлю между двумя странами по отношению к общей мировой торговле и ее доле в ней. В дальнейшем Ямазава [Yamazawa, 1971] применил модель интенсивности для оценки факторов, влияющих на нее.

Прогнозирование внешней торговли с использованием эконометрических моделей временных рядов программного обеспечения Gretl уже проводилось многими авторами. В частности, Ружекова, Киттова и Штайнхаузер [Ružeková, Kittová, Steinhauser, 2020] использовали эту модель для количественной оценки и определения воздействия институциональной среды на экспортные показатели страны. В дальнейшем на основе этой модели Балаж, Краловичова и Штайнхаузер [Baláž, Královičová, Steinhauser, 2020] оценили потенциал роста торговли услугами между ЕС и Китаем.

Методология

Индекс интенсивности торговли (*ТИ*) используется для оценки соответствия объема торговли между двумя странами имеющимся ожиданиям, определяемым их положением в системе мировой торговли. Индекс выражается в виде доли экспорта одной страны в другую, деленной на долю мирового экспорта, направленную в страну-партнера [World Bank, 2010].

Он рассчитывается следующим образом:

$$ТИ_{ij} = \frac{(x_{ij} / X_{it})}{(x_{wj} / X_{wt})}, \quad (1)$$

где x_{ij} – стоимость экспорта из страны i в страну j ; X_{it} – суммарный экспорт страны i ; x_{wj} – мировой экспорт в страну j ; X_{wt} – суммарный мировой экспорт.

Значения *ТИ* варьируются от 0 до $+\infty$. Если значение индекса равно единице, то страна-экспортер i экспортирует в страну j точное соотношение ее доли в мировом импорте товаров. Если значение индекса больше единицы, то бизнес-потоки между исследуемыми странами находятся на более высоком уровне по сравнению с мировой

экономикой. Это означает, что страна i экспортирует в страну j больше товаров, чем остальной мир. Такие торговые отношения характеризуются как интенсивные. Если значение меньше единицы, то интенсивность торговли ниже, чем можно было бы ожидать [World Bank, 2013].

Индекс взаимодополняемости торговли (TCI) измеряет степень, в которой две страны являются «естественными торговыми партнерами». Он показывает, как общий объем экспорта одной страны соотносится с объемом импорта другой страны. Его преимущество заключается в том, что он определяет секторы, дополняющие внешнюю торговлю, независимо от того, происходит ли торговля непосредственно между сравниваемыми странами. Однако индекс не учитывает, что некоторые отрасли не подходят для торговли. Следуя формуле Майкли,

$$c^{ij} = 100 \left[1 - \sum \frac{|m_k^i - x_k^j|}{2} \right], \quad (2)$$

где x_k^j – доля продукта k в общем экспорте страны j , а m_k^i – доля продукта k в общем импорте страны i .

Диапазон значений от 0 до 100. Если $c^{ij} = 100$, то страны – идеальные торговые партнеры, если $c^{ij} = 0$, то страны – идеальные конкуренты.

Расчет TCI не рекомендуется использовать в случаях, когда страны географически удалены или имеют высокие транспортные и транзакционные издержки. Они могут не быть идеальными торговыми партнерами, несмотря на высокие значения индекса взаимодополняемости.

Чтобы спрогнозировать будущие торговые отношения между ЕС и странами Центральной Азии, мы использовали модель прогнозирования временных рядов, рассчитанную с помощью программного обеспечения Gretl. На основе существующих значений функция вычисляет или оценивает будущее значение зависимой переменной y для данного значения независимой переменной x . Функция оценивает новое значение с помощью линейной регрессии [Lukáčik, Lukáčiková, Szomolányi, 2018]:

$$y = a + bx, \quad (3)$$

где

$$a = \bar{y} - b\bar{x} \quad (4)$$

и

$$b = \frac{\sum (x - \bar{x})(y - \bar{y})}{\sum (x - \bar{x})^2}, \quad (5)$$

где x и y – средние значения выборки.

Функция также определяет диапазон прогнозируемых колебаний. В нашем прогнозе мы работали с диапазоном вероятности 95%.

Для целей настоящего исследования источником данных были Европейская комиссия, база данных EUROSTAT и Конференция Организации Объединенных Наций по торговле и развитию (UNCTADSTAT). Товарная структура внешней торговли классифицирована в соответствии со Стандартной международной торговой классификацией (SITC).

Отметим, что при анализе развития внешней торговли между ЕС и Центральной Азией был взят временной промежуток с 2010 по 2019 г., а в случае применения эконометрической модели прогноза временных рядов мы использовали статистику EU27, так как Великобритания с 2020 г. не является членом ЕС.

Результаты

Центральноазиатский регион имеет обширную территорию (4 млн кв. км), на которой проживает около 62 млн человек. Экономика стран Центральной Азии развиваются с разной скоростью, однако, так или иначе, они стремятся к более тесному сотрудничеству друг с другом. При этом Казахстан и Киргизия сотрудничают более интенсивно, поскольку обе страны являются членами Евразийского экономического союза. Помимо Казахстана и Киргизии, в ЕАЭС входят Россия, Белоруссия и Армения. Цель ЕАЭС заключается в содействии региональному экономическому сотрудничеству, обеспечении свободного передвижения товаров, услуг, капитала и выработке единой таможенной политики. Экономическое развитие всего региона сейчас все чаще упоминается в связи с китайским проектом восстановления древнего шелкового пути. Его географическое положение и неиспользованный экономический потенциал предопределяют роль региона как перекрестка политических и экономических интересов.

Договорная основа внешнеторговых отношений ЕС и Центральной Азии

Центральная Азия является стратегически важным регионом для ЕС. Согласно Гасту [Gast, 2014], ЕС усиливает свои позиции по отношению к региону, а также укрепляет их на договорной основе по трем причинам: 1) наличие минеральных ресурсов; 2) геостратегическое положение; 3) стремление к расширению сферы влияния. Бунстра и Панелла, в свою очередь, утверждают, что ЕС является альтернативой России и Китаю, основанной на ценностном подходе, стабильном экономическом развитии и содействии сотрудничеству [Boonstra, Panella, 2017].

ЕС стремится развивать отношения как с Центральной Азией в целом, так и с каждым государством региона в отдельности. Отношения ЕС и Центральной Азии регулировались его стратегией, подписанной в 2007 г. и пересмотренной в 2015 г., с упором, в частности, на продвижение принципов устойчивого развития и двусторонних отношений [Arokism, 2016]. В области торговли и инвестиций Стратегия направлена на поддержку вступления стран Центральной Азии во Всемирную торговую организацию (ВТО). На данный момент это наиболее актуально для Узбекистана, который до сих пор остается страной-наблюдателем при ВТО, и Туркменистана, еще не подававшего заявку на вступление. Верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности и Европейская комиссия представили новую стратегию: «ЕС и Центральная Азия: новые возможности для более крепкого партнерства» (The European Union and Central Asia: New Opportunities for a Stronger Partnership). Стратегия была принята Советом ЕС в июне 2019 г. Она ориентирована на сотрудничество в области водных ресурсов и окружающей среды, социально-экономическое развитие, поддержку малых и средних предприятий, а также поддержку региональной торговли [Euractiv, 2019].

Двусторонние отношения ЕС со странами Центральной Азии регулируются не-преференциальными соглашениями о партнерстве и сотрудничестве (СПС) (табл. 1).

Соглашение о партнерстве и сотрудничестве с Туркменистаном было подписано в 1998 г., но не вступило в силу из-за политической ситуации [Drienikova, 2018]. Двусторонние отношения между ЕС и Туркменистаном в настоящее время регулируются Временным соглашением по торговле и связанным с ней вопросами, которое вступило в силу в августе 2010 г. Соглашение о партнерстве и сотрудничестве в настоящее время ожидает ратификации Европейским парламентом [EEAS, 2021]. Отношения с Казахстаном регулируются Соглашением о расширенном партнерстве и сотрудничестве

Таблица 1. Договорные рамки ЕС со странами Центральной Азии

Страны Центральной Азии	Соглашение о партнерстве и сотрудничестве	Соглашение о расширенном партнерстве и сотрудничестве
Казахстан	Не действует	Действует с марта 2020 г.
Киргизия	Действует с июля 1999 г.	Переговоры завершены в 2019 г.
Таджикистан	Действует с января 2010 г.	Таджикистан запросил начало переговоров в ноябре 2018 г.
Туркменистан	Подписано в 1998 г., пока не действует	Н. д.
Узбекистан	Действует с июля 1999 г.	Переговоры начались в ноябре 2018 г.

Источник: Обработано авторами на основе [European Commission, 2019].

(СРПС), которое было подписано 21 декабря 2015 г. в Астане [Delegation of the European Union to Kazakhstan, 2018]. Экономическая часть Соглашения обеспечивает более эффективное регулирование в таких областях, как торговля услугами, учреждение компаний, движение капитала, сырье и энергетика, государственные закупки и права интеллектуальной собственности [European Commission, 2019]. До сих пор сотрудничество между Центральной Азией и Казахстаном было преимущественно экономически ориентированным, но в последние годы наблюдается углубление социальных и культурных отношений [Kembayev, 2016]. Согласно СРПС, будущее сотрудничество между Казахстаном и ЕС сосредоточено не только на экономических вопросах, но и на 29 других ключевых областях, включая финансы, энергетику, транспорт, образование, культурные и социальные вопросы.

Анализ торговых отношений между ЕС и Центральной Азией

Центральная Азия является импортером энергетического сырья в ЕС. Торговый баланс ЕС с Центральной Азией долгое время оставался пассивным, что связано с зависимостью ЕС от импорта сырья из этих стран. Внешняя торговля между ЕС и Центральной Азией была относительно стабильной после финансового кризиса 2009 г. Снижение импорта в ЕС зафиксировано в 2015 и 2016 гг., оно было вызвано в основном падением цен на нефть. В 2017–2019 гг. уже наблюдался рост внешней торговли. В 2019 г. товарооборот между ЕС и Центральной Азией достиг 32,289 млрд евро. Доля отдельных экономик Центральной Азии во внешней торговле с ЕС в 2019 г. составила: Казахстан – 85,1%, Узбекистан – 9,3%, Туркменистан – 3,3%, Киргизия – 1,5%, Таджикистан – 0,8%. Развитие внешней торговли между ЕС и Центральной Азией показано на рис. 1.

Согласно классификации SITC (Standard International Trade Classification), в 2019 г. (рис. 2) более 90% экспорта из Центральной Азии в ЕС составляли ископаемые ресурсы, горюче-смазочные и сопутствующие материалы, промышленные товары (3,9%) и химикаты (1,6%) [Eurostat, 2020]. Европейский союз поддерживает усилия стран Центральной Азии по интеграции в мировую экономику. Поскольку все пять стран в основном зависят от экспорта необработанного сырья, ЕС поставил перед собой цель помочь им в диверсификации экспорта с помощью Стандартной обобщенной схемы преференций (Standard GSP) и специального механизма стимулирования устойчивого

развития и надлежащего управления (GSP +), тем самым предоставляя сниженные или нулевые тарифы на экспорт из Центральной Азии на рынки ЕС [European Commission, 2019]. Экономическое влияние систем пока незначительно, поскольку, например, в 2019 г. почти три четверти киргизского экспорта в ЕС приходилось на один товар – золото. В будущем эта система может помочь продукции с экспортным потенциалом – киргизским сухофруктам или узбекскому хлопку – попасть на европейские рынки.

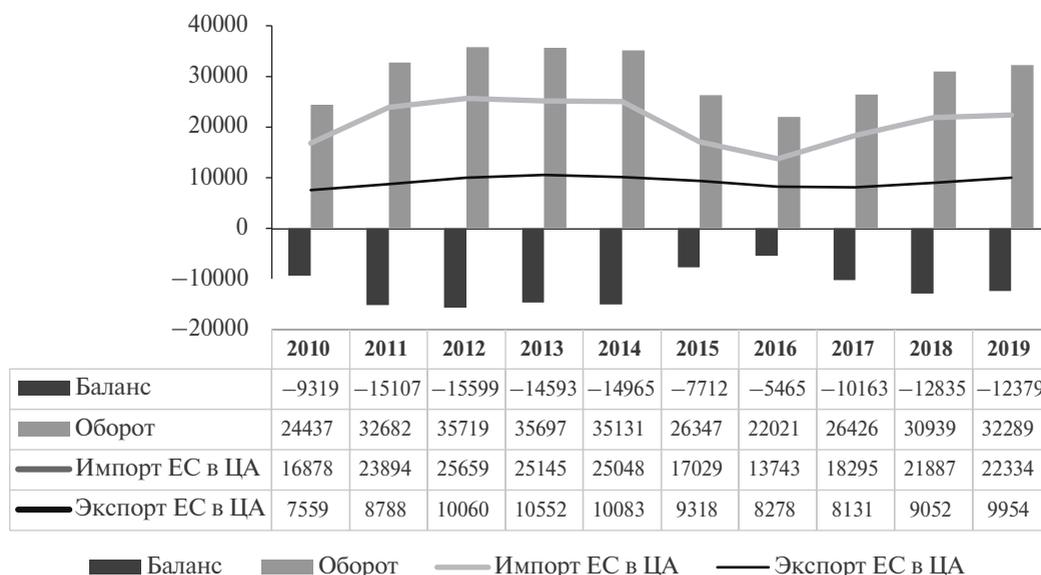

Рис. 1. Внешняя торговля между ЕС и Центральной Азией в 2010–2019 гг., млн евро

Источник: Составлено авторами на основе данных EUROSTAT.

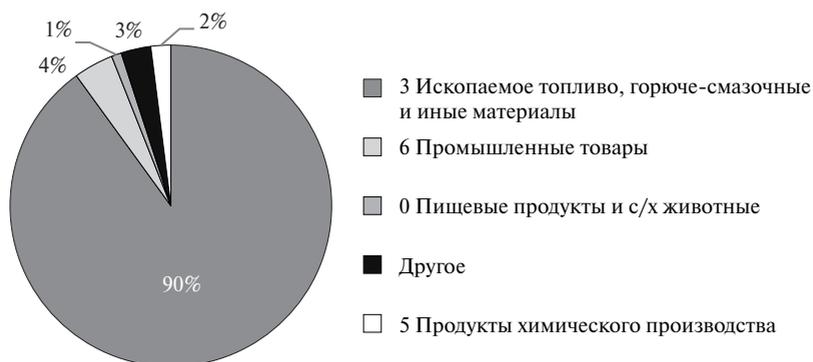

Рис. 2. Товарная структура импорта ЕС из стран Центральной Азии в 2019 г., % от общего объема импорта

Источник: Составлено авторами на основе данных EUROSTAT.

В 2019 г. (рис. 3) более 50% экспорта ЕС в Центральную Азию составляли машины и транспортное оборудование, за ними следовали продукты химического производства (18,4%), производственная продукция (10,2%), промышленные товары (8,6%) и другие (9%). Экспорт ЕС в Центральную Азию основывается на более сложной продукции.

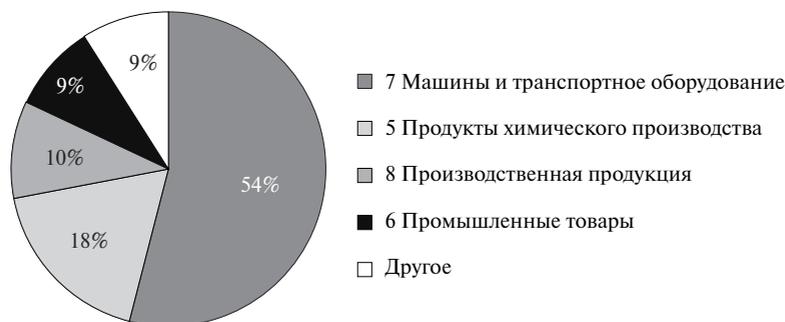

Рис. 3. Товарная структура экспорта ЕС в страны Центральной Азии в 2019 г., доля в общем объеме экспорта

Источник: Составлено авторами на основе данных EUROSTAT.

ЕС – крупный торговый партнер Центральной Азии, на его долю в 2019 г. приходилось более 30% внешней торговли региона, за ним следуют Россия и Китай (рис. 4). Однако на Центральную Азию приходится менее 1% от общего объема внешней торговли ЕС.

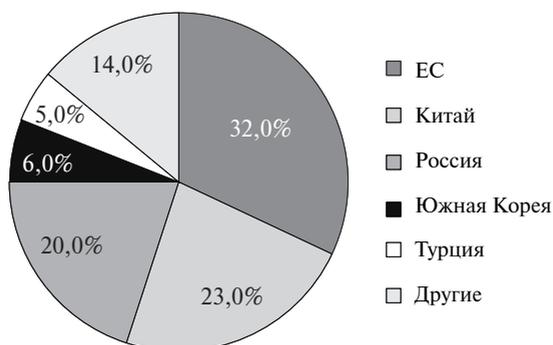

Рис. 4. Наиболее важные торговые партнеры Центральной Азии в 2019 г., доля в общем объеме торговли

Источник: Составлено авторами на основе данных EUROSTAT.

Основываясь на имеющихся данных, мы можем сделать вывод о роли ЕС в торговом обороте Центральной Азии.

Потенциал двусторонних торговых отношений между ЕС и Центральной Азией на основе выбранных однофакторных индексов и модели прогнозирования временных рядов

Помимо изучения современного положения стран Центральной Азии во внешне-торговых отношениях ЕС, необходимо определить, как будет развиваться торговое сотрудничество между ЕС и Центральной Азией, а также имеет ли оно потенциал. Мы попробуем проанализировать характер и интенсивность торгового сотрудничества путем расчета индекса взаимодополняемости торговли и индекса интенсивности торговли.

Анализ товарной структуры внешней торговли между ЕС и Центральной Азией дает представление о товарных группах, которые являются основными для рассматриваемых стран. Экспорт ЕС в Центральную Азию отличается большей диверсификацией, чем импорт из Центральной Азии. Рассматривая направление двусторонней торговли, важно отметить, в какой степени спрос и предложение в исследуемых регионах пересекаются. Такое представление дает индекс взаимодополняемости торговли (рис. 5).

Расчет индекса взаимодополняемости торговли охватывает длительный период с 2010 по 2019 г. На основании рассчитанных значений можно сделать вывод, что ЕС является очень важным рынком для Центральной Азии. Предложение ЕС перекрывается спросом в Центральной Азии в гораздо большей степени, чем предложение в Центральной Азии в спросе ЕС. В связи с этим *TCI* долгое время был высоким, колеблясь между 70 и 80. Причиной этого является повышенный спрос со стороны стран Центральной Азии на сложную продукцию европейских компаний. Независимо от результатов *TCI*, это также подтверждается показателями структуры экспорта ЕС в Центральную Азию.

В долгосрочной перспективе *TCI* для Центральной Азии в спросе ЕС колеблется между 30 и 40. Это показывает относительно низкий уровень взаимодополняемости торговли. Дело в том, что страны Центральной Азии экспортируют в ЕС в основном сырье, а спрос стран Центральной Азии ориентирован в первую очередь на более сложное производство. Экспорт из Центральной Азии слабо диверсифицирован, что подтверждает структура импорта ЕС. Следовательно, можно сделать вывод, что ЕС – существенно более важный рынок для Центральной Азии. Однако значение Центральной Азии для ЕС основывается на поставках минеральных и энергетических ресурсов.

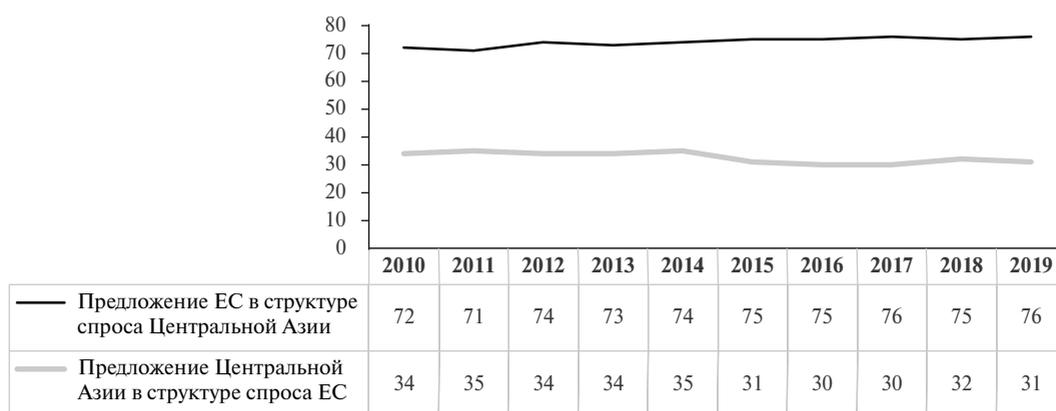

Рис. 5. Развитие взаимодополняемости торговли между ЕС и Центральной Азией в 2010–2019 гг. на основе *TCI*

Источник: Составлено авторами на основе данных UNCTADSTAT.

Также для оценки внешней торговли между ЕС и Центральной Азией может использоваться Индекс интенсивности торговли (*ТИ*), показывающий, насколько объемы торговли между двумя странами (или регионами) больше или меньше ожидаемых, исходя из их положения в мировой экономике. Подробнее об интенсивности торговли между ЕС и Центральной Азией за 2010–2019 гг. см. на рис. 6.

Индекс интенсивности торговли между ЕС и Центральной Азией на 2010–2019 гг. меньше единицы. Это означает, что объемы торговли между ними меньше, чем ожи-

далось с учетом их положения в мировой экономике. Центральная Азия не является важным торговым партнером для ЕС. Значения *TII* Центральная Азия – ЕС немного выше, чем *TII* ЕС – Центральная Азия.

В исследуемый период достигнутые значения *TII* ЕС – Центральная Азия находятся в диапазоне от 0,40 до 0,50, а *TII* Центральная Азия – ЕС в диапазоне от 0,58 до 0,83 и не достигают необходимого значения интенсивности. Тем не менее можно констатировать, что в обоих случаях наблюдается тенденция к росту.

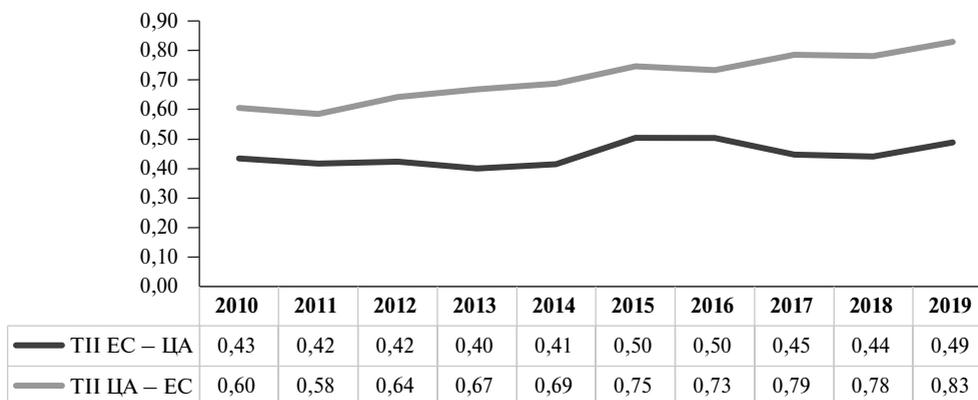

Рис. 6. Динамика интенсивности торговли между ЕС и Центральной Азией в 2010–2019 гг. на основе *TII*

Источник: Составлено авторами на основе данных UNCTADSTAT.

Индексы взаимодополняемости торговли и интенсивности торговли показали, что экспорт ЕС более важен для стран Центральной Азии. В то же время результаты индексов указывают на то, что страны Центральной Азии не могут рассматриваться как важные торговые партнеры. Однако в последние годы взаимная торговля росла, отчасти благодаря двусторонним инициативам по совершенствованию контрактной базы торговых отношений. С одной стороны, мы предполагаем, что в долгосрочной перспективе экспорт сырья в ЕС продолжится и его доля будет определяться в первую очередь спросом и ценами на полезные ископаемые. С другой стороны, структура экспорта ЕС в страны Центральной Азии гораздо более диверсифицирована. Результаты индекса взаимодополняемости торговли указывают на то, что спрос на такую продукцию со стороны стран Центральной Азии (независимо от других факторов, влияющих на международную торговлю) существует. Таким образом, как показывает трехлетний прогноз, экспорт ЕС в страны Центральной Азии имеет потенциал роста (рис. 7).

Прогноз развития экспорта ЕС в страны Центральной Азии основан на временных рядах квартальных данных с 2000 г. В последнее время экспорт имеет тенденцию к росту в долгосрочной перспективе. Исходя из этих данных, мы ожидаем, что данная тенденция в ближайшие три года сохранится. Кривая указывает на развитие реального экспорта, а облако указывает на 95%-ю вероятность развития экспорта. Основываясь на нашем прогнозе на 2020–2023 гг., мы ожидаем, что стоимость экспорта ЕС будет колебаться в диапазоне от 1874,71 до 3856,6 млн евро. Однако мы должны учитывать несколько факторов, которые могут иметь сильное влияние на развитие экспорта ЕС. Это разработка и внедрение контрактной базы, конкурентоспособность производства в ЕС, экономическое развитие и т.д.

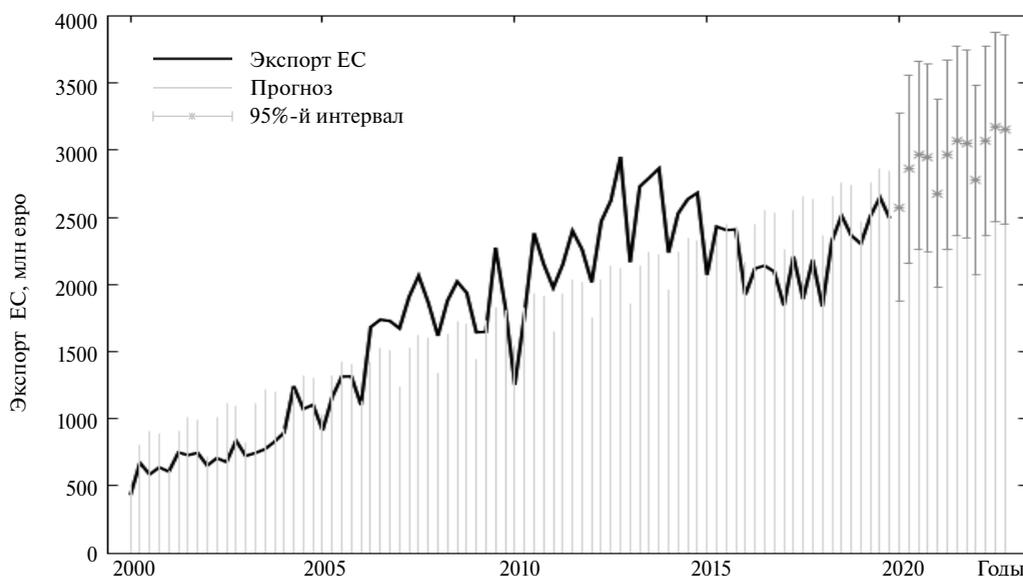

Рис. 7. Модель временных рядов экспорта ЕС в Центральную Азию в 2020–2023 гг., млн евро

Источник: Составлено авторами на основе данных EUROSTAT.

В сравнении с развитием экспорта ЕС текущее развитие импорта из стран Центральной Азии было более турбулентным, и средняя тенденция развития менее выражена. Резкое сокращение импорта в 2009 г. можно объяснить влиянием мирового финансового кризиса. Как показывает рис. 3, значительная часть импорта состоит из полезных ископаемых, а именно нефти и природного газа, поэтому на торговлю сильно повлияла волатильность цен. На рубеже 2008 и 2009 гг., а также в 2014 г. произошло их резкое падение, что явно отражается на стоимости импорта ЕС. При создании прогноза мы должны учитывать, что импорт и впредь будет сильно зависеть от динамики цен на сырье. Основываясь на наблюдениях с 2002 г., можно ожидать небольшого увеличения импорта в ЕС. Мы ожидаем, что стоимость экспорта в следующие три года будет колебаться в диапазоне от 3153,4 до 8931,4 млн евро. Однако из-за нынешней ситуации, вызванной пандемией COVID-19, которая привела к падению цен на нефть до исторического минимума, скорее всего, стоимость импорта ЕС упадет ниже наших прогнозных значений. Развитие торговых отношений напрямую будет зависеть от того, насколько долго это продлится.

Выводы

На основании исследования торговых отношений ЕС с Центральной Азией и определения возможных перспектив их дальнейшего развития в период геоэкономических изменений мы пришли к следующим выводам.

В июне 2019 г. ЕС разработал и принял новую стратегию «ЕС и Центральная Азия: новые возможности для более тесного партнерства», в которой основное внимание уделяется таким областям, как водное и экологическое сотрудничество, социально-экономическое развитие, поддержка МСП и поддержка региональной торговли. Двусторонние отношения ЕС со странами Центральной Азии регулируются соглашениями о непреференциальном партнерстве и сотрудничестве.

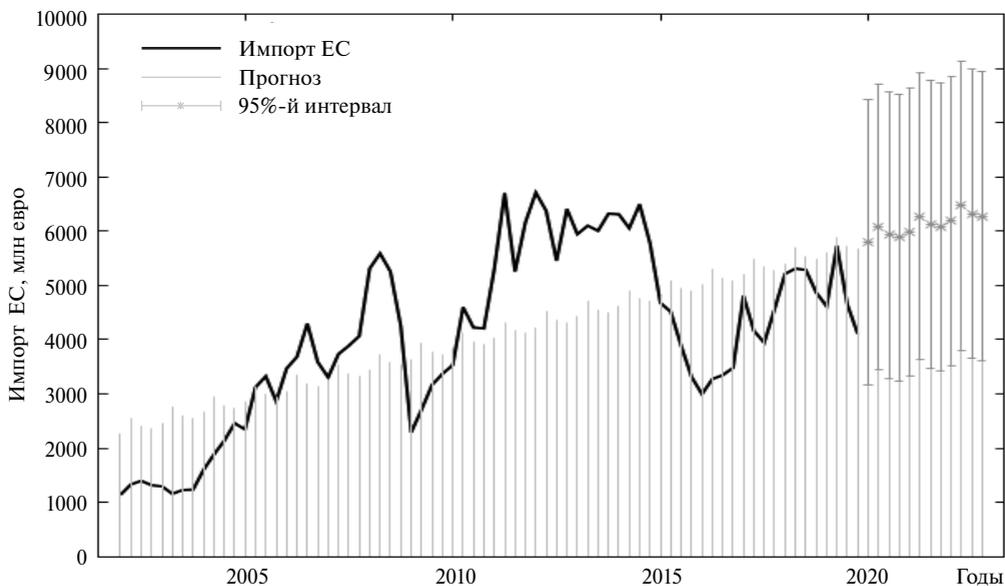

Рис. 8. Модель прогноза временного ряда импорта ЕС из Центральной Азии в 2020–2023 гг., млн евро

Источник: Составлено авторами на основе данных EUROSTAT.

Центральная Азия – важный регион для ЕС с точки зрения импорта энергетического сырья. Торговый баланс ЕС со странами Центральной Азии долгое время был отрицательным из-за зависимости ЕС от импорта энергетического сырья из этих стран. В то же время можно констатировать, что ЕС является важнейшим торговым партнером Центральной Азии.

Экспорт ЕС в страны Центральной Азии на основе временных рядов и прогноза до 2023 г. продолжит расти, хотя на это будет влиять несколько факторов: реализация контрактной базы, конкурентоспособность продукции ЕС, экономическое развитие ЕС в условиях пандемии. Успешное внедрение и дальнейшее развитие договорной базы как на государственном, так и на наднациональном уровне будет иметь важное значение для благоприятного развития взаимной торговли между регионами. Однако этот процесс займет более чем три года. Тем не менее благоприятное развитие переговоров может иметь положительное влияние на развитие экспорта ЕС в краткосрочной перспективе. Если европейские производители хотят быть конкурентоспособными на рынках стран Центральной Азии, они должны иметь возможность предлагать сложную продукцию, отвечающую потребностям местного спроса. Также будет важна ценовая конкурентоспособность. Китай уже включил эти страны в инициативу «Один пояс, один путь», укрепив свои позиции как в коммерческом, так и в политическом плане. Серьезную конкуренцию составляют производители из России, с которой страны Центральной Азии имеют исторические связи.

Пандемия COVID-19 вносит значительную степень неопределенности в будущее развитие торговых отношений не только рассматриваемых стран, но и мировой экономики. Продолжительность исключительной ситуации, которая уже имеет серьезные последствия для экономики стран ЕС, предсказать сложно. Следовательно, в случае ухудшения ситуации нельзя исключать снижения стоимости экспорта и импорта даже ниже смоделированной вероятности.

Источники

- Гнидченко А.А. (2018). Многополярное замедление и оживление мировой торговли // Экономический журнал ВШЭ. Т. 22. № 4. С. 583–608.
- Asian Development Bank (ADB) (2003). *Asian Development Outlook 2003: Competitiveness in Developing Asia*. N.Y.: Oxford University Press Inc. Режим доступа: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/27716/ado2003.pdf> (дата обращения: 18.02.2021).
- Apokins I. (2016). Reviewing the EU Strategy for Central Asia: Results and Future Prospects // *L'Europe en Formation*. Vol. 2015/1. No. 375. P. 10–17. Режим доступа: <https://doi.org/10.3917/eufor.375.0010>.
- Baláz P., Kráľovičová M., Steinhauser D. (2020). Foreign Trade as a Tool to Strengthen the EU's Competitiveness Against China (A Case of the Service Sector) // *Prague Economic Papers*. Vol. 29. No. 2. P. 129–151. Режим доступа: <https://doi.org/10.18267/j.p.e.p.731>.
- Boonstra J., Panella R. (2018). Three Reasons Why the EU Matters to Central Asia. Режим доступа: <http://voicesoncentralasia.org/three-reasons-why-the-eumatters-to-central-asia/>
- Byrd W., Raiser M., Dobronogov A., Kitain A. (2006). Economic Cooperation in the Wider Central Asia Region. World Bank Working Paper No. 75. Режим доступа: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/6969> (дата обращения: 18.02.2021).
- Cornell S.E., Engvall J. (2017). The EU and Central Asia: Expanding Economic Cooperation, Trade and Investment // *The Central Asia-Caucasus Analyst*. 6 September. Режим доступа: <https://www.cacianalyst.org/publications/feature-articles/item/13465-the-> (дата обращения: 18.02.2021).
- Dani A.H., Masson V.M. (1992). *History of Civilizations of Central Asia*. Vol. 1: The Dawn of Civilization: Earliest Times to 700 B.C. Paris: UNESCO Publishing. Режим доступа: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000094466> (дата обращения: 18.02.2021).
- Drieniková K. (2018). Špecifiká zahraničnoobchodnej politiky EÚ voči Strednej Ázii [The Specifics of EU Trade Policy Toward Central Asia]. *Vedecké state obchodnej fakulty 2018/1*, Bratislava: Ekonóm.
- Euractiv (2019). The New EU Strategy for Central Asia. 18 June. Режим доступа: <https://www.euractiv.com/section/central-asia/infographic/the-new-eu-strategy-for-central-asia/> (дата обращения: 18.02.2021).
- European Commission (EC) (2019). A Renewed Partnership With Central Asia. Режим доступа: https://ec.europa.eu/commission/news/renewed-partnership-central-asia-2019-may-15_en.
- European External Action Service (EEAS) (2020). EU-Turkmenistan Relations. EEAS Fact Sheet. 17 November. Режим доступа: https://eeas.europa.eu/regions/central-asia/4077/eu-turkmenistan-relations_en (accessed 18 February 2020).
- Eurostat (n. d.). International Trade in Goods Database. Режим доступа: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/international-trade-in-goods/data/database> (дата обращения: 18.02.2021).
- Fida Z. (2018). Central Asia's Place in Turkey's Foreign Policy // *Policy Perspectives*. Vol. 15. No. 1. P. 113–125. Режим доступа: <https://www.jstor.org/stable/10.13169/polipers.15.1.0113>.
- Gast A.-S. (2014). A Shift in the EU Strategy for Central Asia? Carnegie Moscow Center. 30 April. Режим доступа: <http://carnegie.ru/publications/?fa=55483> (дата обращения: 18.02.2021).
- Iqbal M., Afridi M.K. (2017). New Great Game in Central Asia: Conflicts, Interests and Strategies of Russia, China and United States // *The Dialogue*. Vol. 12. No. 3. P. 229–246. Режим доступа: https://www.qurtuba.edu.pk/thedialogue/The%20Dialogue/12_3/Dialogue_July_September2017_229-246.pdf (дата обращения: 18.02.2021).
- Kembayev Z. (2016). Partnership Between the European Union and the Republic of Kazakhstan: Problems and Perspectives // *European Foreign Affairs Review*. Vol. 21. No. 2. P. 185–203. Режим доступа: <https://ssrn.com/abstract=2889952> (дата обращения: 18.02.2021).
- Konopelko A. (2018). Eurasian Economic Union: A Challenge for EU Policy Towards Kazakhstan // *Asia Europe Journal*. Vol. 16. No. 1. P. 1–17. Режим доступа: <https://doi.org/10.1007/s10308-017-0480-7>.
- Lukáčijová A., Lukáčik M., Szomolányi K. (2018). Úvod do ekonometrie s programom Gretl [Introduction to Econometrics with the Gretl Programme]. Bratislava: Letra Edu.

Makarenko T. (2009). Stredná Ázia – oblasť, kde sa kríži moc, politika a ekonomika [Central Asia – An Area Where Power, Politics and the Economy Intersect] // NATO Review. Режим доступа: http://www.nato.int/docu/review/2009/Asia/central_asian_geopolitics/SK/index.htm (дата обращения: 18.02.2021) (in Slovak).

Michaely M. (1996). Trade Preferential Agreements in Latin America: An Ex Ante Assessment. Policy Research Working Paper No. 1583, World Bank. Режим доступа: <http://documents1.worldbank.org/curated/en/934301468773398976/pdf/multi0page.pdf> (дата обращения: 18.02.2021).

Prokhorov A. (1975). Great Soviet Encyclopedia. N.Y.: Macmillan.

Puškářová P. (2015). Assessing the Magnitude of Globalization-Induced Technology Flows in Expanded EU-Sample: A Multi-Channel Approach // Procedia Economics and Finance. Vol. 20. P. 544–552. Режим доступа: [https://doi.org/10.1016/S2212-5671\(15\)00107-0](https://doi.org/10.1016/S2212-5671(15)00107-0).

Ružeková V., Kittová Z., Steinhauser D. (2020). Export Performance as a Measurement of Competitiveness // Journal of Competitiveness. Vol. 12. No. 1. P. 145–160. Режим доступа: <https://doi.org/10.7441/joc.2020.01.09>.

Teleuova S. (2015). Some Aspects of the European Union’s Policy towards Central Asia // Asian Social Science. Vol. 11. No. 14. P. 219–227.

The Current State of, and Perspectives on, Foreign Trade Between the EU and Central Asia in a Period of Geoeconomic Change¹

E. Kašťáková, M. Žatko, N. Barinková

Elena Kašťáková – PhD, Associate Professor at the Department of International Trade, Faculty of Commerce, University of Economics in Bratislava; 1 Dolnozemska cesta, 852 35 Bratislava, Slovak Republic; E-mail: elena.kastakova@euba.sk

Matúš Žatko – PhD, Assistant Professor at the Department of International Trade, Faculty of Commerce, University of Economics in Bratislava, 1 Dolnozemska cesta, 852 35 Bratislava, Slovak Republic; E-mail: matus.zatko@euba.sk

Natália Barinková – PhD, Student at the Department of International Trade, Faculty of Commerce, University of Economics in Bratislava; 1 Dolnozemska cesta, 852 35 Bratislava, Slovak Republic; E-mail: natalia.barinkova@euba.sk

Abstract

The article examines the current foreign trade relations between the EU and Central Asia. Based on econometric analysis, it sets out possible perspectives for the further development of mutual trade relations in the time of geoeconomic changes. As one of the most important integration groupings in the world, the EU has a significant influence in promoting its foreign trade interests. Central Asia is a part of Asia consisting of several states that are members of different regional integration groupings with different priorities. The result of the research is an analysis of mutual foreign trade relations. Character and perspective of mutual trade relations is assessed by using of selected one-factor indicators (trade complementarity index and trade intensity index). With the help of time-series forecast model, the article also tries to estimate the future development of EU exports as well as EU imports in relation to Central Asian countries. While the EU imports from Central Asian countries are dominated by minerals and fuels in the long term, EU exports consist of more sophisticated and diversified production. This represents the potential for further development of the business relationships and growth of mutual trade. In the case of favourable circumstances, a continuing growth trend in trade can be expected, especially on the side on EU exports.

Key words: EU; Central Asia; foreign trade; Complementarity Trade Index; Trade Intensity Index; Time-series prediction model

For citation: Kašťáková E., Žatko M., Barinková N. (2021). Perspectives on the Current State of Foreign Trade Between the EU and Central Asia in a Period of Geoeconomic Change. *International Organisations Research Journal*, vol. 16, no 1, pp. 145–161 (in English). DOI: 10.17323/1996-7845-2021-01-07

References

- Apokins I. (2016). Reviewing the EU Strategy for Central Asia: Results and Future Prospects. *L'Europe en Formation*, vol. 1, no 375, pp. 10–7. Available at: <https://doi.org/10.3917/eufor.375.0010>.
- Asian Development Bank (ADB) (2003). *Asian Development Outlook 2003: Competitiveness in Developing Asia*. New York: Oxford University Press Inc. Available at: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/27716/ado2003.pdf> (accessed 18 February 2021).
- Baláž P., Kráľovičová M., Steinhäuser D. (2020). Foreign Trade as a Tool to Strengthen the EU's Competitiveness Against China (A Case of the Service Sector). *Prague Economic Papers*, vol. 29, no 2, pp. 129–51. Available at: <https://doi.org/10.18267/j.pep.731>.

¹ This paper is a part of a research project of the Ministry of Education, Family and Sports of the Slovak Republic VEGA No. 1/0039/20 The Importance of the Eurasian Economic Union for Shaping of EU Trade Strategies (with Implications for Slovakia).

- Boonstra J., Panella R. (2018). Three Reasons Why the EU Matters to Central Asia. Available at: <http://voice-soncentralasia.org/three-reasons-why-the-eumatters-to-central-asia/>
- Byrd W., Raiser M., Dobronogov A., Kitain A. (2006) Economic Cooperation in the Wider Central Asia Region. World Bank Working Paper no 75. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/6969> (accessed 18 February 2021).
- Cornell S.E., Engvall J. (2017). The EU and Central Asia: Expanding Economic Cooperation, Trade and Investment. The Central Asia-Caucasus Analyst, 6 September. Available at: <https://www.cacianalyst.org/publications/feature-articles/item/13465-the-> (accessed 18 February 2021).
- Dani A.H., Masson V.M. (1992). *History of Civilizations of Central Asia, vol. 1: The Dawn of Civilization: Earliest Times to 700 B.C.* Paris: UNESCO Publishing. Available at: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000094466> (accessed 18 February 2021).
- Drieniková K. (2018). Špecifická zahraničnoobchodnej politiky EÚ voči Strednej Ázii [*The Specifics of EU Trade Policy Toward Central Asia*]. *Vedecké state obchodnej fakulty 2018/1, Bratislava: Ekonóm (in Slovak)*.
- Euractiv (2019). The New EU Strategy for Central Asia, 18 June. Available at: <https://www.euractiv.com/section/central-asia/infographic/the-new-eu-strategy-for-central-asia/> (accessed 18 February 2021).
- European Council (2019). A Renewed Partnership With Central Asia. Available at: https://ec.europa.eu/commission/news/renewed-partnership-central-asia-2019-may-15_en.
- European External Action Service (EEAS) (2020) EU-Turkmenistan Relations. EEAS Fact Sheet, 17 November. Available at: https://eeas.europa.eu/regions/central-asia/4077/eu-turkmenistan-relations_en (accessed 18 February 2020).
- Eurostat (n. d.). International Trade in Goods Database. Available at: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/international-trade-in-goods/data/database> (accessed 18 February 2021).
- Fida Z. (2018). Central Asia's Place in Turkey's Foreign Policy. *Policy Perspectives*, vol. 15, no 1, pp. 113–25. Available at: <https://www.jstor.org/stable/10.13169/polipers.15.1.0113>.
- Gast A.-S. (2014). *A Shift in the EU Strategy for Central Asia?* Carnegie Moscow Center, 30 April. Available at: <http://carnegie.ru/publications/?fa=55483> (accessed 18 February 2021).
- Gnidchenko A. (2018). Mnogopolyarnoe zamedlenie i ozhivlenie mirovoy trgovli [Multipolar Global Trade Slowdown and Revival]. *HSE Economic Journal*, vol. 22, no 4, pp. 583–608 (in Russian).
- Iqbal M., Afridi M.K. (2017). New Great Game in Central Asia: Conflicts, Interests and Strategies of Russia, China and United States. *The Dialogue*, vol. 12, no 3, pp. 229–46. Available at: https://www.qurtuba.edu.pk/thedialogue/The%20Dialogue/12_3/Dialogue_July_September2017_229-246.pdf (accessed 18 February 2021).
- Kembayev Z. (2016). Partnership Between the European Union and the Republic of Kazakhstan: Problems and Perspectives. *European Foreign Affairs Review*, vol. 21, no 2, pp. 185–203. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2889952> (accessed 18 February 2021).
- Konopelko A. (2018). *Eurasian Economic Union: A Challenge for EU Policy Towards Kazakhstan*. *Asia Europe Journal*, vol. 16, no 1, pp. 1–17. Available at: <https://doi.org/10.1007/s10308-017-0480-7>.
- Lukáčijová A., Lukáčik M., Szomolányi K. (2018). Úvod do ekonometrie s programom Gretl [*Introduction to Econometrics with the Gretl Programme*]. Bratislava: Letra Edu (in Slovak).
- Makarenko T. (2009). Stredná Ázia – oblasť, kde sa kríži moc, politika a ekonomika [Central Asia – An Area Where Power, Politics and the Economy Intersect]. *NATO Review*. Available at: http://www.nato.int/docu/review/2009/Asia/central_asian_geopolitics/SK/index.htm (accessed 18 February 2021) (in Slovak).
- Michaely M. (1996). Trade Preferential Agreements in Latin America: An Ex Ante Assessment. Policy Research Working Paper No 1583, World Bank. Available at: <http://documents1.worldbank.org/curated/en/934301468773398976/pdf/multi0page.pdf> (accessed 18 February 2021).
- Teleuova S. (2015). Some Aspects of the European Union's Policy towards Central Asia. *Asian Social Science*, vol. 11, no 14, pp. 219–227.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

Статус основного союзника США вне НАТО: характеристика, хронология, географическое распространение¹

О.А. Баженова

Баженова Ольга Алексеевна – н.с. факультета мировой политики Московского государственного университета (МГУ) имени М.В. Ломоносова; Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51; E-mail: ol.bazhenova@mail.ru.

В последние годы статус «основной союзник США вне НАТО» (ОСВН) рельефнее обозначился в американской внешней политике. Представители СМИ задаются вопросами: кто еще пополнит список союзников США вне НАТО, какие привилегии получает государство вместе с обретением статуса, является ли он альтернативой вступлению в ряды НАТО? Цель статьи – изучить предпосылки возникновения статуса, проанализировать его правовые основы, представить краткую характеристику нового инструмента внешней политики США в современных условиях.

Ключевые слова: США; основной союзник вне НАТО; ОСВН; Дональд Трамп; внешняя помощь

Для цитирования: Баженова О.А. (2021). Статус основного союзника США вне НАТО: характеристика, хронология, географическое распространение // Вестник международных организаций. Т. 16. № 1. С. 162–171 (на русском языке). DOI: 10.17323/1996-7845-2021-01-08

Взаимодействие США с основными союзниками, не входящими в организацию Североатлантического договора, представляет особый исследовательский интерес, так как с окончанием холодной войны эта группа партнеров планомерно растет. Уже на начальном этапе изучения этой темы появляется множество вопросов: что дает этот статус США и государству, его получившему; зачем он был введен, если есть НАТО; что объединяет столь разные государства, которым присваивается статус, например Японию и Афганистан?

Термин «основной союзник вне НАТО» (Major non NATO ally) появился в американском политическом лексиконе в 1986 г. [Office of the Law..., 2020]. Руководство США определяет его как взаимовыгодные военно-политические отношения со странами, не являющимися членами НАТО.

Лингвистический акцент на слове «основной» (major – крупный, важный) подчеркивает политическую привлекательность статуса для его обладателей и особую роль во внешней политике США. Словосочетание «вне НАТО» подчеркивает глобальную, неевропейскую роль статуса, который может предоставляться любому государству независимо от его географического положения. Это означает, что сотрудничество США и иностранных государств, обладающих этим статусом, происходит вне рамок «тра-

¹ Статья поступила в редакцию в ноябре 2020 г.

диционной» Североатлантической системы безопасности. Аббревиатура НАТО указывается в термине не только для обозначения различий во взаимодействии США с государствами ОСВН и странами – членами военного блока, но и с целью подчеркнуть аспекты, присущие обеим формам сотрудничества (страны ОСВН принимают участие в одних и тех же научно-исследовательских программах с членами альянса и др.).

Одним из ключевых факторов, способствовавших юридическому закреплению военно-политического взаимодействия США с государствами за пределами блока НАТО, стал приход к власти в 1981 г. президента от республиканской партии – Р. Рейгана [Office of the Historian, 1981–1988]. С целью противостояния Советскому Союзу он начал планомерно реализовывать программу развития военно-промышленного комплекса США, следствием которой стало быстрое и крупное увеличение расходов на военное строительство и НИОКР.

С 1981 по 1985 г. военные траты были увеличены в 2 раза², что привело к стремительному сокращению социальных программ, дефициту федерального бюджета³ и росту госдолга⁴. Из крупнейшего кредитора США превращались в крупнейшего в мире должника. В то же время обострение холодной войны требовало конкретных мер по сдерживанию «советской угрозы». Согласно президентской директиве от 1982 г. [Office of the Historian, 1981–1988], ключевое место отводилось распространению американского влияния в мире с помощью укрепления существующих и создания новых союзов. Нежелание партнеров по НАТО следовать договоренностям о ежегодном 3%-м увеличении оборонных расходов усугубляло экономическое положение США. Высвобождение денежных средств из военного сектора в сложившейся ситуации представлялось возможным за счет подключения государств вне блока НАТО к НИОКР и совместному решению вопросов безопасности. Было необходимо в короткие сроки подключить к сотрудничеству государства, с которыми США могли бы разделить материальную ответственность за обеспечение стабильности и безопасности стратегически значимых регионов мира.

Решением стало сотрудничество вне блока НАТО. Руководство США получило инструмент для усиления своего влияния в ключевых регионах реализации национальных интересов и расширения взаимодействия с партнерами в военной сфере, в том числе НИОКР, проведения совместных мероприятий оперативной и боевой подготовки, экспорта вооружений и обучения специалистов. Таким образом, руководство США укрепляло национальную экономику посредством увеличения спроса на американскую продукцию и услуги и, как следствие, на доллар США. Кроме того, было создано альтернативное направление военного сотрудничества, предоставляющее возможность действовать независимо от Североатлантического альянса.

Неизвестно кто был родоначальником идеи, однако, с высокой степенью вероятности, можно предположить, что им был сам Рейган или один из членов его администрации. Доверенные лица и помощники президента США, действуя зачастую непублично, оказывали существенное влияние на разработку внешнеполитического курса. Круг потенциальных «идейных вдохновителей», не считая президента, представляется возможным сузить до пяти человек: госсекретарь США Дж. Шульц, министр обороны К. Уайнбергер, глава администрации президента Д. Риган, советник президента по национальной безопасности Дж. Пойндекстер и директор ЦРУ Дж. Кейси. Не исключено также, что идея внедрения новой формы сотрудничества возникла в уме одного

² А к 1985 г. достигли максимума после окончания Второй мировой войны – почти 300 млрд долл. (6,2% от ВВП).

³ Он вырос с 60 млрд долл. в 1980 г. до 220 млрд долл. в 1986 г.

⁴ С 749 до 1746 млрд долл.

из «членов кухонного кабинета»⁵ Рейгана – крупного калифорнийского владельца магазинов по продаже автомобилей Х. Татла или президента конгломерата «Дарт индастриз» Д. Дарта. Однако доказательств этому нет, приведенные нами имена – результат метода исключения и догадок.

Так или иначе, идейный вдохновитель новой модели взаимодействия государств сделал весомый вклад в арсенал внешнеполитических инструментов США, дополнив исторически сложившуюся американскую систему союзов. Подтверждением субъектного характера процессов американской политики может служить труд академиков РАН А.А. Кокошина и С.М. Рогова, в котором авторы отмечают: «Историю делают люди, а не абстрактные факторы» [Кокошин, Рогов, 1986].

Среди союзников вне НАТО руководство США выделило стратегически значимые с точки зрения национальных интересов государства, которые получили название основных.

Впервые на государственном уровне термин «основной союзник вне НАТО» был упомянут на заседании Конгресса 8 июля 1986 г. в законопроекте Сената об ассигнованиях на 1987 финансовый год [Library of Congress, 1987] в разд. 1105 «Совместные научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы с основными союзниками США вне НАТО» сенатором от Республиканской партии Аризоны Б. Голдуотером. Автор определял «основного союзника вне НАТО» как «государство, не являющееся членом Организации Североатлантического договора, с которым целесообразно проводить совместные программы научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ для обеспечения оборонных потребностей США» [Library of Congress, 1987]. «Привлечение к такому сотрудничеству основных союзников США вне альянса принесет дополнительные выгоды», отмечалось в билле. В качестве главных целей сотрудничества указывались разработка нового оборудования и боеприпасов, а также модернизация существующих образцов вооружения, военной и специальной техники [Library of Congress, 1987].

Согласно документу, правом присвоения статуса иностранному государству наделялся министр обороны США при согласовании с государственным секретарем. В качестве юридической основы, закрепляющей факт присвоения статуса, был утвержден меморандум о взаимопонимании или другое официальное соглашение о проведении совместных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ.

Несмотря на то что билль не содержал конкретного перечня государств, с которыми возможно сотрудничество в рамках нового правового инструмента, документ определял порядок его формирования: «Не позднее 1 января каждого года министр обороны и госсекретарь должны совместно представить в комитеты Сената и Палаты представителей по вооруженным силам и международным отношениям: список государств, имеющих право на участие в совместных с США НИОКР; указание критериев, используемых при определении права на участие этих государств в совместных с США проектах» [Library of Congress, 1987].

Раздел 1105 определял и сферы сотрудничества США с основными союзниками вне НАТО: разработка, производство и модернизация вооружений, военной и специальной техники. На эти цели в 1987 финансовом году было выделено 40 млн долл. При этом в документе отмечалось, что каждый проект предусматривает совместное финансирование на равноправной основе, что должно было во многом облегчить бремя расходов США.

⁵ С тех пор, как первый президент Джексон собрал своих друзей на кухне Белого дома, чтобы обсудить с ними важные вопросы, такие группы стали именоваться «кухонным кабинетом».

Представленный Б. Голдуотером законопроект, после его подписания президентом США Р. Рейганом, стал законом № 99-661 от 14 ноября 1986 г. [GovTrack.us: Tracking the U.S. Congress, 1987]. Раздел о взаимодействии с государствами ОСВН № 1105 «Совместные научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы с основными союзниками США вне НАТО» был внесен в ст. 22 Кодекса США как разд. 2767а. Таким образом, с утверждением этого документа был юридически закреплён новый инструмент внешней политики, определены сферы сотрудничества США и основных союзников вне НАТО, а также утверждены соответствующие бюджетные ассигнования на 1987 финансовый год.

Во исполнение разд. 2767а ст. 22 министр обороны США К. Уайнбергер и госсекретарь Дж. Шульц в начале 1987 г. представили в Конгресс перечень первых основных союзников вне НАТО, который включал Израиль, Австралию, Египет, Японию и Южную Корею. Единственным открытым для публичного пользования документом, подтверждающим факт присвоения статуса вышеуказанным странам, является стенограмма слушаний Конгресса от 25 февраля 1987 г. [Foreign Assistance Legislation for Fiscal Years, 1988–1989].

Стоит обратить внимание на то, что именно эти государства на тот момент были ближайшими союзниками США за пределами альянса. С некоторыми из них (Австралией, Южной Кореей и Японией) еще до присвоения статуса у США существовали договоры о взаимной обороне (Mutual Defense Treaty).

В последующие годы (1989–1996) был принят ряд законодательных актов, расширивших привилегии, полномочия и льготы «основных союзников вне НАТО» [GovTrack.us: Tracking the U.S. Congress, 1990–1991; Library of Congress, 1987]. Особую роль в развитии сотрудничества США с основными союзниками вне НАТО сыграл законопроект Палаты представителей «H.R. 3121: Внесение поправок в Закон 1961 г. о внешней помощи и Закон о контроле над экспортом вооружений с целью модернизации оборонной системы и системы безопасности, санкционирования передачи военных кораблей иностранным государствам и др.» [GovTrack.us: Tracking the U.S. Congress, 1996]. Документ был представлен в Конгресс 20 марта 1996 г. членом Палаты представителей Б. Гилманом. Законопроект примечателен тем, что он расширил сферы сотрудничества США с основными союзниками вне НАТО. В предыдущих документах взаимодействие сторон рассматривалось лишь в рамках программ НИОКР. Б. Гилман же в §517 «Назначение основных союзников вне НАТО» отмечал, что «основным союзником вне НАТО» является государство, с которым США будут сотрудничать в тех областях, которые указаны в Законе о внешней помощи 1961 г. и Законе о контроле над экспортом вооружений [Legal Information Institute, 1961]. В соответствии с этими документами предполагалось, что сотрудничество сторон будет включать обеспечение международной безопасности, борьбу с терроризмом, содействие развитию международного военного образования, осуществление контроля над оборотом наркотиков, передачу военно-морских судов иностранным государствам, участие в программах зарубежного военного финансирования, реализацию избыточного военного имущества США, продажу вооружения, военной и специальной техники и др.

Кроме того, законопроект впервые наделял президента полномочиями по присвоению статуса ОСВН. Президент мог присвоить стране статус или объявить о его отмене по истечении тридцати дней с момента уведомления Конгресса⁶. Конгресс играет опре-

⁶ С момента получения президентского уведомления Конгресс в течение тридцати дней должен либо одобрить, либо отклонить запрос о присвоении иностранному государству статуса ОСВН.

деляющую роль в присвоении статуса «основной союзник вне НАТО», так как именно он своим решением утверждает общую сумму средств, выделяемых на сотрудничество. Законопроект Б. Гилмана был подписан Б. Клинтонем и стал законом № 104-164 от 21 июля 1996 г. [GovTrack.us: Tracking the U.S. Congress, 1996].

Согласно законодательным нововведениям, главные привилегии государств ОСВН предполагают:

- право страны-союзника на размещение на своей территории американских вооружений, военной и специальной техники (22 USC 2321h);
- право на получение помощи США в приобретении боеприпасов, оснащенных обедненным ураном (22 USC 2378a);
- право на участие в совместных с США мероприятиях оперативной и боевой подготовки на двусторонней или многосторонней основе при равном разделении расходов (22 USC 2761);
- право компаний государств-союзников участвовать в конкурсе на определенные контракты США для содержания, обслуживания и ремонта оборудования Министерства обороны США (10 USC 2350a);
- право на участие в совместных с США научно-исследовательских и опытно-конструкторских работах (10 USC 2350a);
- право на получение кредита материалов и оборудования для разработки и тестирования результатов совместных исследований (22 USC 2796d);
- право на оформление экспортных лицензий на спутники, их компоненты и технологии производства в приоритетном порядке (22 USC 2778);
- право стран-союзников, расположенных на южном и юго-восточном флангах НАТО, на приоритетную поставку оборонной техники сверх установленных норм США (22 USC 2321j).

Положения всех законопроектов о статусе «основной союзник вне НАТО» впоследствии были добавлены в ст. 10 «Вооруженные силы» и ст. 22 «Международные отношения» Кодекса США и составили его юридическую основу.

Из анализа вышеуказанных положений следует, что статус определяет стратегические и военные связи США с государствами, не являющимися членами организации Североатлантического договора. Нововведения в двусторонних отношениях предусматривают приоритетность развития сотрудничества США с этими странами, что подразумевает возможность совместного участия в оборонных инициативах и локальных контртеррористических мероприятиях, проведения взаимовыгодных исследований военного характера и реализации совместных космических проектов [Дмитращенко, 2014].

Проводя аналогию с двусторонним договором о гарантиях безопасности, следует отметить наличие сходств и различий. К сходствам относятся военно-политический характер сотрудничества и наличие различных льгот, предоставляемых как обладателям двусторонних договоров с США, так и государствам ОСВН. Статус, как и союзный договор, представляет собой один из ключевых инструментов укрепления взаимодействия США с иностранными государствами.

К различиям следует отнести порядок оформления сотрудничества. В отличие от стандартной процедуры заключения союзного договора⁷, процесс предоставления статуса иностранному государству проходит намного легче. Ввиду отсутствия текста об обязательствах сторон оформление сотрудничества в рамках ОСВН имеет две стадии

⁷ Заключение союзного договора — сложный многоуровневый процесс.

вместо четырех – рассмотрение⁸ и присвоение⁹. Получить две трети голосов в Сенате непросто, поэтому для того, чтобы избежать одобрения соглашений Конгрессом, исполнительная власть продвигает другие средства партнерства и союзничества, такие как статус ОСВН. Более того, представители руководства США трактуют союз, основанный на договоре, как ограничение суверенитета США [Hamilton, 2014].

Другим отличием статуса от союзного договора является тот факт, что статус юридически не предполагает защиту США иностранного государства в случае вооруженного нападения. Это позволяет США избежать вероятности быть втянутыми в конфликт.

Присвоение статуса не исключает наличия других соглашений между сторонами (некоторые государства ОСВН имеют и договоры безопасности с США) и подключения государства к новым или уже существующим организациям (например, НАТО). Однако взаимодействие с группой государств в рамках статуса ОСВН представляется руководству США более привлекательным в сравнении с обязательствами участника военного блока, так как предполагает в первую очередь приоритет национальных интересов над интересами союзника. Взаимодействие в рамках военного блока, напротив, подразумевает баланс интересов всех участников.

Статус облегчает и процедуру выделения Соединенными Штатами кредитов и займов государствам-союзникам за пределами НАТО, для осуществления которой в Кодексе США прописаны специальные программы. Одна из них содержится в ст. 22, разд. 2796d «Кредиты на материалы и оборудование для научно-исследовательских целей». В нем сказано, что министр обороны США может утверждать кредиты государствам ОСВН на расходные материалы или оборудование с целью проведения совместных исследовательских программ, разработок и тестирований. Министр обороны также может санкционировать закупки в кредит или принимать в дар расходные материалы и оборудование от государств ОСВН [U.S. Government Printing Office, 2009].

В разд. 2349aa-10 «Содействие в борьбе с терроризмом» также прописаны условия оказания Соединенными Штатами материальной поддержки государствам ОСВН. Руководство США уполномочено предоставлять обладателям статуса финансовую помощь в размере до 3 млрд долл. в год на приобретение устройств обнаружения взрывчатых веществ и другого оборудования для борьбы с терроризмом, а также до 1 млн долл. в год на оказание помощи официальным лицам США и американским гражданам, находящимся на территории государств ОСВН при возникновении угрозы их жизни или имуществу [U.S. Government Printing Office, 2009].

Сегодня статусом основного союзника США вне НАТО обладают семнадцать государств, каждое из них имеет для США особое значение. Прослеживая хронологию присвоения статуса отдельным государствам, нетрудно увидеть, что США использовали этот внешнеполитический инструмент с разными целями, руководствуясь, прежде всего, национальными геополитическими интересами.

В Азиатско-Тихоокеанском регионе путем подключения к сотрудничеству вне НАТО Японии, Южной Кореи, Австралии и Филиппин США создали «фундамент» для официальных соглашений о взаимных гарантиях безопасности. С окончанием холодной войны был велик риск, что в новых условиях договоры могли потерять свою значимость, что было бы невыгодно американской стороне. С помощью статуса в регионе были укреплены двусторонние связи, сохранен блок АНЗЮС, а сама Сан-Францисская система начала постепенно приобретать форму многостороннего сотруд-

⁸ Президент уведомляет Конгресс о намерении присвоить статус иностранному государству.

⁹ Присваивать государству статус ОСВН уполномочен президент США.

ничества. Примером тому являются трехсторонние форумы США – Австралия – Япония и США – Япония – Южная Корея.

В Латинской Америке, включая в список основных союзников вне НАТО Аргентину, США стремились внести раскол в интеграционные процессы региона. Призванный ослабить внутрорегиональные связи, он в конечном итоге побудил латиноамериканские государства к поиску иных союзников, способных строить сотрудничество на взаимовыгодных условиях. Среди них Бразилия прикладывала наибольшие усилия к противодействию «прогрессирующей зависимости Латинской Америки от рынка США и инвестиций американского капитала» [Манькин и др., 2005]. Для устранения существующей нестабильности в отношениях с латиноамериканскими государствами и усиления влияния в Латинской Америке в 2019 г. Д. Трамп принял решение о подключении к системе ОСВН Бразилии.

Присвоение статуса Бахрейну, Египту, Кувейту, Марокко и Тунису способствовало сохранению доступа США к природным ресурсам, военных баз и контроля над экстремистскими силами региона. На Большом Ближнем Востоке с помощью статуса ОСВН была сформирована союзная система, которой прежде не было в этом регионе¹⁰. До настоящего времени, в силу многочисленных внутрорегиональных конфликтов, США не удалось создать многосторонней формы взаимодействия с союзниками вне НАТО наподобие трехсторонних стратегических диалогов в АТР. Однако американским руководством было образовано несколько зон свободной торговли в регионе с четырьмя основными союзниками вне НАТО, а именно с Израилем, Иорданией, Бахрейном и Марокко.

Подключение Пакистана и Афганистана к взаимодействию в рамках ОСВН может ослабить значимость статуса и лишить его прежней привлекательности для потенциальных союзников. Анализ сотрудничества с этими государствами показал, что присвоение им статуса, исходя из тактических соображений, временно оказавшихся первым пунктом в стратегической повестке Вашингтона, чревато риском его девальвации.

В заключение необходимо отметить, что статус «основной союзник вне НАТО» появился в турбулентную эпоху. Перестройка в СССР, затяжная война в Афганистане, обострение конфликта на Ближнем Востоке, «бархатные революции» в Центральной и Восточной Европе – эти и многие другие процессы 1980-х годов составляли те условия, в которых возникла новая форма межгосударственного взаимодействия США и их союзников.

С приходом к власти президента Трампа проблема союзничества приобрела еще более острые очертания. Новая администрация совершенно четко обозначила двух основных противников США – Россию и Китай, вокруг которых она намерена планомерно выстраивать периметр «сдерживания» по аналогии с 1940-ми годами. Для этих целей необходим весь арсенал внешнеполитических инструментов, в частности и статус ОСВН.

Источники

Дмитращенко О.А. (2014). Особенности типологизации союзников США в американском политическом дискурсе // Вестник Московского университета. № 2. С. 114–133.

Кокошин А.А., Рогов С.М. (1986). Серые кардиналы Белого дома. М.: АПН.

¹⁰ Причиной нежелания США заключать союзные отношения на Ближнем Востоке и в Северной Африке стали многочисленные перманентные конфликты, в которых американская сторона была бы обязана принимать участие в случае подписания союзных договоров о гарантиях безопасности.

Манькин А.С., Мальгин А.В., Наумова Н.Н., Сидоров А.А. (2005). Интеграционные процессы в современном мире: учебное пособие / под ред. А.С. Манькина. М.: МАКС Пресс.

НАТО (1949). Североатлантический договор. Режим доступа: http://www.nato.int/cps/ru/natolive/official_texts_17120.htm (дата обращения: 01.07.2020).

Foreign Assistance Legislation for Fiscal Years 1988–1989 (Part 3). (1987). Hearings and Markup before the Subcommittee on Europe and the Middle East of the Committee on Foreign Affairs House of Representatives. One hundredth Congress. First session. U-S. Government printing office, Washington.

GovTrack.us: Tracking the U.S. Congress (1987). Status. Режим доступа: <https://www.govtrack.us/congress/bills/99/s2638> (дата обращения: 29.09.2020).

GovTrack.us: Tracking the U.S. Congress (1990–1991) S. 1352 (101st): National Defense Authorization Act for Fiscal Years 1990 and 1991. Режим доступа: <https://www.govtrack.us/congress/bills/101/s1352> (дата обращения: 29.09.2020).

GovTrack.us: Tracking the U.S. Congress (1996) Text of H.R. 3121 (104th): To amend the Foreign Assistance Act of 1961 and the Arms Export Control Act to make improvements to certain defense. Режим доступа: <https://www.govtrack.us/congress/bills/104/hr3121/text> (дата обращения: 01.10.2020).

GovTrack.us: Tracking the U.S. Congress (2014). Text of the Russian Aggression Prevention Act of 2014 U.S. Режим доступа: <https://www.govtrack.us/congress/bills/113/s2277/text> (дата обращения: 21.09.2020).

Hamilton D.S. (2014). The American Way of Partnership. European Strategic Partnership Observatory. Working paper No. 6.

Legal Information Institute (2020). 22 U.S. Code § 2321h – Stockpiling of defense articles for foreign countries. Режим доступа: <http://www.law.cornell.edu/uscode/text/22/2321h> (дата обращения: 10.09.2020).

Legal Information Institute (2020). 22 U.S. Code § 2751 – Need for international defense cooperation and military export controls; Presidential waiver; report to Congress; arms sales policy. Режим доступа: <http://www.law.cornell.edu/uscode/text/22/2751> (дата обращения: 02.09.2020).

Legal Information Institute (2020). 22 U.S. Code § 2761 – Sales from stocks. Режим доступа: <http://www.law.cornell.edu/uscode/text/22/2761> (дата обращения: 19.09.2020).

Legal Information Institute (2020). 22 U.S. Code § 2778 – Control of arms exports and imports. Режим доступа: <http://www.law.cornell.edu/uscode/text/22/2778> (дата обращения: 02.10.2020).

Library of Congress (1987). S. 2638 (99th): National Defense Authorization Act for Fiscal Year 1987. Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/99th-congress/senate-bill/2638> (дата обращения: 06.08.2020).

National Archives and Records Administration (2020). Constitution of the United States. Режим доступа: http://www.archives.gov/exhibits/charters/constitution_transcript.html (дата обращения: 05.07.2020).

Office of the Historian 1981–1988: The Presidency of Ronald W. Reagan. Режим доступа: <https://history.state.gov/milestones/1981-1988/foreword> (дата обращения: 05.07.2020).

Office of the Law Revision Council United States Code (2020). §2350a. Cooperative research and development agreements: NATO organizations; allied and friendly foreign countries. Режим доступа: <https://uscode.house.gov/view.xhtml?req=granuleid:USC-prelim-title10-section2350a&num=0&edition=prelim> (дата обращения: 01.07.2020).

Office of the Law Revision Counsel. United States Code (2020). §2378a. Depleted uranium ammunition. Режим доступа: <http://uscode.house.gov/view.xhtml?req=granuleid:USC-prelim-title22-section2378a&num=0&edition=prelim> (дата обращения: 01.10.2020).

U.S. Government Printing Office (2009). 22 U.S.C. 2796D – loan of materials, supplies, and equipment for research and development purposes. Режим доступа: <http://www.gpo.gov/fdsys/granule/USCODE-2009-title22/USCODE-2009-title22-chap39-subchapVI-sec2796d> (дата обращения: 01.10.2020).

The Major non-NATO Ally Status: Characteristics, Chronology, Geographical Distribution¹

O. Bazhenova

Bazhenova Olga – Researcher at the World Politics faculty, Lomonosov Moscow State University; 1/51 Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; E-mail: ol.bazhenova@mail.ru.

Abstract

In recent years the “Major non NATO ally” (MNNA) status has become more prominent in American foreign policy. Media representatives are interested in following: who will be the next MNNA, what privileges will the country receive and can the status be granted as an alternative of joining NATO? The purpose of the article is to illuminate the prerequisites for status appearance and its legal foundations, to study the MNNA's role as the American foreign policy instrument.

Key words: United States; Major Non-NATO Ally; MNNA; D. Trump; foreign assistance

For citation: Bazhenova O. (2021). The Major non-NATO Ally Status: Characteristics, Chronology, Geographical Distribution. *International Organisations Research Journal*, vol. 16, no 1, pp. 162–171 (in Russian). DOI: 10.17323/1996-7845-2021-01-08

References

Dmitrashenko O.A (2014) Osobennosti tipologizatsii sojuznikov SShA v amerikanskom politicheskom dis-kurse. [Features of the typology of the US allies in the American political discourse] *Vestnik Moskovskogo Universiteta*, no 2, pp. 114–133 (in Russian).

Foreign Assistance Legislation for Fiscal Years 1988–1989 (Part 3). (1987). Hearings and Markup before the Subcommittee on Europe and the Middle East of the Committee on Foreign Affairs House of Representatives. One hundredth Congress. First session. U-S. Government printing office, Washington.

GovTrack.us: Tracking the U.S. Congress (1987). Status. Available at: <https://www.govtrack.us/congress/bills/99/s2638> (accessed 1 November 2020).

GovTrack.us: Tracking the U.S. Congress (1990–1991). S. 1352 (101st): National Defense Authorization Act for Fiscal Years 1990 and 1991. Available at: <https://www.govtrack.us/congress/bills/101/s1352> (accessed 1 November 2020).

GovTrack.us: Tracking the U.S. Congress (1996). Text of H.R. 3121 (104th): To amend the Foreign Assistance Act of 1961 and the Arms Export Control Act to make improvements to certain defense. Available at: <https://www.govtrack.us/congress/bills/104/hr3121/text> (accessed 1 November 2020).

GovTrack.us: Tracking the U.S. Congress (2014). Text of the Russian Aggression Prevention Act of 2014 U.S. Available at: <https://www.govtrack.us/congress/bills/113/s2277/text> (accessed 1 November 2020).

Hamilton D.S. (2014). The American Way of Partnership. European Strategic Partnership Observatory. Working paper № 6. 24 p.

Kokoshin A.A., Rogov S.M. (1986). Serye kardinaly Belogo doma. M.: APN, pp. 352 (in Russian).

Legal Information Institute (2020). 22 U.S. Code § 2321h – Stockpiling of defense articles for foreign countries. Available at: <http://www.law.cornell.edu/uscode/text/22/2321h> (accessed 1 November 2020).

¹ The editorial board received the article in November 2020.

- Legal Information Institute (2020). 22 U.S. Code § 2751 – Need for international defense cooperation and military export controls; Presidential waiver; report to Congress; arms sales policy. Available at: <http://www.law.cornell.edu/uscode/text/22/2751> (accessed 1 November 2020).
- Legal Information Institute (2020). 22 U.S. Code § 2761 – Sales from stocks. Available at: <http://www.law.cornell.edu/uscode/text/22/2761> (accessed 1 November 2020).
- Legal Information Institute (2020). 22 U.S. Code § 2778 – Control of arms exports and imports. Available at: <http://www.law.cornell.edu/uscode/text/22/2778> (accessed 1 November 2020).
- Library of Congress (1987). S. 2638 (99th): National Defense Authorization Act for Fiscal Year 1987. Available at: <https://www.congress.gov/bill/99th-congress/senate-bill/2638> (accessed 1 November 2020).
- Manykin A.S., Mal'gin A.V., Naumova N.N., Sidorov A.A. (2005). Integracionnyye processy v sovremennom mire [Integration processes in the modern world]. M.: MAKS Press, pp. 384 (in Russian).
- National Archives and Records Administration (2020). Constitution of the United States. Available at: http://www.archives.gov/exhibits/charters/constitution_transcript.html (accessed 1 November 2020).
- NATO (1949). Severoatlanticheskij dogovor [North Atlantic Treaty]. Available at: http://www.nato.int/cps/ru/natolive/official_texts_17120.htm (accessed 1 November 2020) (in Russian).
- Office of the Historian. 1981–1988: The Presidency of Ronald W. Reagan. Available at: <https://history.state.gov/milestones/1981-1988/foreword> (accessed 1 November 2020).
- Office of the Law Revision Council United States Code (2020). §2350a. Cooperative research and development agreements: NATO organizations; allied and friendly foreign countries. Available at: <https://uscode.house.gov/view.xhtml?req=granuleid:USC-prelim-title10-section2350a&num=0&edition=prelim> (accessed 1 November 2020).
- Office of the Law Revision Counsel. United States Code (2020). §2378a. Depleted uranium ammunition. Available at: <http://uscode.house.gov/view.xhtml?req=granuleid:USC-prelim-title22-section2378a&num=0&edition=prelim> (accessed 1 November 2020).
- U.S. Government Printing Office (2009). 22 U.S.C. 2796D – loan of materials, supplies, and equipment for research and development purposes. Available at: <http://www.gpo.gov/fdsys/granule/USCODE-2009-title22/USCODE-2009-title22-chap39-subchapVI-sec2796d> (accessed 1 November 2020).

Гегемония и мировой порядок: обзор концепции «сложной гегемонии»^{1, 2}

И.А. Сафранчук, В.М. Жорнист, А.Д. Несмашный

Сафранчук Иван Алексеевич — к.полит.н., в.н.с. Института международных исследований (ИМИ) МГИМО МИД России; доцент департамента международных отношений Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; Российская Федерация, 119454, Москва, просп. Вернадского, д. 76; E-mail: i.safranchuk@inno.mgimo.ru

Жорнист Вера Михайловна — аналитик Центра евроазиатских исследований Института международных исследований (ИМИ) МГИМО МИД России; Российская Федерация, 119454, Москва, просп. Вернадского, д. 76; E-mail: v.m.zhornist@my.mgimo.ru

Несмашный Александр Дмитриевич — аналитик Центра евроазиатских исследований Института международных исследований (ИМИ) МГИМО МИД России; Российская Федерация, 119454, Москва, просп. Вернадского, д. 76; E-mail: a.d.nesmashnyj@my.mgimo.ru

В статье рассматриваются ключевые темы и дискуссионные вопросы, затронутые в книге «Гегемония и мировой порядок: переосмысление власти в глобальной политике» (Hegemony and World Order: Reimagining Power in Global Politics / P. Dutkiewicz, T. Casier, J. Aart Scholte (eds). Routledge, 2020). Книга предлагает рассмотреть проблемы, связанные с современным состоянием гегемонии в мире, с позиций различных теоретических подходов: неолиберального, неореалистского, конструктивистского, неограммистского, мир-системного и постколониального. Книге удастся привнести добавленную стоимость в теорию гегемонии благодаря синтезу этих подходов через анализ современного этапа глобализации и разработку концепции «сложной гегемонии». На более прикладном уровне в книге «Гегемония и мировой порядок» изучаются перспективы мирового порядка и потенциал альтернативных гегемонов, таких как Россия и Китай. Кроме того, подробно раскрывается вопрос о роли негосударственных акторов в мировых гегемонистских структурах управления. На основе материала книги «Гегемония и мировой порядок» авторы анализируют способность ведущих игроков осуществлять «сложную гегемонию» и задаются вопросом о востребованности гегемонии в условиях нового мирового порядка.

Ключевые слова: теория международных отношений; гегемония; власть; мировой порядок; гегемонистская стабильность

Для цитирования: Сафранчук И.А., Жорнист В.М., Несмашный А.Д. (2021). Гегемония и мировой порядок: обзор концепции «сложной гегемонии» // Вестник международных организаций. Т. 16. № 1. С. 172–183 (на русском языке). DOI: 10.17323/1996-7845-2021-01-09

Литература по гегемонии обширна, и регулярно выходят новые исследования [Ikenberry, Nexon, 2019; Anderson, 2017], однако это свидетельствует не только о достаточно серьезной проработанности тематики, но и о некоторой ее фрагментированности: существует множество интерпретаций и пониманий гегемонии. Книга «Гегемония и мировой

¹ Статья поступила в редакцию в феврале 2021 г.

² Статья подготовлена И.А. Сафранчуком при финансовой поддержке МГИМО МИД России в рамках проекта № 1921-01-04.

порядок: переосмысление власти в глобальной политике» [Dutkiewicz et al., 2020a] претендует на всеохватность, то есть ее авторы пытаются осветить всю проблематику гегемонии в современных международных отношениях. В первом разделе рассматривается концепция гегемонии (Hegemony as conceptual map), во втором (Practices of hegemony) выстраивается анализ вокруг ресурсов и инструментов гегемонии: материальных, дискурсивных, институциональных и перформативных. В третьем разделе (Hegemony in action) рассматриваются некоторые практические международные ситуации: американо-китайское противостояние, индийская внешняя политика, международные отношения в Центральной Азии через призму исследований по гегемонии. При этом авторы представляют разные национальные школы (Великобритании, Индии, Канады, Китая, Центральной Азии, Европы, США и России), что позволяет сгладить западо- и американоцентризм, столь свойственный ранним исследованиям по гегемонии и вообще концептуально-теоретическим книгам престижных западных издательств [Maliniak et al., 2018].

Гегемония рассматривается с позиций разных теоретических подходов, для этого даются обзоры интерпретаций и способов концептуализации гегемонии разными теоретическими школами. Здесь нет необходимости их все повторять, поскольку большинство из них (неореалистский, неолиберальный, мир-системный, неограмшианский) хорошо знакомы российским международникам. Впрочем, подходы интерсекциональный³ и политической экологии⁴ не столь широко у нас известны.

Раскладывая по полочкам теоретические подходы, авторы создают когнитивную основу для анализа проблем мирового порядка, поскольку, как говорится в предисловии, «именно гегемония в мировом масштабе интересует авторов этой книги», и «она представляет собой особенно любопытный феномен в условиях отсутствия мирового правительства и перспектив его формирования в обозримом будущем» [Scholte et al., 2020, p. 5]. С учетом такого исследовательского интереса формулируется определение гегемонии на стыке социальных теорий власти и теорий гегемонии, которого и придерживаются авторы книги при всем разнообразии представленных в ней подходов: «...гегемония – это легитимное правление», при котором «доминирующие игроки в мировой политике задействуют свои ресурсы для поддержки договоренностей, упорядочивающих жизнь мирового сообщества», причем «многие или даже большинство акторов поддерживают гегемонистскую власть, считая ее уместной и правильной» [Scholte et al., 2020, p. 6].

В книге можно выделить три сквозных темы: 1) возможность гегемонии в современных условиях; 2) потенциал США, Китая и России как гегемонов; 3) гегемония, в центре которой не находится государство.

С самого начала в книге констатируется существование широко распространенного представления о том, что мировая система находится в кризисе, и он имеет два измерения: с одной стороны, есть глобальные вызовы, которые требуют решения за счет укрепления международного сотрудничества, а с другой – меняется глобальный баланс сил в мире и нарастает соперничество [Scholte et al., 2020, p. 1]. Далее предпринима-

³ Интерсекциональный подход, близкий к феминизму, предполагает, что власть в обществе распределяется сразу по многим измерениям социальной стратификации (пол, возраст, национальность, вероисповедание, расовая принадлежность и т.п.), а гегемонию осуществляют индивиды, которые относятся к более могущественным группам на пересечении нескольких форм социальной стратификации (так называемые интерсекции) [Scholte et al., 2020, p. 9].

⁴ Политическая экология выстраивает анализ социально-политических процессов вокруг антропоцентризма современного мира, при котором «жизнь других видов подчинена человеческой воле» [Scholte et al., 2020, p. 10].

ются попытки разобраться с причинами кризиса с разных теоретических перспектив. Наиболее цельные ответы можно получить с неореалистской, неолиберальной и мир-системной перспектив [Schmidt, 2020; Casier, 2020; Silver, Payne, 2020; Germain, 2020; Xin, 2020; Wang, 2020].

Для реалистов и неореалистов кризис международной системы, которая в последние десятилетия столь явно строилась вокруг лидера-гегемона США или коллективного Запада, кажется естественным следствием либеральных иллюзий [Mearsheimer, 2018]. Эта школа понимает гегемонию в терминах конфликта и борьбы между государствами за власть. Стремление к гегемонии, то есть к власти и влиянию в международных делах, неореалисты считают естественным. И бывает, что какая-то держава преодолевает обычно господствующий баланс сил и становится доминирующей. Тогда она использует свое материальное превосходство (особенно в военной мощи), чтобы создать механизмы мирового порядка, призванные сохранить свое первенство. В тех случаях, когда международные соглашения не соответствуют национальным интересам гегемона-реалиста и не укрепляют его власть, он от них отказывается. Одновременно неореалисты считают долгосрочную мировую гегемонию невозможной, а целенаправленную политику по ее созданию расточительной, так как попытки ее установить обязательно встретят сопротивление и в конечном счете не будут успешными.

В рамках неолиберальной теории отношение к гегемонии не лишено некоторой двойственности. С одной стороны, от идеализма и классического либерализма остается ставка на «хорошего» гегемона, то есть такого, который будет организовывать и гарантировать международный порядок и сотрудничество, не делая упор на принуждении. Напомним: во второй половине XX в. либеральный подход сформулировал положительное отношение к гегемонии и гегемонистскому порядку, связав хаос и конфликтность первой половины века с отсутствием государства-гегемона, способного обеспечить порядок и международное сотрудничество, а экономическое развитие и социальный прогресс после Второй мировой войны в капиталистическом мире с лидерской ролью США. Эта базовая позиция, изначально сформулированная в начале 1970-х Чарльзом Киндлбергером, в дальнейшем неоднократно подтверждалась основными либеральными и неолиберальными авторами [Keohane, 1984; Nye, 1990; Ikenberry, 2001; 2018]. Поэтому и сейчас, когда речь заходит о нарушителях международного порядка, ревизионистах, «изгоях», неолибералы апеллируют к лидеру-гегемону. Однако на базе дискуссий 1960–1970-х годов о качественных последствиях феномена взаимозависимости еще в начале 1980-х годов была сформулирована идея, согласно которой гегемонистский порядок становится менее возможен, поэтому система международного сотрудничества должна быть способна существовать не с опорой на государство-гегемона, а с опорой на международные институты [Keohane, 1984], что, собственно, и стали называть институциональным либерализмом, или просто неолиберализмом. Поэтому для неолибералов кризисные явления в мировой системе – это следствие недостаточной развитости ее международной компоненты.

С позиций мир-системного подхода, а также неограмшизма, смыкающегося с первым в близости к неомарксистскому духу и нормативной поддержке структурно угнетенных групп, имеет место кризис гегемонистского мирового порядка и современной модели глобального капитализма. Глобальное неравенство, неспособность Запада отвечать на общие вызовы и запросы «снизу» приводят к протестам во всех частях мира. Для существующего гегемона исполнение своих функций по «социальному контракту» больше не является прибыльным, и он фактически отказывается от их выполнения. Социальные протесты – это признак разрушения социальных основ глобального мирового порядка и подрыва легитимности доминирующих стран. Меняющийся ба-

ланс сил и состояние «системного хаоса» порождают запрос на нового гегемона [Silver, Payne, 2020]. Ему придется учитывать, что страны периферии не просто требуют перераспределения выгод от глобальных цепочек добавленной стоимости, то есть пересмотра условий взаимодействия по линии центр – периферия, а близки к тому, чтобы вообще изменить концепт отношений с центром. Они отходят от стремления «догнать» страны центра и вместо этого сами становятся центрами аккумуляции капитала, что ведет к перераспределению богатства в мировом масштабе и кризису современной модели глобального капитализма [Dutkiewicz, 2020a].

Некоторые авторы книги пытаются синтезировать разные теоретические подходы. На стыке неолиберального, неореалистского, постколониального и конструктивистского подходов возникает вопрос о разделении понятий материальной глобальности и идейной универсальности, которые в последние десятилетия объединялись в общую категорию «глобализации» [Safranchuk, 2020b]. Напомним, с точки зрения постколониализма мировая гегемония проистекает из западного проекта «Модерна», чей социальный порядок и ценностные установки стали доминирующей силой мирового общества, а для конструктивистов гегемония в мировой политике связана с главенствующими схемами мышления (knowledge frames). В одной из глав книги утверждается, что в мире продолжается материальная глобализация, то есть связанность и взаимозависимость, эффекты которой подробно прорабатывали неолибералы, но начался упадок идейного универсализма. Такое расхождение – это современная структурная реальность, которая делает гегемонию менее возможной. Чтобы заработали неореалистские интерпретации – должна произойти значительная материальная деглобализация. А чтобы заработали неолиберальные взгляды – нужна мощная идейная реуниверсализация мира [Safranchuk, 2020b, p. 76].

Еще более амбициозной попыткой обобщить в некую непротиворечивую картину разные теоретические подходы стала предлагаемая в книге концепция «сложной гегемонии» (complex hegemony). Она синтезируется методом логической абдукции с опорой на метатеорию сложности [Scholte, 2020]. Эта теория отказывается от рассмотрения гегемонии только в одном измерении, называя такой подход редуционистским, и обращается к анализу множества ее измерений, совмещая при этом различные теоретические парадигмы. Подход «сложной гегемонии» постулирует, что порядок конституируется множеством сил, включающих самого гегемона, его союзников, международные режимы, элитные группы, капитализм, антропоцентризм, доминирующие нормы и дискурсы, социальные иерархии. Таким образом, гегемонистское доминирование достигается и поддерживается материальными, дискурсивными, институциональными и перформативными инструментами. Именно за счет комплекса таких инструментов. Ни один из них по отдельности недостаточен для получения или поддержания гегемонии.

Таким образом, гегемон должен быть «виртуозом» мировой политики. Поэтому весьма релевантной оказывается вторая сквозная тема – потенциал претендентов на мировую гегемонию и проблемы, с которыми они сталкиваются.

Не новость, что существуют как оптимистические, так и пессимистические политические и экспертно-научные взгляды на американскую гегемонию. Одни полагают, что она продлится долго, другие видят ее упадок [Schmidt, 2020, p. 41–42]. При этом неолибералы, хотя и нацелены на передачу в перспективе функций поддержания мирового порядка глобальным институтам, в настоящем хотят видеть США гегемон-лидером и доказывают, что это выгодно самим США. Реалисты же (как оборонительные, так и наступательные) отрицают это. Соответственно, первые полагают, что США следует вкладываться в удержание гегемонии, а вторые считают, что США необходимо

смириться с упадком их гегемонии. Важно, что у этих основных школ взгляды на американскую гегемонию являются производными от их общетеоретических построений. Поэтому и неоллибералы, и неореалисты не столько оценивают, могут или не могут США быть гегемоном, сколько хотят, чтобы США поступили в соответствии с их теориями. Сильный нормативный элемент по отношению к американской гегемонии есть также у неомарксистского, мир-системного, неограмшистского, постколониального, интерсекционального подходов: аналитически объясняя механизмы поддержания иерархического порядка, в то же время они на стороне структурно угнетенных (*subaltern*) морально [Scholte et al., 2020, p. 8–10].

Прочной в книге представлена экономическая основа американской гегемонии — долларовая система. Она рассматривается в традиции “*longue durée*” Школы «Анналов» [Germain, 2020]. Конкретные области мировой экономики, в которых проявляются гегемонистские практики, — это капитализм, рыночная экономика и материальная жизнь. Под материальной жизнью понимается сумма практик и ежедневная рутина, а капитализм и рыночная экономика рассматриваются по отдельности, при этом в некоторых случаях капитализм может выступать в качестве «антирынка», а рыночная экономика служит воплощением либеральных идей. Доминирование доллара во всех трех областях сохраняется: после 1989 г. в мировую экономику включались всё новые страны, что вело к увеличению обращения доллара, «долларизация» остается высокой, а США как «оплот» доллара сохраняют способность к производству ресурсов и привлечению капитала, пользуясь своим положением в политической иерархии. Несмотря на растущий протест против политики США, все еще сохраняется доверие либеральным идеалам (“*longue durée*”), стоящим за американским долларом. Мировая валюта изменится только в случае серьезных изменений в структуре мировой экономики, которых в необходимом масштабе пока не наблюдается. Капитализм и рыночная экономика, являющиеся основой существующей структуры, глубоко укоренились в мировой экономике, до сих пор устойчивы и меняются медленно, не предполагая существенной трансформации системы, а позиция доллара, сохраняющего прочные материальные и идейные основы, в качестве мировой валюты остается устойчивой, составляя фундамент экономической компоненты гегемонии США.

Однако совсем не так позитивно для американской гегемонии выглядит ее идейная составляющая с конструктивистских позиций [Chebankova, 2020]. Классический западный либерализм, который в течение нескольких веков предлагал ответы на экзистенциальные вопросы человека, больше не выполняет эту функцию. В результате различных политических и идеологических трансформаций этот порядок начал создавать широкий спектр этических дилемм и противоречий, в результате чего возникло несколько альтернативных публичных доктрин относительно внутренней политики и внешнеполитического курса. Мир входит в новую фазу исторического развития, в ходе которой происходит переосмысление экономической, политической и культурной гегемонии западного мира. Началась, как отмечалось ранее, идейная деуниверсализация [Safranchuk, 2020b], а в соперничестве великих держав есть не только практическая, но и значительная идейная составляющая [Safranchuk, 2018; 2020a].

Американская гегемония сохраняет прочный экономический фундамент, но слаба идейно. В этом контексте представляет интерес потенциал альтернативных игроков на роль мирового гегемона.

Главные конкуренты США, бросающие вызов нынешнему гегемону, — это Китай и Россия. Стратегия Китая в книге характеризуется как долгосрочная и инклюзивная (ориентирована на сотрудничество), а стратегия России — как краткосрочная и конфронтационная [Casier, 2020]. Китай обладает внушительным экономическим потен-

циалом, он первый в мире по ВВП по ППС. В последние десять-пятнадцать лет Китай расширяет свое влияние в различных международных институтах и пытается создавать собственные международные институциональные структуры. Противостояние Китая и США по экономическим и технологическим вопросам рассматривается как гегемонистская борьба [Xin, 2020; Wang, 2020]. Однако поражение одного участника схватки не будет автоматически означать начало эпохи гегемонии другого. У Китая нет комплекса идей, которые он может предложить миру. У него также нет системы военных альянсов, которые помогут сплотить вокруг него союзников. Россия лидирует по величине ядерного арсенала, но уступает и США, и Китаю по общим военным расходам. Но при этом Россия – опытный международный игрок, и внутри России есть некоторые идеи, которые могут быть востребованы в мире [Chebankova, 2020].

Важно, что все эти игроки имеют и некоторые идентичные проблемы. С мир-системных, неограмшистских и постколониальных позиций все они сталкиваются с одной и той же преградой для укрепления своего мирового влияния – социальными протестами [Silver, Payne, 2020; Akchurina, 2020].

Получается, что ни один из претендентов на мировую гегемонию не является «виртуозом», не способен (по крайней мере, в настоящем) практиковать «сложную гегемонию». Другие новые глобальные игроки еще в меньшей степени на это способны. Например, для Индии постколониальное наследие можно рассматривать как фактор, лишаящий ее гегемонистских амбиций, даже если в будущем для этого возникнут материальные возможности [Vajrai, Parashar, 2020]. Поэтому вполне актуален третий сквозной вопрос книги – возможна ли гегемония, в центре которой не будет государства?

Хорошо известный феномен возрастания роли негосударственных акторов экстраполируется в книге на предмет мировой гегемонии: «...даже наиболее сильные государства являются участниками многослойных систем власти, будучи одновременно объектами и субъектами сложной сети отношений» [Dutkiewicz et al., 2020b, p. 241].

На мировой политической арене возникают негосударственные игроки, которые способны значительно влиять на мировой порядок. Они часто действуют заодно с традиционными акторами, но при этом автономно, будучи иерархически неподконтрольными последним. Это ведет к тому, что власть (способность достигать поставленных задач) все больше расходится с политикой (возможностью ставить эти задачи), перетекая из рук государства в руки негосударственных акторов. В итоге государство становится слабее из-за дефицита власти, а народ теряет доверие к способности институтов обеспечить его интересы и, прежде всего, безопасность.

В качестве примера негосударственного актора, сосредоточившего в своих руках существенную власть, рассматривается Think20 [Pal, 2020]. Эта сеть мозговых центров при G20 выполняет востребованную экспертную функцию и приобретает некоторую «экспертную власть» – способность и право задавать повестку и доминирующий нарратив, даже критически оценивать действия государств. Think20 обеспечивает «самощущение» мирового порядка и, таким образом, может легитимировать гегемонию [Pal, 2020, p. 161].

Другим примером роли негосударственных акторов в мировом порядке является работа неправительственных организаций в контексте формирования доминирующего нарратива в области международной миграции [Geiger, 2020]. Идея «управления миграционными потоками» (migration management) была воплощена в Международной организации по миграции (МОМ). В книге МОМ воспринимается как «вспомогательный» гегемон, поскольку фактически она обладает властью, достаточной для осуществления ключевого влияния в сфере миграции. Кроме того, несмотря на достаточно уз-

кий профиль, МОМ оказывает влияние и на другие сферы. Например, МОМ создает союзы с целью реформирования глобального порядка в сферах, выходящих за рамки миграционной политики [Geiger, 2020, p. 164].

Негосударственные акторы вполне могут играть роль гегемонов в каких-либо конкретных областях. При этом они могут не только брать на себя роль гегемонов, но и мешать чужой гегемонии. Например, социальные силы играли и продолжают играть важную роль в предотвращении гегемонии в регионе центральной Азии [Akchurina, 2020].

Если обобщить логику всей книги, то получается, что мировая гегемония в современных условиях должна быть многомерной, комплексной. Но такая «сложная гегемония» сейчас не под силу никому – ни отдельному государству, ни международным институтам. При этом в книге намечены два варианта объяснения такого состояния. Первое объяснение фокусируется на акторах. Государства, даже самые могущественные, не способны быть «виртуозами» в такой степени, в какой это необходимо для осуществления мировой власти. Одновременно они достаточно сильны, чтобы, с одной стороны, не дать получить власть своему сопернику, а с другой, не отдать такую власть международным институтам. Социальные движения также препятствуют консолидации гегемонии. Второе объяснение – устойчивая мировая власть невозможна в силу характеристик международной среды. К традиционному неореалистскому взгляду на этот счет (соперничество вокруг распределения возможностей) настоящая книга добавляет идеаторный аспект, а именно – идейный плюрализм в современном мире как следствие его деуниверсализации.

Авторы книги последовательны в своих рассуждениях и видят перспективу установления мультигегемонистской (полицентричной) международной системы [Dutkiewicz et al., 2020a, p. 244]. Впрочем, вряд ли это можно считать единственным вариантом развития ситуации. Сам факт ослабления контролируемости системы вызывает вопрос о востребованности гегемонии как доминирующей формы глобального управления. Движение в сторону большей фрагментированности и меньшей управляемости – это не только следствие снижения способности отдельных акторов консолидировать единоличную гегемонию, но и причина: возможно, акторам больше не нужна гегемония, а формы взаимодействия полностью изменятся. Вопрос, останется ли гегемония востребованной в будущем, и какие формы она примет, остается открытым.

Источники

Akchurina V. (2020). On the Power of Improvisation: Why Is There No Hegemon in Central Asia? *Hegemony and World Order: Reimagining Power in Global Politics* (P. Dutkiewicz, T. Casier, J.A. Scholte (eds)). L.: Routledge. Режим доступа: <https://doi.org/10.4324/9781003037231>.

Anderson P. (2017). *The H-Word: The Peripeteia of Hegemony*. Verso.

Vajpai R.D., Parashar S. (2020). India in the 'Asian Century': Thinking Like a Hegemon? *Hegemony and World Order: Reimagining Power in Global Politics* / P. Dutkiewicz, T. Casier, J.A. Scholte (eds). L.: Routledge. Режим доступа: <https://doi.org/10.4324/9781003037231>.

Casier T. (2020). Unravelling Power and Hegemony: Why Shifting Power Relations Do Not Equal a Change of International Order. *Hegemony and World Order: Reimagining Power in Global Politics* / P. Dutkiewicz, T. Casier, J.A. Scholte (eds). L.: Routledge. Режим доступа: <https://doi.org/10.4324/9781003037231>.

Chebankova E. (2020). The Role of Ideas: Western Liberalism and Russian Left Conservatism in Search of International Hegemony. *Hegemony and World Order: Reimagining Power in Global Politics* / P. Dutkiewicz, T. Casier, J.A. Scholte (eds). L.: Routledge. Режим доступа: <https://doi.org/10.4324/9781003037231>.

- Dutkiewicz P., Casier T., Scholte J.A. (2020a). Conclusions: Hegemony and World Order. *Hegemony and World Order: Reimagining Power in Global Politics* / P. Dutkiewicz, T. Casier, J.A. Scholte (eds). L.: Routledge. Режим доступа: <https://doi.org/10.4324/9781003037231>.
- Dutkiewicz P., Casier T., Scholte J.A. (eds) (2020b). *Hegemony and World Order: Reimagining Power in Global Politics*. L.: Routledge. Режим доступа: <https://doi.org/10.4324/9781003037231>.
- Geiger M. (2020). Shifting Hegemonies in Global Migration Politics and the Rise of the International Organization for Migration. *Hegemony and World Order: Reimagining Power in Global Politics* / P. Dutkiewicz, T. Casier, J.A. Scholte (eds). L.: Routledge. Режим доступа: <https://doi.org/10.4324/9781003037231>.
- Germain R. (2020). Global Hegemony From a Longue Durée Perspective: The Dollar and the World Economy. *Hegemony and World Order: Reimagining Power in Global Politics* / P. Dutkiewicz, T. Casier, J.A. Scholte (eds). L.: Routledge. Режим доступа: <https://doi.org/10.4324/9781003037231>.
- Ikenberry G.J. (2001). American Power and the Empire of Capitalist Democracy // *Review of International Studies*. Vol. 27. No. 5. P. 191–212. Режим доступа: <https://doi.org/10.1017/S0260210501008087>.
- Ikenberry G.J. (2018). The End of Liberal International Order? // *International Affairs*. Vol. 94. No. 1. P. 7–23. Режим доступа: <https://doi.org/10.1093/ia/iix241>.
- Ikenberry G.J., Nexon D.H. (2019). Hegemony Studies 3.0: The Dynamics of Hegemonic Orders. // *Security Studies*. Vol. 28. No. 3. P. 395–421. Режим доступа: <https://doi.org/10.1080/09636412.2019.1604981>.
- Keohane R.O. (1984). *After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy*. Princeton University Press.
- Maliniak D., Peterson S., Powers R., Tierney M.J. (2018). Is International Relations a Global Discipline? Hegemony, Insularity, and Diversity in the Field // *Security Studies*. Vol. 27. No. 3. P. 448–484. Режим доступа: <https://doi.org/10.1080/09636412.2017.1416824>.
- Mearsheimer J. (2018). *Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities*. Yale University Press. Режим доступа: <https://doi.org/10.2307/j.ctv5cgb1w>.
- Nye J. (1990). *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. Basic Books.
- Pal L. (2020). Twilight of Hegemony: The T20 and the Defensive Re-Imagining of Global Order. *Hegemony and World Order: Reimagining Power in Global Politics* / P. Dutkiewicz, T. Casier, J.A. Scholte (eds). L.: Routledge. Режим доступа: <https://doi.org/10.4324/9781003037231>.
- Safranchuk I. (2018). Russian-U.S. Relations: Torn Between the Practical and Ideational Agendas. *Russia in Global Affairs*. Vol. 16. No. 4. P. 96–121. Режим доступа: <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2018-16-4-96-119>.
- Safranchuk I. (2020a). M-Messianism // *Russia in Global Affairs*. Vol. 18. No. 1. P. 105–107. Режим доступа: <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2020-18-1-105-107>.
- Safranchuk I. (2020b). Globalization and the Decline of Universalism: New Realities for Hegemony. *Hegemony and World Order: Reimagining Power in Global Politics* / P. Dutkiewicz, T. Casier, J.A. Scholte (eds). L.: Routledge. Режим доступа: <https://doi.org/10.4324/9781003037231>.
- Schmidt B. (2020). Hegemony: A Conceptual and Theoretical Analysis and Its Application to the Debate on American Hegemony. *Hegemony and World Order: Reimagining Power in Global Politics* / P. Dutkiewicz, T. Casier, J.A. Scholte (eds). L.: Routledge. Режим доступа: <https://doi.org/10.4324/9781003037231>.
- Scholte J.A. (2020). Rethinking Hegemony as Complexity. *Hegemony and World Order: Reimagining Power in Global Politics* / P. Dutkiewicz, T. Casier, J.A. Scholte (eds). L.: Routledge. Режим доступа: <https://doi.org/10.4324/9781003037231>.
- Scholte J.A., Casier T., Dutkiewicz P. (2020). Hegemony in World Politics. An Introduction. *Hegemony and World Order: Reimagining Power in Global Politics* / P. Dutkiewicz, T. Casier, J.A. Scholte (eds). L.: Routledge. Режим доступа: <https://doi.org/10.4324/9781003037231>.
- Silver B.J., Payne C.R. (2020). Crises of World Hegemony and the Speeding Up of Social History. *Hegemony and World Order: Reimagining Power in Global Politics* / P. Dutkiewicz, T. Casier, J.A. Scholte (eds). L.: Routledge. Режим доступа: <https://doi.org/10.4324/9781003037231>.

Wang Y. (2020). The US – China Trade War and Hegemonic Competition: Background, Negotiations, and Consequences. *Hegemony and World Order: Reimagining Power in Global Politics* / P. Dutkiewicz, T. Casier, J.A. Scholte (eds). L.: Routledge. Режим доступа: <https://doi.org/10.4324/9781003037231>.

Xin Z. (2020). Competition in Convergence: US – China Hegemonic Rivalry in Global Capitalism. *Hegemony and World Order: Reimagining Power in Global Politics* / P. Dutkiewicz, T. Casier, J.A. Scholte (eds). L.: Routledge. Режим доступа: <https://doi.org/10.4324/9781003037231>.

Hegemony and World Order: An Overview of the Concept “Hegemony as Complexity”^{1, 2}

I. Safranchuk, V. Zhornist, A. Nesmashnyi

Ivan Safranchuk – PhD (Political Science), Senior Research Fellow, Institute for International Studies, MGIMO University; Associate Professor, Department of International Affairs, National Research University Higher School of Economics; 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russian Federation; E-mail: i.safranchuk@inno.mgimo.ru

Vera Zhornist – Analyst, Center of Eurasian Studies, Institute for International Studies, MGIMO University; 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russian Federation; E-mail: v.m.zhornist@my.mgimo.ru

Alexander Nesmashnyi – Analyst, Center of Eurasian Studies, Institute for International Studies, MGIMO University; 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russian Federation; E-mail: a.d.nesmashnyj@my.mgimo.ru

Abstract

*This article reviews the key topics and debates in *Hegemony and World Order: Reimagining Power in Global Politics* (Routledge, 2020), edited by P. Dutkiewicz, T. Casier, J. A. Scholte. The volume covers several issues related to hegemony in contemporary politics from neo-liberal, realist, constructivist, neo-Gramscian, world-systems and postcolonial theoretical perspectives. The concept of “complex hegemony,” briefly evaluated in this review, and the analysis of the recent stage of globalization presented in the volume offer meaningful contributions to the theoretical debates. From a more practical perspective, *Hegemony and World Order* dwells on the future of world order and the prospects for alternative hegemonic projects, including those sponsored by China and Russia. Additionally, the hegemony of non-state actors in global governance is studied in detail. The review considers the ability of the leading states to execute complex hegemony and discuss the demand for hegemony in the context of the transformation of world order.*

Key words: international relations theory; hegemony; power; world order; hegemonic stability

For citation: Safranchuk I., Zhornist V., Nesmashnyi A. (2021). Hegemony and World Order: An Overview of the Concept “Hegemony as Complexity”. *International Organisations Research Journal*, vol. 16, no 1, pp. 172–183 (in Russian). DOI: 10.17323/1996-7845-2021-01-09

References

- Akchurina V. (2020). On the Power of Improvisation: Why Is There No Hegemon in Central Asia? *Hegemony and World Order: Reimagining Power in Global Politics* (P. Dutkiewicz, T. Casier, J.A. Scholte (eds)). London: Routledge. Available at: <https://doi.org/10.4324/9781003037231>.
- Anderson P. (2017). *The H-Word: The Peripeteia of Hegemony*. Verso.
- Bajpai R. D., Parashar S. (2020). India in the ‘Asian Century’: Thinking Like a Hegemon? *Hegemony and World Order: Reimagining Power in Global Politics* (P. Dutkiewicz, T. Casier, J.A. Scholte (eds)). London: Routledge. Available at: <https://doi.org/10.4324/9781003037231>.
- Casier T. (2020). Unravelling Power and Hegemony: Why Shifting Power Relations Do Not Equal a Change of International Order. *Hegemony and World Order: Reimagining Power in Global Politics* (P. Dutkiewicz, T. Casier, J.A. Scholte (eds)). London: Routledge. Available at: <https://doi.org/10.4324/9781003037231>.

¹ The editorial board received the article in February 2021.

² Ivan Safranchuk’s research for this article was funded by MGIMO-University (Project Number 1921-01-04).

- Chebankova E. (2020). The Role of Ideas: Western Liberalism and Russian Left Conservatism in Search of International Hegemony. *Hegemony and World Order: Reimagining Power in Global Politics* (P. Dutkiewicz, T. Casier, J.A. Scholte (eds)). London: Routledge. Available at: <https://doi.org/10.4324/9781003037231>.
- Dutkiewicz P., Casier T., Scholte J.A. (2020a). Conclusions: Hegemony and World Order. *Hegemony and World Order: Reimagining Power in Global Politics* (P. Dutkiewicz, T. Casier, J.A. Scholte (eds)). London: Routledge. Available at: <https://doi.org/10.4324/9781003037231>.
- Dutkiewicz P., Casier T., Scholte J.A. (eds) (2020b). *Hegemony and World Order: Reimagining Power in Global Politics*. London: Routledge. Available at: <https://doi.org/10.4324/9781003037231>.
- Geiger M. (2020). Shifting Hegemonies in Global Migration Politics and the Rise of the International Organization for Migration. *Hegemony and World Order: Reimagining Power in Global Politics* (P. Dutkiewicz, T. Casier, J.A. Scholte (eds)). London: Routledge. Available at: <https://doi.org/10.4324/9781003037231>.
- Germain R. (2020). Global Hegemony From a Longue Durée Perspective: The Dollar and the World Economy. *Hegemony and World Order: Reimagining Power in Global Politics* (P. Dutkiewicz, T. Casier, J.A. Scholte (eds)). London: Routledge. Available at: <https://doi.org/10.4324/9781003037231>.
- Ikenberry G.J. (2001). American Power and the Empire of Capitalist Democracy. *Review of International Studies*, vol. 27, no 5, pp. 191–212. Available at: <https://doi.org/10.1017/S0260210501008087>.
- Ikenberry G.J. (2018). The End of Liberal International Order? *International Affairs*, vol. 94, no 1, pp. 7–23. Available at: <https://doi.org/10.1093/ia/iix241>.
- Ikenberry G.J., Nexon D.H. (2019). Hegemony Studies 3.0: The Dynamics of Hegemonic Orders. *Security Studies*, vol. 28, no 3, 395–421. Available at: <https://doi.org/10.1080/09636412.2019.1604981>.
- Keohane R.O. (1984). *After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy*. Princeton University Press.
- Maliniak D., Peterson S., Powers R., Tierney M.J. (2018). Is International Relations a Global Discipline? Hegemony, Insularity, and Diversity in the Field. *Security Studies*, vol. 27, no 3, pp. 448–84. Available at: <https://doi.org/10.1080/09636412.2017.1416824>.
- Mearsheimer J. (2018). *Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities*. Yale University Press. Available at: <https://doi.org/10.2307/j.ctv5cgb1w>.
- Nye J. (1990). *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. Basic Books.
- Pal L. (2020). Twilight of Hegemony: The T20 and the Defensive Re-Imagining of Global Order. *Hegemony and World Order: Reimagining Power in Global Politics* (P. Dutkiewicz, T. Casier, J.A. Scholte (eds)). London: Routledge. Available at: <https://doi.org/10.4324/9781003037231>.
- Safranchuk I. (2018). Russian-U.S. Relations: Torn Between the Practical and Ideational Agendas. *Russia in Global Affairs*, vol. 16, no 4, pp. 96–121. Available at: <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2018-16-4-96-119>.
- Safranchuk I. (2020a). M-Messianism. *Russia in Global Affairs*, vol. 18, no 1, pp. 105–7. Available at: <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2020-18-1-105-107>.
- Safranchuk I. (2020b). Globalization and the Decline of Universalism: New Realities for Hegemony. *Hegemony and World Order: Reimagining Power in Global Politics* (P. Dutkiewicz, T. Casier, J.A. Scholte (eds)). London: Routledge. Available at: <https://doi.org/10.4324/9781003037231>.
- Schmidt B. (2020). Hegemony: A Conceptual and Theoretical Analysis and Its Application to the Debate on American Hegemony. *Hegemony and World Order: Reimagining Power in Global Politics* (P. Dutkiewicz, T. Casier, J.A. Scholte (eds)). London: Routledge. Available at: <https://doi.org/10.4324/9781003037231>.
- Scholte J.A. (2020). Rethinking Hegemony as Complexity. *Hegemony and World Order: Reimagining Power in Global Politics* (P. Dutkiewicz, T. Casier, J.A. Scholte (eds)). London: Routledge. Available at: <https://doi.org/10.4324/9781003037231>.
- Scholte J.A., Casier T., Dutkiewicz P. (2020). Hegemony in World Politics. An Introduction. *Hegemony and World Order: Reimagining Power in Global Politics* (P. Dutkiewicz, T. Casier, J.A. Scholte (eds)). London: Routledge. Available at: <https://doi.org/10.4324/9781003037231>.

Silver B.J., Payne C.R. (2020). Crises of World Hegemony and the Speeding Up of Social History. *Hegemony and World Order: Reimagining Power in Global Politics* (P. Dutkiewicz, T. Casier, J.A. Scholte (eds)). London: Routledge. Available at: <https://doi.org/10.4324/9781003037231>.

Wang Y. (2020). The US – China Trade War and Hegemonic Competition: Background, Negotiations, and Consequences. *Hegemony and World Order: Reimagining Power in Global Politics* (P. Dutkiewicz, T. Casier, J.A. Scholte (eds)). London: Routledge. Available at: <https://doi.org/10.4324/9781003037231>.

Xin Z. (2020). Competition in Convergence: US – China Hegemonic Rivalry in Global Capitalism. *Hegemony and World Order: Reimagining Power in Global Politics* (P. Dutkiewicz, T. Casier, J.A. Scholte (eds)). London: Routledge. Available at: <https://doi.org/10.4324/9781003037231>.

Формат 60×88 1/8. Печать офсетная.
Бумага офсетная № 1. Уч.-изд. 16,8. Тираж 400 экз. Заказ

Адрес редакции
Российская Федерация, 119017, Москва, ул. Малая Ордынка, д. 17, оф. 417
Телефоны: +7 (495) 772-95-90 *23147 и *23149
E-mail: iorj@hse.ru

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., д. 6